

Россия и Балканы

**Из истории
общественно-политических и
культурных связей
(XVIII в. - 1878 г.)**

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр
общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

Россия и Балканы

Из истории
общественно-политических и
культурных связей
(XVIII в. - 1878 г.)

Москва 1995

Редакционная коллегия:

И.С.Достян

(ответственный редактор),

В.Н.Виноградов,

И.Ф.Макарова

(ответственный секретарь),

И.В.Чуркина

Рецензенты:

доктор исторических наук **В.И.Косик**

доктор исторических наук **В.М.Хевролина**

Книга подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 93-06-10592

ISBN 5-7576-0030-6

© Институт славяноведения и
балканистики РАН,
1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Связи России с народами Юго-Восточной Европы, находившимися на протяжении нескольких веков под властью Османской империи, были широки и чрезвычайно многообразны. Важный этап в их развитии начался в последней трети XVIII в. Именно тогда наметился перелом в судьбе большинства балканских народов, появились признаки их национального возрождения, сопровождавшегося подъемом национального движения в различных его формах. Одновременно в сфере международных отношений возник так называемый Восточный вопрос — узел противоречий, связанный с решением судьбы проливов из Черного в Средиземное море, а также Константинополя и владений османов в Юго-Восточной Европе. Активизация политики России в отношении Турции и ее балканских подданных сопровождалась расширением не только политических, но также общественных и культурных контактов с представителями этих народов. Со времени правления Екатерины II велась достаточно успешная территориальная экспансия России в турецкие владения. Какие бы ни были при этом субъективные цели и расчеты правящих кругов России, ее войны с Османской империей вели к ослаблению последней, к освобождению балканских народов от чужеземной власти и созданию их национальных государств. Можно считать, что освободительная миссия России в Юго-Восточной Европе в основном завершилась с окончанием русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Именно этому периоду в развитии русско-балканских контактов посвящается данная книга.

Авторы не ставили задачей дать всестороннюю картину всего многообразия русско-балканских связей. Для создания такого рода обобщающего труда необходимо предварительно разработать целый ряд более частных проблем, привлекая новые материалы, архивные документы, анализируя уже известные факты. Прodelать такую работу и постарались авторы данной книги, которая как бы подводит некоторые итоги изучения русско-балканских связей российскими специалистами в этой области.

ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА НА БАЛКАНАХ
В НАЧАЛЕ XIX в. И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ

Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. представляют собой многоплановый источник, в котором в той или иной мере содержатся важные сведения о положении угнетенных славянских народов, населявших в тот период балканские владения Османской и Австрийской империй. В этих планах отразились представления их авторов о расстановке политических сил внутри балканских владений указанных государств, о международной ситуации на Балканах и в Европе, идеологические обоснования необходимости и своевременности освобождения этих народов от иноземной зависимости и создания национальных государств, выбор ориентации на ту или иную внешнюю силу, программные требования национально-освободительного движения, а также представления о границах, характере и структуре будущего государства и т.д.

Поэтому неслучайно, что эта разновидность источников с давних пор привлекала внимание многих зарубежных и отечественных историков. И тем не менее, в отечественной и зарубежной историографии до сих пор отсутствуют исследования, в которых все известные планы создания славяно-сербского государства на Балканах, появившиеся накануне и в период Первого сербского восстания 1804-1813 гг., рассматривались бы все одновременно. В трудах по истории этого восстания исследователи обычно предпочитали концентрировать внимание лишь на тех положениях отдельных или группы планов, которые наиболее соответствовали их представлениям о генезисе и динамике национально-освободительного движения сербского народа во второй половине XVIII - начале XIX в. Однако различие концепционных подходов к раскрытию специфики и этапов сербского восстания 1804-1813 гг. оказало существенное влияние и на характер оценок политики России в отношении к этому слож-

ному движению вообще и к планам создания славяно-сербского государства в частности¹.

Принимая во внимание разноречивый характер порой противоположных оценок, которые давались и даются историками политике России в этих вопросах, автор статьи поставил перед собой задачу собрать воедино опубликованные и еще хранящиеся в архивах наиболее важные планы создания славяно-сербского государства в начале XIX в. и по возможности полно раскрыть их содержание, что, на его взгляд, позволило бы лучше понять как причины возникновения сербского восстания в 1804 г., так и логику неоднозначного отношения к этому движению правительства России на разных его этапах.

Идея создания некоей этнополитической общности всех славян, которая способствовала бы освобождению от иноземного ига с помощью России славянских народов, входивших в состав Османской и Австрийской империй, возникла еще в середине XVIII в. Известный русский историк XIX в. Н.И.Костомаров считал, что одним из первых выразителей этой идеи был хорватский писатель и политический деятель Юрий Крижанич. Последний в 60-х годах XVIII в. писал, что поработанные турками и австрийцами сербы, болгары и хорваты "давно уже потеряли не только свои государства, но и всю свою силу, язык и разум". Поскольку в обозримом будущем, полагал Крижанич, эти народы не смогут освободиться от иноземной зависимости собственными силами, то им для освобождения необходимы длительное время для просвещения народа и внешняя сила, которую он видел только в России. Обращаясь к русскому монарху Алексею Михайловичу, Крижанич писал: "Ты, царь, если не можешь в настоящее тяжелое время помочь им (т.е. сербам, болгарам и хорватам. — В.Г.) поправиться совершенно и привести к прежнему бытию их государства, то, по крайней мере, можешь исправить их славянский язык и открыть им умственные очи природные своими книгами, чтобы они познали свое достоинство и стали бы думать о своем восстановлении". Главное в этой получившей в XVIII-XIX вв. дальнейшее развитие идее Ю.Крижанича, по словам Н.И.Костомарова,

сводилось к тому, что "только Россия – одна Россия – может быть центром славянской взаимности и орудием самобытности и целостности всех славян от иноплемёнников, но Россия просвещенная, свободная от национальных предрассудков, Россия, сознающая законность племенного развития в единстве, твердо уверенная в своем высоком призвании и без опасения с равною любовью предоставляющая право свободного развития всем особенностям славянского мира, Россия, предпочитающая жизненный дух единения народов мертвящей букве их насильственного, временного сцепления"².

Другой политический деятель конца ХУП в., историк и предводитель сербов в Венгрии, граф Георгий Бранкович такую внешнюю силу видел в Австрии. В 80-х годах ХУП в. он предложил австрийскому императору Леопольду план, который предусматривал создание на месте Европейской Турции славянского государства, границы которого должны были простираться от Адриатического до Черного моря. Это обширное государство, по замыслу Г.Бранковича, должно было бы называться Иллирийским королевством и находиться под верховной властью австрийских монархов. Для этой цели Г.Бранкович просил дать войско и деньги, а для себя лично – титул сербского деспота. Рассчитывая привлечь сербов для войны с Османской империей, Леопольд в 1688 г. пожаловал Г.Бранковичу титул графа Священной Римской империи и выдал грамоту, в которой объявлял его потомком сербского деспота Вука Бранковича. Однако просимой помощи для создания Иллирийского королевства новоявленный граф не получил и вскоре был сослан в захолустную венгерскую крепость Хеб, где он, несмотря на заступничество русского царя Петра I, оставался до самой смерти³.

Немалое число различного рода планов создания славяно-сербского государства появилось в ХУШ в., особенно во второй его половине, когда Османская империя вступила в полосу всеобъемлющего кризиса, с углублением которого Порты все больше и больше утрачивала контроль над событиями в ее балканских владениях, где быстро усиливались непокорные

ей паши и аяны, развивался сепаратизм и формировались предпосылки национально-освободительного движения. Французская революция 1789 г. также существенно дестабилизировала прежнюю систему международных отношений на Европейском континенте, что послужило стимулом для возникновения ряда коалиций и серий войн в Европе и на Балканах.

В такой быстро менявшейся геополитической ситуации, особенно накануне и в период русско-турецкой войны 1787-1791 гг., в адрес правительства России поступило несколько проектов создания славяно-черногорского государства. Это объясняется тем, что в 80-х годах XVIII в. Черногория стала объектом претензий непокорного Порте мятежного правителя Шкодринского пашалыка Махмуд-паши Бушатли, который в 1785 г. вопреки приказам Порты ввел свои войска в Черногорию и попытался установить там свою власть⁴.

Видимо по просьбе черногорцев, генерал-майор российских войск Д.Неранджич, который сам был выходцем из Сербии, в 1785 г. подал Г.А.Потемкину записку. Он предлагал князю направить в Черногорию корпус российских войск для освобождения черногорцев от произвола турецких пашей, а заодно создать славяно-черногорское государство, в состав которого должны войти Черногория, Герцеговина, Бока Которская и некоторые далматинские города. В период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. гувернадур Черногории Й.Радонич просил Екатерину II прислать в Черногорию находившегося на русской службе серба Софрония Марковича-Юговича, который от имени русской царицы должен был призвать к восстанию всех славян, населявших балканские владения Османской империи, а после свержения османского ига организовать и возглавить славяно-сербское государство на Балканах. Однако эти предложения не вызвали особого интереса у петербургских политиков.

Уже после войны, в 1796 г., когда Махмуд-паша Бушатли дважды пытался захватить Черногорию, но был разбит черногорцами 2 июля 1796 г. при Мартиновичах, а 22 сентября у местечка Крусы, где он и был убит, Й.Радонич и Дм.Вуйович направили в Петербург еще одно предложение о создании сла-

вяно-черногорского государства, которое находилось бы под защитой и покровительством российских монархов. На этот раз черногорцы просили снабдить их только деньгами, которые они намеревались использовать для формирования 20-тысячного корпуса наемников из балканских славян⁵. Но и это предложение не получило поддержки, поскольку в период правления Екатерины II петербургский двор был увлечен идеей создания греческого государства, получившей свое выражение в так называемом "греческом проекте" императрицы. Согласно этому проекту на месте распадавшейся Османской империи предполагалось создать прежде всего греческую империю⁶.

Со сменой приоритетных направлений во внешней политике России, последовавшей после смерти Екатерины II, идея создания славяно-сербского государства на Балканах вновь оказалась в поле зрения ведущих политиков России. В первые годы правления Александра I дочь Павла I, великая княжна Александра Павловна, в 1799 г. выданная замуж за венгерского палатина эрцгерцога Иосифа, в 1801 г., перед своей смертью, по словам ее духовника А.А.Самбарского, просила своего царствующего брата помочь сербам освободиться не только от османской, но и от австрийской зависимости. Исполнение этой многовековой мечты сербского народа Александры Павловны считала "наиважнейшим в свете происшествием". После ее смерти активным проповедником этой идеи стал А.А.Самборский, который ранее был учителем и наставником Александра I и других великих князей. После смерти Александры Павловны А.А.Самборский в 1801-1804 гг. был определен настоятелем церкви при русском посольстве в Вене. В этот период он установил и поддерживал тесные связи со многими представителями сербского духовенства и влиятельными политическими деятелями угнетенного славянского населения не только в Австрийской, но и в Османской империи⁷.

Между тем "греческий проект" Екатерины II в начале XIX в. окончательно утратил свое прежнее значение и прочно занял место в фондах архива МИДа России. В 1804 г. канцлер А.Р.Воронцов писал по этому поводу: "...При нынешнем правлении

химерические виды восстановления Греческой империи... более бы блеском почитаться долженствовало, нежели существенную пользу России принесло... Всякое порядочное европейское правление в Царьграде по времени сделалось бы гораздо тягостнее и опаснее для России, нежели настоящее неустроенное турецкое"⁸.

Идея создания славяно-сербского государства приобрела еще большую актуальность, когда в Белградском пашалыке Османской империи в начале 1804 г. сербское население восстало против тиранического правления местных янычар, которые отказались подчиняться Порте, захватили в пашалыке власть и отменили все привилегии, полученные сербами в 90-х годах XVIII в. Поскольку Порта оказалась не в состоянии восстановить законный порядок в Белградском пашалыке, сербское восстание против мятежных янычар постепенно стало приобретать характер борьбы за предоставление сербам автономных прав в сфере внутреннего управления. Россия поддержала эти устремления сербов, а Франция и Австрия потребовали от Порты задушить в зародыше это движение. При сложившейся ситуации предводители сербского восстания и представители сербской православной церкви в Австрии обратились к русскому правительству с просьбой о помощи. Однако в начальном периоде восстания в их обращениях еще не было единства взглядов ни на стратегию и тактику сербского движения, ни на характер помощи, которую они рассчитывали получить от правительства России. Например, Йован Йованович, сербский епископ Бачки, в письме от 14 октября 1804 г. просил царя обеспечить 500 тыс. сербов, болгар и валахов оружием, боеприпасами и деньгами, направить в Сербию русские войска, по прибытии которых местное население восстанет и присоединится к ним. Созданное в ходе войны славяно-сербское государство, по словам Й. Йовановича, должно принять "вечное подданство и покровительство" России. Во главе нового государства он предлагал поставить брата Александра I великого князя Константина Павловича, который будет увенчан короной сербского царя Стефана Душана⁹. Поскольку Россия в это время вела

войну с Францией и Персией и являлась союзницей Турции, то предложенный И.Иовановичем план, осуществление которого влекло за собой разрыв союзнических отношений с Портой и войну с ней, был признан несостоятельным и отклонен петербургским двором¹⁰.

С большим вниманием министерство иностранных дел России отнеслось к плану главы сербской православной церкви в Австрии митрополита Стефана Стратимировича. Его проект был тайно переправлен из Вены в Петербург А.А.Самборским в июне 1804 г.¹¹ Доказывая несостоятельность выдвинутого в царствование Екатерины II проекта создания греческого царства, Ст.Стратимирович пытался обосновать выгоды союза России с восставшими сербами. Он писал: "Несть народа в поднебесной, который бы толико любовь и наклонение к русским (людям. - В.Г.) и российским государям имел, яко же сербский восточного православного исповедания народ. Они едины языком, благочестием, книгами закона, образом благоговения равные славяне, благочестивые с русскими суть". Сербь, по его же словам, "единую надежду и ожидание в России... всегда имели и днес имеют". Валахи, молдаване и греки, напоминал он царю, уже ощутили на себе благотворное заступничество и покровительство российских монархов, и только сербы до сих пор остаются в забвении, хотя они "и благочестием, и языком, и кровию, и усердием... ближе всех прочих" к русским. Восставшие в Белградском пашалыке сербы, по плану Стратимировича, прежде всего должны обрести "политическую жизнь", не выделяясь из состава Османской империи, и установить с Россией "желаемое политическое содружество". Этой цели, по его мнению, сербы должны добиваться дипломатическими средствами при поддержке России. А именно: русский царь, как союзник Турции, сможет легче убедить султана, чтобы тот отпустил сербов "в независимость и под защиту России". А российское правительство за это могло бы гарантировать Порте целостность ее владений в Азии и содействие в приобретении новых земель в том же регионе. В случае несогласия Порты Стратимирович рекомендовал царю

припугнуть султана тем, что сербские повстанцы, по его словам, "сами по себе от султана противу воли его отторгнувшись, ближайшему государству передадутся, что скоро и легко можно сделать". Впоследствии, развивая свой план митрополит, в состав новой сербской державы должны войти сербы, населявшие побережье Адриатического моря, междуречье Дуная и Савы и другие районы. Во главе государства Стратимирович видел также одного из братьев Александра I или его зятя из немцев. Дабы успокоить правительства тех европейских держав, которые опасались нарушения геополитического равновесия в Европе, митрополит предлагал царю убедить их в том, что новое славяно-сербское государство не будет отторгнуто от Османской империи и, следовательно, политическое равновесие будет сохранено. Свое послание Стратимирович заключал уверением: "Воздвижение нового Сербского государства... толь полезно за российский императорский дом, толь славно за весь славянский род, что никакой, хотя бы и величайший труд, никакое, хотя величайшее иждевение, не могут быть чрезмерными", а осуществление его проекта "не невозможным быти видится"¹².

Изложенный Стратимировичем проект создания славяно-сербского государства в ряде случаев очень близко смыкается с положениями обращения сербских повстанцев от 3 ноября 1804 г., которое было передано сербскими депутатами в Петербурге товарищу министра иностранных дел России А.А.Чарторыйскому. В обращении к русскому правительству сообщалось, что сербы Белградского пашалыка взяли за оружие "в крайней нужде" и выступили не против султана и преданных ему местных властей, а только против тирании непокорных Порте янычар, размещенных в Белграде и Белградском пашалыке. До отъезда сербской депутации в Россию, т.е. до 1 сентября 1804 г., как сказано в обращении, "султан посушки наши доселе одобрял и за то, что Белград и Сербию от ребеллов (мятежных янычар. - В.Г.) освободили, великую нам милость обещал". Сербские повстанцы, со своей стороны, "закон положили" непокорных султану янычар изгнать из Бел-

градского пашалыка, а с "добрыми турками" мирные договоры заключить. Посланный для урегулирования сербо-янычарского конфликта боснийский визирь Бакир-паша, писали депутаты, отверг требования сербских повстанцев привлечь к разбору сербо-янычарского конфликта посредников из других государств, а австрийские власти сами отказались от посредничества. Эти обстоятельства, по уверению авторов обращения, побудили предводителей сербского восстания обратиться к России, которая с давних пор поддерживает сербский народ, оказывая ему своё покровительство. Только отсутствие оружия и денег не позволяет сербам поднять всеобщее восстание. Для этого необходимы: пушки, искусные артиллеристы, порох, провиант, некоторое число российского регулярного войска и опытные военачальники. Если сербские повстанцы получают все это, то, по словам обращения, "почти все ту-рецкие провинции, в которых живут сербы, в одно мгновение соединятся и свергнут срамное и бесчеловечное тиранов иго". В связи с этим сербские депутаты просили царя, чтобы он как союзник венского двора постарался расположить в пользу сербских повстанцев австрийского императора, а также послал в Сербию русского консула, который смог бы выступить посредником и гарантом между сербскими повстанцами и "мирными турками", а сербскому народу "важную утеху присутствием своим приносил бы". Этническую, языковую и религиозную близость русских и сербов авторы обращения предлагали закрепить и "политическими любезнейшими отношениями" между этими народами, которые, по их словам, могли бы "освятить" счастье всего сербского народа, основании которого в тех важных обстоятельствах "первое начало" могло бы быть положено.

В этом же обращении были изложены и основные принципы политического устройства славяно-сербского государства, которые на первом этапе, по мнению сербских депутатов, могли бы устроить как сербов, так и другие заинтересованные стороны, т.е. Порту, европейские державы и Россию. В обращении констатировалось, что восставшие сербы добиваются

того, чтобы их страна "под именем сербского правления, либо под иным сходным названием, на примере Семи островов республики, под прямым и непосредственным России защитением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелась, нерушимо сохраняя доннешнее к султану обязательство, принадлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавляя к сему новое: на упорные ему ребеллы всегда воевать"¹³.

Из этого, на наш взгляд, программного документа можно сделать вывод, что у направлявших в Россию полномочную депутацию руководителей сербского восстания созрел план воспользоваться уникальной возможностью, которая возникла в процессе развития локального сербо-янычарского конфликта в Белградском пашалыке, для развертывания национально-освободительного движения при поддержке и помощи России за создание автономного славяно-сербского государства в составе Османской империи.

По поступлении в канцелярию МИДа России этих двух важнейших программных документов, требовавших ответственного и взвешенного решения со стороны петербургского двора, А.Чарторыйский счел необходимым запросить мнения людей, хорошо знавших положение дел в Османской империи и в одной из ее балканских провинций, в Сербии.

Признавая перспективность основной идеи проекта Ст. Стратимировича и обращения сербских депутатов от 3 ноября 1804 г., В.Н.Каразин писал в 20-х числах ноября 1804 г.: "Никогда еще не было... более благоприятного времени для такого великого предприятия, которое, не создавая пагубных препятствий для цивилизованных государств, сохраняя даже господство турок... почти без пролития крови, через 5-10 лет сможет непременно основать царство славян, чтобы посадить на трон одного из августейших братьев Александра". Однако в условиях сложившейся к тому времени международной ситуации в Европе и на Балканах, отмечал Каразин, явная помощь сербам со стороны России не может быть действенной, а только испортит ее отношения с Турцией и Австрией. Он

предлагал придерживаться курса "активного негласного влияния" (*d'influence active non avouée*). К числу первоочередных мер, которые должны были предпринять сербские повстанцы после получения согласия правительства России поддержать их намерения, Каразин относил: согласование с правительством России основных требований, которые должны быть переданы Порте сербскими повстанцами; поездку сербской депутации в Константинополь для передачи этих требований, которые должны быть поддержаны российским посланником в Турции А.Я.Италинском; независимо от ответа Порты на эти требования приступить к учреждению в повстанческой Сербии административного совета (*Une espèce de conseil administratif*), направить в Сербию для координации действий сербских повстанцев и российских дипломатов в Османской империи представителя России, миссию которого он просил возложить на него¹⁴.

В последних числах ноября 1804 г. товарищ министра иностранных дел России А.А.Чарторыйский подал царю Александру I записку по поводу приезда в Петербург депутации сербских повстанцев, сущности их просьбы и тех мер, которые правительство могло бы предпринять для поддержания требований сербского народа перед Портой. В записке говорилось, что прибывшие в Россию сербские депутаты ходатайствуют перед петербургским двором о предоставлении им оружия, боеприпасов и денег. Все это им необходимо для борьбы против "бунтующих властей турецких, устремляющихся на сокрушение сербов". "Весь народ сей, - писал Чарторыйский, - желает видеть себя устроенным, в особенности в политическом своем существовании, под собственным своим управлением наподобие республики Ионической: то есть, чтобы, завися от Порты и оной платя определенную дань, быть под гарантию России". Понимая, что снабжение сербских повстанцев оружием и боеприпасами вызовет протест и противодействие Порты, Австрии и других европейских держав, Чарторыйский предлагал: "При настоящем положении дел единственное вспомоществование, народу сему возможное, состоять может в день-

гах, дабы тем поставить их в положение продолжать военные действия, и которое бы возбудило в Порте внимание к необходимости восстановить прежнюю власть ее над сим народом посредством податливости своей на просимые оным преимущества". Исходя из этого, Чарторыйский считал, что борьба за предоставление Сербии автономных прав в сфере внутреннего управления должна вестись дипломатическими средствами путем координации действий предводителей сербского восстания и русских дипломатов в Турции. В частности, предводители сербского восстания должны были выдвинуть свои требования и передать их Порте через своих депутатов, а русский посланник в Турции А.Я.Италинский тем временем будет "исподволь стараться благоразумными внушениями расположить министерство турецкое к принятию посредничества нашего (России. - В.Г.) в том, чтобы дано было славяно-сербам какое-либо образование (автономия. - В.Г.), власть Порты над народом сим вяще обеспечивающее и по возможности жребий оного улучшить могущее". Для усиления же боеспособности сербских повстанцев Чарторыйский предлагал выделить им 20 тыс. пиастров. План Чарторыйского был одобрен царем и без промедления стал реализовываться в конкретных акциях русской дипломатии¹⁵.

Возвращаясь из Петербурга в Сербию, сербский депутат Божидар Груйович (Ф.Филипович) в феврале 1805 г. заехал в Сремские Карловцы к митрополиту Ст.Стратимировичу. При встрече они обсудили вопрос о принципах формирования новых органов власти в повстанческой Сербии. Стратимирович считал, что создание новой системы временного управления ("междувременог правленија") в Сербии следовало сохранять до времени в тайне. По его мнению, из освобожденных частей Сербии должны быть изгнаны только янычары и спахи. Ремесленников, земледельцев и других мирных турок, которые "живут сами по себе и не желают управлять райей", он советовал оставить в Сербии. Митрополит считал вполне оправданным, если население Сербии будет пополняться за счет присоединившихся к сербскому восстанию болгар и беженцев

из других пашалыков Османской империи. Но они должны подчиняться новой власти и новому суду. Среди турок и народа другой национальности необходимо распространять сербский язык, учение, "книжество" для того, чтобы они со временем "превратились в вас (т.е. в сербов. - В.Г.) и приумножили ваш язык и государство". Хорошее отношение к несербскому населению, полагал митрополит, будет способствовать тому, что оно со временем отдаст предпочтение новому порядку и даже будет защищать его.

Изгнав из Сербии янычар и турецкое войско, наставлял Стратимирович, сербы ни в коем случае не должны выпускать из своих рук завоеванную власть в стране, а для этого необходимо: хорошо организовать повстанческое войско, непрерывно пополнять казну, в которую каждый человек должен платить налоги по своим возможностям, учредить суд, в котором должны судить только сербы, а не турецкие кадии, ввести хорошие законы и привести в порядок православную церковь, создать школы для обучения народа, учить читать и писать, как можно шире распространять сербские книги, заставлять народ молиться богу. На первом этапе учреждения органов власти, разъяснял Стратимирович, система управления должна быть настолько простой, чтобы она была понятна каждому человеку. Налоги с населения могли бы собирать сельские старосты (кметы). Кнззы с выборными и приведенными к присяге крестьянами и сельскими священниками первое время могли бы вершить суд. Призывая сербских воевод и старейшин к единству, Стратимирович давал наказ слушаться и защищать Карагеоргия, который, по его мнению, являлся не только верховным вождем восстания, но и должен быть главой государства. Новые органы управления должны формироваться немедленно и независимо от тех решений, которые будут приняты Портой в связи с поездкой сербских депутатов в Константинополь. Сейчас для этого, пояснял митрополит, сложились наиболее благоприятные условия, поскольку почти все европейские державы воюют между собой и теперь им нет дела до сербов, а султан сбит с толку неурядицами

в провинциях его империи. Он просто не знает, как ему следует поступить: то ли защищать сербов от их врагов, то ли применить против них силу и отказать им в их требованиях. В сложившейся ситуации, настаивал Стратимирович, сербы должны отстаивать свои требования единодушно, настойчиво и без малейших уступок¹⁶.

Более демократичный проект государственного устройства был подготовлен Б.Груйовичем к заседанию несостоявшейся скупщины, которую предполагалось собрать 15 августа 1805 г. в монастыре Боговаджа. Согласно его проекту в "Начальный Правительствующий Совет Народный" должны были избираться по одному "заслуженному мужу" от каждой из 12 нахий. "Эти 12, - писал Б.Груйович, - должны управлять всем народом". Члены избранного Совета выбирают из своей среды на один месяц председателя или "поглаваря", который должен стать первым лицом в Совете. "Что Совет определит, то он исполнит". Члены этого же Совета избирают между собой, по их собственным способностям, секретаря и попечителей войска, казны, суда, просвещения и церкви, иностранных дел, полиции. Остальные советники становятся помощниками попечителей. Советники переизбираются один раз в год, а председатель - каждый месяц¹⁷. Господином и судьей в народе, по убеждению Б.Груйовича, может быть только закон, который вытекает из воли народа. А закон зиждется на разуме и правде. Поэтому, пишет он, "мы воздвигаем и прочно утверждаем в Сербии два принципа - разум и правду. Только такой мудрый и праведный закон будет для нас первейшим повелителем и господином". Основы нового порядка, по Груйовичу, должны быть зафиксированы в конституции. "Где есть хорошая конституция, то есть где есть хорошее установление закона и где хорошо организована власть по законам, там есть свобода и вольность, а там, где один или несколько (человек. - В.Г.) приказывают по своей воле, закона не существует..., там гибнет воля народа, там нет свободы, безопасности, добра". Главной обязанностью народных начальников, поясняет Груйович, должно стать их старание о личной

безопасности каждого человека, его семьи, дома, имущества и чести. Если избранный народом начальник забудет об этой обязанности, то он не достоин быть главой государства¹⁸.

Проект Б.Груйовича, с нашей точки зрения, мог бы соответствовать требованиям устройства правовой буржуазно-демократической республики, но, видимо, он во многом противоречил уровню социально-экономического развития и общественно-политического сознания сербского народа, который к тому же еще не добился полного освобождения от османского гнета. Кроме того, его проект явно был направлен против стремления верховного вождя Карагеоргия к единоличной власти, которую он уже сумел обеспечить себе за полтора года руководства восстанием. Видимо, это и послужило одной из причин того, что проект Б.Груйовича был отвергнут Карагеоргием. Однако последующие события показали, что сторонникам демократических и правовых принципов устройства сербской государственности 4-14 октября 1805 г. удалось организовать заседание народной скупщины, на которой был учрежден Народный Совет сербский и провозглашены принципы государственного устройства. 12 октября 1805 г. скупщиной был принят документ конституционного значения под названием "Сербская свобода"¹⁹. В нем указывалось, что с момента принятия этого закона каждый человек в повстанческой Сербии по своему благоразумию может свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом и продавать его кому захочет; никакая из властей не имеет права погубить даже самого виноватого человека, обвиняемого в убийстве может судить только Народный Совет сербский, каждый житель Сербии, богатый или бедный, может свободно обращаться в Народный Совет с просьбой о помиловании и направлять туда же свои предложения и проекты, которые в свое время будут употреблены в дело и т.д. Творцом этой декларации был все тот же Б.Груйович.

Борьба вокруг проблемы верховной власти в Сербии, ее государственного устройства обострилась уже в конце 1805 г. Вук Караджич рассказывал впоследствии, что на скупщине,

собравшейся в конце ноября 1805 г., Карагеоргий воспротивился попытке Б.Груйовича, М.Ненадовича и митрополита Леонтия провозгласить Совет верховной властью. Однако копия решения скупины от 25 ноября 1805 г. опровергает эту версию. В этом документе, который подписали верховный вождь Карагеоргий и 12 кнезов и воевод, Народный Совет признавался верховной властью, наделался правом утверждать избранных народом воевод и кнезов, а также приказывать всем нижестоящим властям и гражданам. Председателем Совета был избран протоиерей М.Ненадович, другие 12 старейшин имели равные права. О том, что Народный Совет в конце ноября 1805 г. был подтвержден в качестве органа центральной власти, свидетельствуют обращение сербов к Александру I от 30 ноября 1805 г. и другие письма, которые М.Ненадович подписал как председатель этого Совета²⁰. Хотя сфера деятельности Народного Совета была достаточно широкой, он тем не менее, по утверждению В.Караджича, не смел противоречить Карагеоргию, а верховный вождь мог приказывать ему. В последующие годы Народный Совет постепенно утратил исполнительную и законодательную власть, сохранив за собой лишь функцию верховного суда²¹.

После отказа Порты удовлетворить требования сербов о предоставлении им автономных прав в сфере внутреннего управления, изложенных в их прошении от 1 мая 1805 г., а затем после разгрома в августе 1805 г. войска Хафиз-паши, который был назначен визирем Белградского пашалыка, Порта признала сербов мятежниками и объявила против них священную войну. В обращении к Александру I от 30 ноября 1805 г. Карагеоргий и М.Ненадович от имени всего народа просили его убедить султана отменить решение об объявлении священной войны против сербов и о походе на них войск румелийских пашей. В связи с этим Чарторыйский по приказанию царя 3 февраля 1806 г. предписал российскому посланнику в Турции, чтобы он старался "обеспечить установление у сербов правительства, близкого по характеру к правительству Молдавии и Валахии..., с той разницей, что главой нации будет

не греческий князь-фанариот, а местный". В этом случае Россия могла бы "гарантировать новый порядок, если Порта предоставит сербам хати-шериф или другой акт, который закрепит их привилегии"²².

Тогда же Александр I просил А.А.Самборского изложить свою точку зрения по сербскому вопросу. Служа протоиереем при русском посольстве в Вене и поддерживая связь со многими влиятельными политическими и церковными деятелями, он хорошо знал положение дел в повстанческой Сербии, настроения и нужды сербского народа. Свои соображения по этому "благоугодному и важному предмету" А.А.Самборский изложил в специальной записке от 22 марта 1806 г. Единоверие православных славянских народов, писал он, является мощным связующим фактором, который невозможно разрушить ни огнем, ни мечом, ни многовековым иноземным игом. Сербь и другие славянские народы Турции и Австрии, уверял Самборский царя, связывают свои надежды на освобождение прежде всего с Россией и верят в то, что это время уже пришло. Рассказывая о положении сербского народа в "державе Турецкой", автор записки просил отнестись к этому народу с "настрожайшим состраданием" и оказать ему "всеобщее пособие". Поскольку Порта, говорится в записке, еще не совсем "упоена и ослеплена французскими лестными внушениями и планами", то петербургский двор еще имеет возможность убедить ее в том, чтобы "вооруженные сербы были признаны не мятежниками, а защитниками Оттоманской Порты и своего отечества". Когда сербский народ "утвердится в своей оборонительной организации, тогда уже весьма легко может само собой уничтожиться и Турецкая держава". Конкретная помощь сербским повстанцам со стороны России, по мнению Самборского, могла бы заключаться в посылке к ним "благоразумных и честных советников", военачальников с некоторой частью войск из числа сербов, служащих в российской армии, в снабжении их оружием, боеприпасами и деньгами²³.

Александр I издал распоряжение отправить сербам 6 тыс. червонных и написал личное письмо султану 30 апреля 1806 г.,

в котором убеждал Селима III отменить карательный поход на сербов²⁴. Послание российского монарха и демарши А.Я.Италинского в Константинополе, видимо, были приняты во внимание турецкими властями, поскольку вскоре верховный вождь сербских повстанцев Карагеоргий был извещен Портой о том, что она согласна возобновить переговоры с сербскими повстанцами, но без посредников и на основе более умеренных требований с их стороны. Карагеоргий принял это предложение и направил в Константинополь в начале июля 1806 г. сербского депутата Петра Ичко²⁵.

После поражения русско-австрийских войск под Аустерлицем, занятия французами Вены, заключения Пессбургского мира 14(26) декабря 1805 г. и вывода русских войск из Австрии политическая ситуация в Европе и на Балканах круто изменилась. Оказавшись полностью втянутой в сферу влияния Франции, Порта по указке французских дипломатов стала искать повода для разрыва с Россией союзнических отношений. Чтобы вырвать Порту из сферы влияния Франции и сохранить с ней союзные отношения, петербургский двор был вынужден использовать политику силового давления на нее. С этой целью авангард русской армии, расположенный на Днестре, 11 ноября 1806 г. вступил в пределы Молдавского княжества, население которого постоянно подвергалось грабительским набегам войск непокорного Порте видинского мятежного паша Пазванд-оглу. В связи с ответным наступлением войск также мятежного рущукского аяна Мустафы Байрактара на Бухарест, главнокомандующий русской армией И.И.Михельсон 23 ноября 1806 г. отдал приказ корпусу генерал-лейтенанта М.А.Милорадовича вступить в пределы Валахии. Накануне ввода русских войск И.И.Михельсон разослал всем пашам и комендантам придунайских крепостей письма, в которых сообщалось, что для защиты населения этих княжеств от набегов мятежных пашей вводятся российские войска в пределы Дунайских княжеств.

Между тем, вступление русских войск в Дунайские княжества послужило сигналом к штурму сербами Белграда, ко-

торый они заняли 30 ноября 1806 г. В феврале 1807 г. сербы отказались от условий соглашения, подписанного накануне в Константинополе сербским депутатом П.Ичко. 24 апреля 1807 г. в ставку Михельсона прибыла сербская депутация с прошением оказать сербским повстанцам военную и финансовую помощь, а также прислать в Сербию представителя России, который, по словам Михельсона, "председательствовал бы в Совете и руководил всеми деяниями их". По рекомендации министра иностранных дел России А.Я.Будберга И.И.Михельсон направил в Сербию К.К.Родофиникина, грека по национальности, который с конца XVIII в. служил в Азиатском департаменте МИДа России и хорошо знал ситуацию в балканских владениях Порты. К.К.Родофиникин прибыл в Белград 2 августа 1807 г.

Между тем, к лету 1807 г. международная ситуация в Европе вновь изменилась. После поражения русской армии у Фридланда Александр I был вынужден согласиться на перемирие, а затем и на союз с Наполеоном. Подготовка к русско-французским переговорам в Тильзите началась в середине июня 1807 г. В дополнении к инструкции Александра I русским уполномоченным говорилось, что Россия решительно выступает против раздела Османской империи, но в то же время петербургский двор не возражает и "против реорганизации управления" в Молдавии, Валахии и Сербии. "Если бы такое соглашение было бы одобрено (французской стороной. - В.Г.), то можно было бы сохранить нынешнее управление в Сербии, но вместо Турции сюзереном этих провинций стала бы Россия"²⁶. Однако такой вариант решения сербского вопроса, видимо, не устраивал Наполеона и был исключен из повестки дня тильзитских переговоров²⁷.

В период столь крутого изменения курса внешней политики петербургского двора многие политики и общественные деятели России не одобряли союз Александра I с Наполеоном. Наиболее обстоятельно такая позиция была изложена в "Записке" С.М.Броневского от 27 августа 1807 г., который, пытаясь обосновать противоестественность русско-французского союза, противопоставлял ему фактор славянской общности²⁸. В своей "Записке" С.М.Броневский исходил из пред-

посылки, согласно которой европейский континент к началу XIX в. в геополитическом отношении был поделен между "всема различными расами людей - славянами и франками; все остальные покорны им или близки к этому, за исключением шведов". Франция стала центром франкских народов, а Россия - "моральный центр славян, которые страдают повсюду под чужеземным игом... и ждут гения-освободителя". Поскольку одна Россия слабее союза франков, следовательно, делает вывод автор записки, ей выгодно объединить славян, ибо славянские народы по свойствам своего характера никогда не смогут слиться ни с французами, ни с немцами, ни, тем более, с турками. Лишенные поддержки, денег, офицеров и артиллерии, славяне будут сломлены и не смогут поддержать усилий России. "Поэтому, - пишет Броневский, - России выгодно оберегать интересы славян как ныне, так и на будущее. Доверие, которое свидетельствуют нам эти великодушные народы - священный клад, ключ от которого должен быть вручен потомству". Если в результате русско-турецких переговоров решение сербского вопроса не удовлетворит сербов, то их можно считать потерянными для России и приобретенными Францией, которая использует их для новых завоеваний на Адриатике. И, наоборот, если сербское дело будет поддержано их соплеменниками и вызовет брожение в Хорватии, Венгрии и Трансильвании, то "трудно предвидеть... последствия, к которым может привести всеобщее восстание славян в политической системе Европы". Поэтому, делает вывод он, для России было бы опрометчивым отказываться от союза с миллионами людей, полных решимости обеспечить себе политическое существование под ее покровительством.

Однако для Броневского осталось неясным, как к этому отнесется Наполеон. Если в результате спонтанного движения произойдет революция и Россия присоединится к делу славян, то, предполагает автор записки, Наполеон едва ли захочет оказать этому делу серьезное сопротивление и возместит убытки за счет разваливавшихся Османской и Австрийской империй. При создании новых небольших государств,

Формирование которых могло бы осуществляться под влиянием России и Франции, по мнению Броневского, было бы целесообразным объединить эти государственные образования соответственно в рейнскую федерацию и славянскую конфедерацию. Такое решение вопроса подсказывает сама природа. Было бы неуместным, полагает он, ставить под сомнение желание распяленных по всей Европе славян принадлежать к союзу единоплеменников, так же было бы неразумно спорить и о том, должны ли страны, примыкающие к Рейну, находиться под влиянием Франции. "Эти основы неколебимы, — пророчествует Броневский, — и как долго их не откладывали бы, в один прекрасный день они должны осуществиться согласно неумолимому ходу событий". Он в то же время сознает, что если Россия поддержит славян, она "навлечет на себя войну" Австрии, Турции и, возможно, Франции. И тем не менее, считает автор записки, России выгоднее иметь на своей стороне федеративные силы славян в 20 млн человек, чем союз с Францией. При разрыве союза с Францией последняя не упустит случая поссорить Россию с Австрией и Турцией. Исходя из этих прогнозов, Броневский считал необходимым сообщить сербским повстанцам, что правительство России согласно поддержать их дело в том случае, если они будут следовать его советам²⁹. Поскольку прогнозы и рекомендации С.М.Броневского шли вразрез с политикой петербургского двора, то его проект не нашел там ожидаемого отклика.

Между тем, из первых же донесений К.К.Родофиникина стало очевидным, что к моменту его прибытия в Белград Народный Совет, как орган исполнительной власти, утратил свое прежнее значение. На его заседаниях присутствовало не более четырех человек, покорно выполнявших распоряжения верховного вождя и других главных воевод. Последние сосредоточили в своих руках всю полноту исполнительной власти. Но и между воеводами было согласие лишь в военных делах, а по другим вопросам, пишет Родофиникин, "большой дружбы нет". По приезде в Сербию Родофиникин попытался реанимировать деятельность Народного Совета и добился того, что

на его заседаниях стали присутствовать до 17 выборных представителей из сербских нахий³⁰. Вместе с тем, по инициативе Родофиникина была создана комиссия по разработке проекта внутреннего устройства Сербии, которая под его руководством подготовила проект "Основания правительства сербского". 8 августа 1807 г. он был подписан верховным вождем Карагеоргием и отослан в Петербург на одобрение царю³¹.

В этом проекте предусматривалось, что верховным органом власти в повстанческой Сербии по-прежнему оставался Народный Совет, который теперь именовался Правительствующим Советом или, как его иногда называл К.К.Родофиникин, Сенатом. Председателем Правительствующего Совета провозглашался верховный вождь Карагеоргий с титулом "Сиятельный князь": В состав Совета входили: нахийские воеводы с титулом "сиятельный вождь", члены бывшего Народного Совета с титулом "превосходный сенатор" и представители от каждой из нахий со званием "советник Совета". Верховный вождь, воеводы и "превосходные сенаторы" должны были оставаться бессменными членами Совета, а представители из нахий переизбираться раз в три года. Председатель Совета располагал тремя голосами, остальные члены имели по одному голосу и равные права. В нахиях предполагалось учредить должность губернатора, наделенного правом контроля за сбором налогов и судебными функциями. Правительствующий Совет сохранял за собой функции законодательной власти: вводить новые налоги, объявлять войну и заключать мир, назначать главнокомандующих и местных воевод, без его решения не мог быть исключен из состава Совета ни один советник и т.д.³² Однако этот проект не был утвержден Александром I, поскольку был получен, когда в Слободзее 1 августа 1807 г. начались русско-турецкие переговоры об условиях заключения перемирия, и царь счел неуместным обострять и без того затянувшиеся переговоры из-за отказа турок включить сербов в договор о перемирии.

Решение вопроса о создании сербского государства еще больше осложнилось после эрфуртских свиданий Александра I

с Наполеоном, проходивших с 27 сентября по 14 октября 1808 г. Статья XI русско-французской конвенции, заключенной в Эрфурте 30 сентября (12 октября) 1808 г., предусматривала сохранение целостности балканских владений Османской империи на правом берегу Дуная³³. Руководствуясь этими решениями, правительство России разработало предварительные условия для переговоров с Турцией о заключении мирного договора, ведение которых было возложено на нового главнокомандующего Дунайской армией фельдмаршала князя А.А.Прозоровского. В данной ему инструкции говорилось: "Обеспечить спокойствие Сербии доставлением ей установить правление, желанию народа соответственное, под покровительством России"³⁴. Прозоровский, в свою очередь, затребовал от К.К.Родофиникина примерный план устройства Сербии. В частности, он просил "составить проект... конституции, приняв к тому в основание вышепрописанную высочайшую волю". Прозоровский хотел также знать, нужно ли иметь в Сербии князя, каков должен быть порядок его избрания, какие следует учредить, по его словам, "присутственные места к управлению земли и к наблюдению правосудия и помощи, какие законы..., какую дань, если она нужна будет, народ сей без большого стягочения платить может Порте". Словом, все, что "к учреждению порядочного внутреннего управления относится"³⁵.

В особой "Записке" от 2 ноября 1808 г. К.К.Родофиникин писал, что создание сербского государства в границах средневекового царства Ст.Душана, как это предлагали епископ Й.Иованович, Софроний Югович и другие, преждевременно и неуместно. Он допускал возможность лишь незначительного расширения границ той территории, которая контролировалась к тому времени сербскими повстанцами. Сербское государство, по мнению Родофиникина, должно быть независимым от Порты, но обязано выплачивать ей дань в размере 100 тыс. пиастров. Турецкое население, непожелавшее оставаться в составе сербского государства, впоследствии уже не имело бы права селиться на его территории. Но это ограничение не распространялось на сербов, живущих в сопредельных пашаля-

ках Османской империи. При заключении мира с Турцией Родофиникин рекомендовал Прозоровскому добиваться для сербов права свободной торговли в границах всей Османской империи. Наряду с этим он предлагал предусмотреть в новой сербской конституции статьи, которые должны защищать интересы России при установлении сербами политических и дипломатических отношений с другими государствами. Поскольку в сербском судопроизводстве продолжали руководствоваться нормами старого обычного права, Родофиникин считал возможным введение в Сербии отдельных приемлемых для нее законов Российской империи. С его точки зрения, республиканский строй ни в демократической, ни в аристократической форме не может быть пригодным для Сербии. Там может быть только монархия, а "верховным правителем теперь народу никто из поглаварей сербских приятен не будет, кроме одного Черного Георгия". Правительствующий Совет, констатировал Родофиникин, окончательно утратил функции верховного органа власти и превратился в народный суд. В связи с этим он предлагал разделить его на департаменты уголовных и гражданских дел, а вместо него учредить новый Правительствующий Совет (или Сенат), включив в его состав всех главных воевод. За каждым из членов Совета он предлагал закрепить особую должность: блюстителя правосудия, великого казначая, попечителя военных дел, хранителя печати, попечителя торговли, иностранных дел. "Ныне учредить другого рода правительственные места весьма трудно по малоимению в земле людей, умеющих читать и писать. Нужно, кажется, токмо было бы восстановить и утвердить сии и воспретить, чтобы никто, минуя нижние места, не прибегал прямо в Совет или к верховному коменданту, как сие ныне делается". Деятельность же самого Правительствующего Совета, по мнению Родофиникина, должна регулироваться конституцией³⁶.

Ознакомившись с предложениями Родофиникина по проекту устройства Сербского государства, Прозоровский сделал некоторые существенные поправки и дополнения к нему. Прежде всего, он согласился с мыслью о бесперспективности созда-

ния нового государства в границах державы Ст.Душана, поскольку, не без основания полагал Прозоровский, ни одно из европейских государств ни под каким видом не захочет поддержать эту идею. Если даже сербы и добьются этого собственными силами, то Россия не сможет гарантировать безопасность такого государства, поскольку по условиям Эрфуртских соглашений ее границы не должны простираться за Дунай. Но при решении этого вопроса на переговорах с Портой, писал Прозоровский, "надлежит стараться дать сербам пристойную границу и некоторые крепости, кои возможно будет при трактовании (мирных условий. - В.Г.) им исходатайствовать". По его и Родофиникина мнению, восточной границей сербского государства могла бы стать река Тимок. Прозоровский считал, что было бы неправильным запрещать туркам торговлю в Сербии, так как без этого нельзя будет "выговорить" у них и право России защищать интересы сербской торговли в Османской империи. В отличие от Родофиникина фельдмаршал полагал, что Сербию нельзя ограничивать в праве самостоятельно принимать дипломатических и торговых представителей из других стран, но в то же время их аккредитация должна согласовываться с российским правительством. Соглашаясь с мнением Родофиникина о структуре органов власти в Сербии, он добавлял, что после князя и Совета "под ними имеет место заседания российский консул..., в тех случаях, когда необходимость того потребует". Он мог бы "ограничивать самовластие князя и удерживать его от поступков, противных интересам России". Чтобы нейтрализовать демарши Австрии по этому вопросу, Прозоровский предлагал царю убедить Францию выступить вместе с Россией гарантом сербской конституции. Для защиты границ сербского государства фельдмаршал считал необходимым создать в крепостях гарнизоны из повстанцев, которые впоследствии будут реорганизованы в батальоны национальной регулярной армии. Для этой цели Россия могла бы выделить кадровых офицеров и военных инженеров. При обсуждении вопроса о характере зависимости Сербии от Порты фельдмаршал исходил из следующих соображений. Он считал,

что без иностранной помощи сербы не смогут отстоять полную независимость, опираясь только на свои силы. Под властью Австрии они также не захотят быть. Условия Эрфуртских соглашений не позволяют удовлетворить просьбу сербов о принятии их в подданство России. "Остается только одно средство, - считал Прозоровский, - постановя особое правительство в Сербии, оставить ее под покровительством Порты Оттоманской, ибо подданными ее сербы быть не захотят". Следовательно, сербам не избежать дани, которая могла бы выплачиваться как деньгами, так и натурой³⁷.

Проект К.К.Родофиникина с поправками А.А.Прозоровского был отправлен в Петербург и доложен царю. В начале декабря 1808 г. Александр I поручил товарищу министра иностранных дел А.Н.Салтыкову сообщить свои замечания по проекту Прозоровского. В письме Салтыков сообщал, что Россия действительно должна стараться сохранить свое влияние в Сербии, но не может требовать от сербов признания за ней права определять состав дипломатических представительств других государств. "Россия имеет за собой одно твердое ручательство, - отмечал А.Н.Салтыков, - соединение пользы ее с пользами сербского народа". Формирование органов власти также должно осуществляться "без явного в том участия со стороны России" и поэтому не следует настаивать на том, чтобы русский консул заседал в Сербском Совете. Русский представитель должен "пользоваться в Сербии властью, основанною на взаимной доверенности, отдавая все то, что может оскорбить самолюбие народа". Введение в Сербии российских законов, указывалось в письме, может быть осуществлено только при добровольном согласии Сербского Совета. Вопрос о выплате дани царь распорядился предварительно согласовать с сербами и только после этого включить его в договор с Портой. При решении других вопросов А.Н.Салтыков рекомендовал Прозоровскому полагаться на благоразумие сербских старейшин, поскольку их рекомендации будут полезны и для всего сербского народа³⁸.

Пока велась переписка о согласовании проектов государ-

ственного устройства Сербии, в ноябре 1808 г. в Константинополе был совершен новый государственный переворот³⁹.

"Видя разваливающимся дом врагов своих", писал в этой связи Родофиникин из Белграда, Младен Милованович, Иван Югович и их сторонники обнародовали новый проект создания сербского государства. Они предлагали включить в состав новой Сербии Боснию, Албанию и Болгарию⁴⁰.

В связи с этим в декабре 1808 г. в ставку Прозоровского была направлена сербская депутация во главе с Ив.Юговичем. В инструкции Правительствующего Совета, данной депутации, указывалось: 1) Сербия требует полной и безусловной независимости от Турции, чтобы Порты не только отрелась от верховной власти над Сербией, но и официально признала ее суверенной (самовластной); 2) граница Сербии будет установлена после принятия Портой первого пункта; 3) если Порты откажется принять первый пункт, то Россия должна добиться гарантий со стороны других европейских государств на право создания самостоятельной и независимой Сербии; 4) если Россия добьется такой гарантии, но сама заключит мир с Турцией, не принудив Порты принять первый пункт сербских требований, то в этом случае сербы просят предоставить им право самим начать военные действия против турок; 5) по окончании войны сербы обязуются не заключать мира с Портой без согласования этого вопроса с Россией. В секретном пункте предусматривалось заключение вечного союза с Россией и давалось обещание постоянного содействия сербов против любого неприятеля России⁴¹. Родофиникин, со своей стороны, пытался убедить сербских старейшин в нереальности нового проекта. Вы должны довольствоваться территорией, говорил он им, которую сербы занимают в данное время, и может быть еще будут присоединены две нахии: Рашка и Стари Влахи. Только при таких условиях Россия могла бы требовать у Порты независимости для Сербии и учреждения в ней республиканской или княжеской системы правления⁴².

Прозоровский принял сербскую депутацию в Яссах 13 января 1809 г. Из разговоров с ними выяснилось, что сербы

значительно смягчили свои требования относительно расширения границ государства. Их интересовал вопрос о намерении России оставить сербов в подданстве Порты. В связи с этим сербские депутаты сообщили Прозоровскому о своих полномочиях, согласно которым они наделялись правом просить петербургский двор принять сербов в подданство России. В ответ на это Прозоровский заявил, что такая просьба не может быть удовлетворена, поскольку Турция, Австрия, Франция и Англия не согласятся на расширение границ Российской империи за правый берег Дуная, а у России нет таких сил, чтобы воевать одной с этими державами. Если же России удастся установить границу по Дунаю, то оставленные в Дунайских княжествах русские войска смогли бы обеспечить безопасность Сербии при условии, если за Россией будет признано право покровительства над сербами. В противном случае, зажатая между Турцией и Австрией, Сербия вряд ли сможет отстаивать собственными силами свою независимость. И поэтому сербам самим нужно будет выбирать, чьими подданными они хотели бы быть — турецкими или австрийскими. Если сербы решат остаться подданными Османской империи, то у России есть некоторая возможность повлиять на Порту, чтобы она предоставила им такую систему правления, которую они пожелают установить сами⁴³.

17 января 1809 г. депутаты письменно уведомили Прозоровского, что сербы не настаивают на расширении границ, но выдвигают неперемное условие, чтобы при переговорах с турками русские уполномоченные требовали предоставления Сербии полной независимости, гарантированной европейскими государствами⁴⁴.

Между тем, ситуация в Европе и на Балканах в очередной раз изменилась. Турция, заключив союз с Англией в марте 1809 г., отказалась от ведения переговоров с Россией и начала подготовку к войне. Такой оборот дела устраивал сербов, которые в мае 1809 г. первыми возобновили военные действия против турок и одержали ряд побед над ними. Вскоре после этого турки, в свою очередь, неожиданно напали на

сербов, разбили их под Делиградом и стали быстро продвигаться к Белграду. В связи с этим в начале августа в Сербии началась паника. Свыше 10 тыс. сербов бежали в Австрию, многие укрылись в горах. Вместе со всеми бежало из Белграда и русское представительство.

Наступление Дунайской армии под командованием П.И.Багратиона на турецком фронте приостановило продвижение турок вглубь Сербии, и к ноябрю 1809 г. положение там стабилизировалось. На состоявшейся в Белграде скупщине было решено направить к главнокомандующему Дунайской армией депутацию с просьбой принять Сербию под непосредственное управление России. Однако Багратион объявил депутатам, что принятие Сербии в российское подданство невозможно, так как это противоречит решениям Эрфуртской конвенции и условиям проекта мирного договора с Портой⁴⁵.

Министр иностранных дел России граф Н.П.Румянцев, со своей стороны, считал, что при создавшейся ситуации в Европе сербы собственными силами вряд ли смогут добиться полной независимости от Порты. Но если они согласятся платить ей дань, то Россия смогла бы взять их под свое покровительство, а впоследствии помочь им постепенно достичь желаемого. Поэтому, писал Румянцев, "наилучшее на сей раз учреждение для Сербии было бы, кажется, то, чтобы она оставалась под покровительством и ручательством России, но данницею Порты". Что же касается внутреннего управления, то сербы вправе принимать самостоятельно любые постановления, какие им будут нужны, а Россия употребит старание, чтобы их ускорить. Поэтому, отмечал он, "при заключении мира с Портою поставлено будет таким образом, чтобы Порта, получая положенную от сербов дань, не могла уже ни в какие их дела вмешиваться без нашего согласия". Ознакомившись с этой депешей, Александр I повелел добавить к ней, что "при трактовании о мире мы (петербургский двор. - В.Г.) будем стараться и о учреждении совершенной их независимости"⁴⁶.

В декабре 1810 г. к новому главнокомандующему Дунайской армией М.Н.Каменскому была направлена еще одна сербс-

кая депутация, которая просила ввести гарнизоны русских войск во все сербские крепости и прислать в Сербию двух чиновников, по словам Каменского, "для сочинения законов и введения устройства в земле, без которого они (сербы. — В.Г.) далее существовать не могут, поелику от собственного невежества старейшин народ претерпел многие несчастья". Дав согласие на посылку в Сербию сильного корпуса русских войск, Каменский в то же время предупредил, что у него есть предписание из Петербурга не вмешиваться ни в какие внутренние дела народа. Поэтому, писал он, "сочинителей законов дать не могу; прикажу однако же или начальнику войск, который там действовать будет, или по усмотрению моему пошлю туда другую особу, которая, не мешаясь ни во что, будет токмо преподавать им нужные советы ко введению некоторого устройства, поелику то возможно при настоящем положении дел"⁴⁷. Готовя к отправке в Сербию корпус войск, Каменский предписал его командующему: "В дела до управления земли, в дела судейные и полицейские отнюдь не мешаться ни делом, ни словом, выполняя однако сие с самою строжайшею точностью, дабы не подать ни сербам, ни австрийцам ни малейшего подозрения, будто бы мы желаем утвердить в Сербии наше владычество"⁴⁸.

Между тем, в январе 1811 г. в Белграде была созвана народная скупщина, на которой по требованию верховного вождя Карагеоргия члены Правительствующего Совета дали клятву верности конституционному акту, принятому в ноябре 1808 г. Карагеоргий, в свою очередь, поклялся в верности Совету и России. Там же 11 января 1811 г. была принята новая конституция, в соответствии с которой все военачальники, местные органы власти и народ обязаны были признавать Правительствующий Совет в качестве органа законодательной власти. Но по новой конституции члены Совета теперь назначались верховным вождем, который по-прежнему оставался председателем этого органа⁴⁹.

Принятие конституции 1811 г. на деле окончательно подорвало влияние Правительствующего Совета, открыло путь к

коррупции и стяжательству наиболее влиятельных представителей центральной и местной власти. Наиболее ярким представителем этих слоев был Младен Милованович, который скупал по заниженным ценам земли, дома и другое имущество в городах и селах Сербии, оформляя свои незаконные сделки документами, выдаваемыми Правительствующим Советом. Стяжательство правящей верхушки летом 1811 г. послужило поводом для недовольства и открытых выступлений народа в ряде нахий Сербии⁵⁰.

Когда в октябре 1811 г. М.И.Кутузов разгромил под Русуком и окружил турецкую армию, великий визирь Хуршид-Ахмед-паша предложил ему возобновить прерванные в 1808 г. переговоры о заключении мирного договора, но без посредства Франции. В связи с этим Н.П.Румянцев направил Кутузову инструкцию, в которой предписывал "выговорить" у турок, чтобы турецкие войска кроме Белграда не занимали других сербских крепостей, а "внутреннее в сей земле управление установлено было по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России"⁵¹.

Несмотря на катастрофическое положение окруженной турецкой армии, полномочные представители Порты на переговорах соглашались гарантировать лишь спокойствие и безопасность сербов. В вопросах организации внутреннего управления Порты не допускала никаких уступок. Упорство турок в этом вопросе побудило сербов направить в Петербург особую депутацию, прибывшую туда в начале марта 1812 г. Депутаты пытались уговорить царя принять в подданство России всех сербов, избавив их таким образом от османского ига⁵².

По вышеизложенным причинам царь отклонил эту просьбу сербских депутатов, пообещав, однако, до заключения мира с Портой снабжать сербских повстанцев боеприпасами, а при заключении мира с Турцией как можно лучше устроить участь сербского народа⁵³.

В апреле 1812 г. возобновились русско-турецкие переговоры о заключении мира. М.И.Кутузов в первом пункте своих условий требовал от Порты обеспечить "мирное и спокойное

существование сербов и представление им самим установить систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление; при этом суверенные права султана ни в коей мере не должны быть упущены или умалены"⁵⁴. Критическое положение окруженной Кутузовым турецкой армии вынудило Порту согласиться на это условие. Однако великий визирь предупредил, что если сербы откажутся от этого, он будет вынужден покарать их без пощады⁵⁵.

В связи с угрозой французского вторжения в Россию М.И.Кутузов был вынужден форсировать заключение мирного договора с Турцией, который был подписан 16(28) мая 1812 г. в Бухаресте. В статье VIII договора Порты обязывалась даровать сербам прощение и амнистию за их восстание. Однако построенные сербами во время восстания крепости подлежали разрушению, а турецкая администрация должна была вступить во владение крепостями, существовавшими до восстания, в которые вводились турецкие гарнизоны. По условиям этой же статьи Порты обязывалась предоставить сербам "по их просьбе те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, ...предоставив им управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским"⁵⁶.

Вывод русских войск из Сербии и сдача сербами крепостей туркам должны были осуществиться только после заключения сербо-турецкой конвенции, основу которой должны были составить условия статьи VIII Бухарестского договора. Сербо-турецкие переговоры, по замыслу русского командования, позволили бы выиграть время в надежде на то, что, как писал П.В.Чичагов, "будущие происшествия откроют нам (русским. - В.Г.) средства доставить Сербии лучший жребий"⁵⁷. Однако 12(24) июня 1812 г. 400-тысячная армия Наполеона, переправившись через Неман у города Ковно, вторглась в пределы России и осенью того же года вошла в Москву. Нашествие Наполеона на Россию крайне неблагоприятно отразилось

и на дальнейшей судьбе сербских повстанцев.

Начавшиеся в январе 1813 г. сербо-турецкие переговоры с некоторыми перерывами растянулись на полгода, но не удовлетворили ни одну из сторон. В начале июля 1813 г. 200-тысячная армия турок под командой великого визиря начала наступление на сербских повстанцев и, преодолев их сопротивление, 24 сентября 1813 г. заняла Белград. Еще не окрепшее сербское государство, просуществовав семь лет, было разгромлено, а его создатели и наиболее активные защитники погибли или рассеялись по Сербии и за ее пределами. Намеченным ими в первом десятилетии XIX в. целям не было суждено осуществиться. Но тем не менее борьба сербских повстанцев за свободу не была бесплодной. В результате восстания 1804–1813 гг. все же было завоевано право на автономию внутреннего управления Сербии, поскольку оно было зафиксировано в статье VIII Бухарестского договора 1812 г. еще до разгрома сербских повстанцев. Бухарестский мирный договор, хоть и не в полной мере соответствовал требованиям сербов, однако, с точки зрения международного права, он стал той юридической основой, опираясь на которую сербы при поддержке России после ее войны с Турцией в 1828–1829 гг. уже на законном основании восстановили завоеванную ими в первом десятилетии XIX в. автономию внутреннего управления в составе Османской империи.

Рассмотренные факты свидетельствуют, что выдвигавшиеся на рубеже XVIII–XIX вв. планы создания славяно-сербского государства на Балканах возникли не вдруг и не в кабинетах петербургских политиков. В их основу была заложена мысль, возникновение которой относится к середине XVII в. Она веками вызревала и формировалась в среде поработанных Османской и Австрийской империями славянских народов, опираясь на традиционные представления об их этнической общности, на догматы православия и на веру в помощь со стороны сильного и влиятельного Российского государства. С появлением первых признаков национально-освободительного движения на Балканах идея создания славяно-сербского го-

сударства выходит за пределы культурно-просветительных и церковных связей и вторгается в сферу политических отношений, поднимаясь тем самым на новую ступень своего развития. В этом качестве ее впервые фиксируют планы образования славяно-сербского и черногорского государств на Балканах на рубеже XVIII-XIX вв., которые создавались влиятельными представителями сербского и черногорского народов, а также деятелями сербской православной церкви в Австрии и Черногории. Проводниками и активными пропагандистами этой идеи в России в начале XIX в. были некоторые члены правительства, дипломаты, ученые и общественные деятели, сочувствовавшие судьбе угнетенных балканских народов и готовые делом поддержать их свободолюбивые устремления.

Поскольку большинство авторов рассмотренных выше планов не всегда взвешенно учитывали соотношение политических сил в сфере международных отношений и реальные возможности Российского государства, то официальные представители власти в Петербурге относились к ним с осторожностью и неоднозначно. Однако в отличие от Франции и Австрии, которые активно противодействовали созданию славянских государств на Балканах, правительство России старалось поддерживать национально-освободительное движение славянских народов на Балканах в той мере, в какой это не противоречило его общему курсу европейской политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грачев В. П. Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804-1813 гг. // Славяноведение. 1993. № 1. С.3-13.

2. Костомаров Н. И. Юрий Крижанич // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Кн. II. С.446, 457.

3. Новиков Ст. Из хронике деспота Бураца Бранковића // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1872. Кн. XXXIII; Радонић И. Граф Ђорђе Бранковић и његово време. Београд, 1929.

4. Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв. М., 1990. С.36.

5. Пејовић Ђ. Црна гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С.47-48.

6. Об этом см.: М а р к о в а О. П., О происхождении так называемого греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С.69-71; Д о с т я н И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С.36-42.
7. Д о с т я н И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С.38-46.
8. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Д.7855. Л.26-36 (А.Р.Воронцов - Александру I, 29 апреля (II мая) 1804 г.); Г р а ч е в В. П. Балканские владения... С.130.
9. Епископ Бачки И.Иованович - Александру I, 14(26) октября 1804 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С.399-401.
10. А.А.Чарторыйский - Александру I, не позднее 27 января 1805 г. // Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. I. С.84-85.
11. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Д.5085. Л. I (Выписка из писем А.А.Самборского Александру I и А.А.Чарторыйскому от 14(26) июня 1804 г.).
12. Ст. Стратимирович - Александру I, не позднее 14 июня 1804 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. I. С.241-256.
13. Обращение сербских депутатов к А.Чарторыйскому, 3 ноября 1804 г. // Первое сербское восстание... Кн. I. С.60-62.
14. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1804. Д.5074. Л. I-2 (В.Н.Каразин - А.А.Чарторыйскому, 21 ноября 1804 г.); Там же. Л.7 (Проект Каразина от 28 ноября 1804 г.). Об этом см.: Г р а ч е в В. П. Матија Ненадович и первая сербская депутация в Россию в 1804 г. // Прота Матија Ненадович и његово доба. Београд, 1985. С.108-III; О н ж е. Балканские владения... С.142-154.
15. Доклад А.А.Чарторыйского Александру I, не позднее 28 ноября 1804 г. // Первое сербское восстание... Кн. I С.66-67. Об этом см.: Г р а ч е в В. П. Начальный этап русской политики в отношении первого сербского восстания 1804-1807 гг.) // Югословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1813. Београд, 1983. С.184-202; О н ж е. Балканские владения... С.148-149.
16. К.Иованович - Якову и Матији Ненадовичам и Б.Груйовичу, 10 августа 1805 г. // Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. Београд, 1977. Књ. I. С.134-137.
17. Н е н а д о в и ч М. Мемоари. Београд, 1867. С.291-293. Приложение № 4.
18. Там же. С.295-297. Приложение № 5.
19. ЦГВИА. Ф. 14209. Оп.10/170. Св.20. Д.605. Л. I-4 ("Спис из актов народных сербских"). См. также: Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е гг. XIX в. М., 1986. С.101-103.
20. Карагеоргий и М.Ненадович - Александру I, 30 ноября 1805 г. // Первое сербское восстание... Кн. I. С.178-182; АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1805. Д.130. Л.105-106 (М.Ненадович, Б.Груйович - И.Ф.Болжунову, 30 ноября 1805 г.).

21. Караџић В. Правитељствујући совет сербски за време Караџићева // Скупљени историјски и етнографски списи Вука Караџића. Београд, 1898. С.252-254; Грече в В. П. Балканские владения... С.179-187.
22. А.А.Чарторыйский - А.Я.Италинскому, 3 февраля 1806 г. // Первое сербское восстание... Кн.І. С.207-209. См. также: Формирование национальных независимых государств. С.100-103.
23. АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1806. Д.789І. Л.53-56 (Записка А.А.Самборского Александру І от 22 марта. Доложена царю 29 марта 1806 г.)
24. Александр І - Селиму Ш, 30 апреля 1806 г. // Первое сербское восстание... Кн.І. С.240; АВПРИ, Ф.Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.128. Л.151 (Расписка Б.Груйовича и белградского митрополита Леонтия Ламоровича от 12 апреля 1806 г. в получении 6 тыс. червонных).
25. Народные полномочия Петру Ичко от 1 июля 1806 г. // Первое сербское восстание... Кн.І. С.256-257; Карагеоргии - А.Я.Италинскому, 1 июля 1806 г. // Там же.
26. Внешняя политика России XIX и начала XX века (Далее ВПР). М., 1963. Т.Ш. С.758.
27. Сироткин В. Г. Тильзитский мир // Французский ежегодник. М., 1964. С.77; Он же. Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции // Югословенске земље... С.122.
28. О личности С.М.Броневского, характеристику его "Записки" см.: Достян И. С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // Советское славяноведение. 1970. № 5. С.19-21; Она же. Русская общественная мысль... С.79-80.
29. См.: Богшич В. Разбор сочинения Н.Попова "Россия и Сербия". СПб., 1872. Приложение. С.297-301. Русский перевод см.: Вукичевич М. Замечательный исторический документ // Исторический журнал. 1917. № 2. С.160-165. Переводы Ф.И., Пыпин А. П. Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Кн.12. С.332-333.
30. К.К.Родофиникин - И.И.Михельсону, 30 августа 1807 г. // Первое сербское восстание... Кн.І. С.417-418.
31. Вукићевић М. Караџић. Београд, 1912. Књ. П. С.590-591.
32. Богшич В. Разбор... С.117; Новаковић Ст. Уставно питање и закони Караџићева времена. Београд, 1907. С.26-29.
33. ВПР. Т.ІV. С.359-363.
34. Н.Н.Румянцев - А.А.Прозоровскому, 4(16) октября 1808 г. // ВПР. Т.ІV. С.367-368.
35. А.А.Прозоровский - К.К.Родофиникину, 20 октября 1808 г. // Первое сербское восстание... Кн.І. С.50-51.
36. "Записка" К.К.Родофиникина от 2 ноября 1808 г. // Богшич В. Разбор... С.263; "Записка" К.К.Родофиникина от 8 ноября 1808 г. // Первое сербское восстание... Кн.І. С.52-54.
37. А.А.Прозоровский - Н.И.Салтыкову, 14 ноября 1808 г. // Богшич В. Разбор... С.179.

38. Салтыков Н.И. - А.А.Прозоровскому, 8 декабря 1808 г. // ВПР. Т.ІУ. С.424-426
39. А.А.Прозоровский - Н.И.Салтыкову, 9 декабря 1808 г. // ВПР. Т.ІУ. С.429; Об этом см.: М и л л е р А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.-Л., 1947, С.253-266.
40. ЦГИА. Ф.ВУА. Д.394. Ч.4. Л.62-64 (К.К.Родофиникин - А.А.Прозоровскому, 10 декабря 1808 г.); Ф.І4209. Оп.І0/І79. Св.24. Д.674. Л.47 и об. (Правительствующий Совет Сероский - К.К.Родофиникину, 10 декабря 1808 г.).
41. АВПРИ. Ф.Посольство в Константинополе. Д.3І6І. Л.І72 (Пункты из инструкции, данной сероскому депутату И.Юговичу).
42. АВПРИ. Ф.Посольство в Константинополе. Д.3І6І. Л.І73 (Запись беседы К.К.Родофиникина с сероскими старейшинами в декабре 1808 г.).
43. А.А.Прозоровский - Н.И.Салтыкову, 16 января 1809 г. // Первое сероское восстание... Кн.П. С.56-61.
44. Письмо сероских депутатов А.А.Прозоровскому, 17 января 1809 г. // Там же. С.62.
45. Об этом см.: Г р а ч е в В. П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сероского восстания 1804-1813 гг. // Советское славяноведение. 1987. № 2. С.41-43.
46. Н.П.Румянцев - П.И.Багратиону, 16 января 1810 г. № 126, 127 // Первое сероское восстание... Кн.І. С.І42-І43.
47. М.Н.Каменский - Н.П.Румянцеву, 12 декабря 1810 г. // Там же. Кн.П. С.200-201.
48. ЦГИА. Ф.І4209. Оп. 3/І636. Св.І3. Д.6. Ч.2. Л.26-28 (М.Н.Каменский - А.П.Зассу, 20 декабря 1810 г.).
49. Новаковић С. Уставно питање... С.88-89, 90-94.
50. Кандић Љ. Скупштина у систему власти државе Првог устанка 1804-1813 гг. Београд, 1961. С.91-101.
51. М.И.Кутузов - Н.П.Румянцеву, 15 октября 1811 г. // ВПР. Т.УІ. С.211; Н.П.Румянцев - М.И.Кутузову, 26 октября 1811 г. // Там же. С.216.
52. АВПРИ. Ф.ГА І-8. Д.2. П.4. Л.10-11 (Прошение сероской депутации Д.П.Татищеву, 5 марта 1812 г.).
53. Н.П.Румянцев - Карагеоргию, 2(14) апреля 1812 г. // ВПР. Т.УІ. С.356-357.
54. Н.П.Румянцев - М.И.Кутузову, 22 марта 1812 г. // ВПР. Т.УІ. С.737. Примечание 362; Инструкция Кутузова уполномоченным от ІВ(30) апреля 1812 г. // Там же. С.381-382.
55. ЦГИА. Ф. ВУА. Д.394. Л.53-54 (Хуршид-Ахмед-паша - Карагеоргию, 23 апреля 1812 г.).
56. ВПР. Т.УІ. С.414.
57. П.В.Чичагов - И.К.Орурку, 14 июля 1812 г. // Первое сероское восстание... Кн.П. С.263-264.

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ГРЕКОВ И ЮЖНЫХ
СЛАВЯН В РУССКО-БАЛКАНСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
(конец XVIII - первая треть XIX в.)

По мере ослабления империи османов (особенно с конца XVIII в.) у правительств и политических деятелей европейских стран, как и у самих балканских народов, возрастали надежды на крушение этого громадного государства. Если до этого времени войны с Турцией вели Австрия, Венеция, Испания, то со второй половины XVIII в. Россия стала активно противодействовать татаро-турецкой угрозе на своих южных границах. После воссоединения с Украиной борьба за выход к Черному морю приобрела для нее важное значение. Эту задачу пытался реализовать Петр I, но значительных успехов удалось достигнуть лишь в эпоху правления Екатерины II благодаря успешной войне с Турцией 1768-1774 гг. и присоединению в 1783 г. Крыма. Именно тогда возникла перспектива быстрого продвижения России на юг, овладения ею Константинополем и проливами из Черного в Средиземное море, что вызвало активное противодействие западных держав и привело к появлению в международных отношениях Европы так называемого Восточного вопроса, составной частью которого стала проблема освобождения от власти Османской империи поработанных ею балканских народов. Это предполагало либо создание в Юго-Восточной Европе новых независимых государств, либо раздел балканских владений Порты между великими державами, либо сочетание первого и второго вариантов.

Актуальность решения балканских проблем стимулировалась распространенностью среди политически мыслящих европейских деятелей убеждения, что империя османов находится в полном упадке и неизбежно окончит свое существование в ближайшем будущем. Подобные представления способствовали появлению множества проектов и замыслов в отношении решения судьбы турецкого наследства, преимущественно его раз-

дела¹. Среди авторов таких проектов было немало авантюристов, в том числе и выходцев из балканских земель, рассчитывавших стать правителями новых государств.

На этом фоне постепенно складывалась политическая программа освободительных движений южных славян и греков. Но в XVIII в. более или менее определившиеся идеи относительно своего будущего государства, формы правления в нем имелись лишь, главным образом, у представителей греческой феодально-клерикальной среды и фанариотов, которые являлись носителями византийских традиций. Они рассчитывали возродить с помощью европейских держав — противников Османской империи — обширное греческое государство феодального типа — средневековую Византийскую империю с христианским монархом во главе. Выдвигались и замыслы преобразования Османской империи в греческую. Мыслилось государство, объединяющее население Балкан по принципу религиозной общности, а иногда и с присоединением малоазиатских территорий. По мнению некоторых историков (И.Филимона, Ф.Михалопулоса, М.Дринова, Сп.Палаузова и др.), в проектах А.Маврокордато, Й.Ипсиланти и других фанариотов уже в последней трети XVIII в. выявилась великодержавная направленность².

Большое влияние на представителей греческих просвещенных кругов во второй половине XVIII в. оказывало европейское Просвещение, а затем идеи Великой французской революции. Представители демократического течения в греческом освободительном движении критиковали Константинопольскую патриархию и противостояли фанариотам с их идеями возрождения Византийской империи, в которой видели образец деспотизма и религиозного фанатизма. Свидетельством всего этого явилось появление политической программы создания демократической "Греческой республики" Ригаса Велестиялиса. В 1797 г. он опубликовал в Вене брошюру под названием "Новое политическое правление для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии". Это была конституция, составленная по образцу яacobинской конституции 1793 г. В ней провозглашался основной принцип "Декларации прав че-

ловека и гражданина": равенство всех членов будущей "Греческой республики" независимо от имущественного положения, национальной и религиозной принадлежности. Но при этом предполагалось, что все они составят единый "эллинский народ", что греческий язык станет единственным государственным языком³.

Таким образом, в соответствии с политической программой Ригаса Велестинлиса громадное балкано-малоазиатское государство, населенное кроме греков множеством других народов и этнических групп — турками, южными славянами, албанцами, молдаванами и валахами, призванное заменить отживающую свой век военно-феодальную Османскую империю, мыслилось как унитарное, а не федеративное эллинское государство. Принцип государственного объединения на основе национальной общности, уже распространявшийся в европейской общественной мысли в конце XVIII в., в программе греческого демократа отсутствовал.

У сербов в XVIII в. проблема политического будущего также привлекала внимание образованных представителей феодальной и клерикальной прослойки, притом живших не в турецких владениях, а в Воеводине, которая была одной из наиболее развитых в общественном и экономическом плане сербских земель и в то время уже входила в состав Австрии. Австро-турецкие войны, в которых обычно участвовали сербские добровольцы, создавали перспективу перехода в состав монархии Габсбургов территорий на юг от Дуная и Савы, и это порождало надежды, что все сербские земли будут объединены под их властью. К этому могла привести последняя война Австрии с Турцией 1788–1790 гг., ведшаяся в союзе с Россией. На то и рассчитывали участники сербского фрайкора (добровольческих отрядов), принявшие в этой войне самое активное участие. Но австрийцы фактически потерпели поражение и покинули сербские земли, бросив местное население на произвол судьбы, что вызвало большое разочарование местных жителей в расчетах на помощь Австрии и переход в ее состав. "В короткое время немцы трижды сербский народ предавали и под

саблю турок отдавали, — писал современник. — Отныне, отцы и братья, смотрите, чтобы не пострадать, как теперь, когда на наш народ пришла погибель"⁴.

Можно считать, что до начала восстания 1804 г. политическая программа освободительного движения сербов оставалась неясной. Стремление к воссоединению с сербскими землями, входившими в состав Австрии — Воеводиной и Военной Границей, тяготение к сближению с Веной слабело из-за тяжелых последствий австро-турецких войн. В то же время стало выдвигаться требование о предоставлении Белградскому пашалыку автономии в составе Османской империи по образцу Дунайских княжеств и обеспечении таким путем нормального экономического и политического существования сербов под верховной властью султана⁵. Порта, со своей стороны, готова была идти на уступки, рассчитывая таким путем ослабить оппозицию турецкому режиму в этом пограничном с Австрией пашалыке.

В 1793—1794 гг. султан Селим III в ответ на ходатайства сербских представителей в связи с начатыми реформами в государстве издал ферманы (постановления), предоставлявшие Белградскому пашалыку довольно значительную внутреннюю автономию и расширившие права и привилегии кнезов и оберкнезов. Все это открывало перспективы постепенного выделения сербских земель из состава Османской империи без серьезных потрясений и конфликтов с Портой, при ее добровольном согласии, что соответствовало бы интересам всего народа и в особенности представителей местного самоуправления.

Черногория в конце XVIII в. была фактически самостоятельным государством, но очень маленьким и чрезвычайно отсталым в общественно-экономическом отношении. Ее правитель — митрополит Петр I Петрович Негош в своей активной деятельности преследовал очень сложные задачи: создать государственную организацию, добиться международного признания независимости Черногории, расширения ее территории за счет соседней Герцеговины и Зеты (Южной Сербии), а главное — добиться присоединения находившейся во владении Венеции Боки Котор-

ской, что давало стране такой необходимый выход в Адриатическое море. Возможно, что уже в это время у владыки зрел замысел создания более обширного "Иллирийского королевства". Такого рода планы выдвигали и некоторые сербские эмигранты-авантюристы⁶.

Национальное возрождение болгарского народа в идеологическом аспекте ознаменовалось написанием в 1762 г. монахом Паисием Хилендарским "Истории славяно-болгарской". В этом труде, который не был напечатан, а распространялся в списках, излагались события болгарской истории до турецкого завоевания, рассказывалось о славном прошлом болгар, их некогда обширном и независимом государстве, о его воинственных и сильных царях. Паисий не касался проблемы политического будущего своего народа, но все его произведение было пронизано мыслью о необходимости возрождения болгарского государства как монархии с мудрым и сильным правителем⁷.

Добиться освобождения от турецкой власти или хотя бы получения более благоприятного автономного статуса балканские народы не могли собственными силами. Необходима была военная помощь и дипломатическая поддержка одной или нескольких европейских держав. В последней четверти XVIII в. стало ясным, что рассчитывать в этом отношении можно преимущественно на Россию, становившуюся наиболее активным и сильным противником Порты.

Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший русско-турецкую войну 1768-1774 гг., радикально изменивший соотношение сил в бассейне Черного моря, имел особо важное значение для политики России в отношении балканских народов. Общие формулировки статей о защите Россией православной религии в турецких владениях давали простор для расширительных толкований, для предъявления в этом плане требований султанскому правительству. Договор положил начало покровительству со стороны России молдаванам и валахам, создав прецедент установления такого рода отношений с другими народами.

На этом правительство Екатерины II не остановилось. Был выдвинут проект радикального решения Восточного вопроса в случае падения Османской империи, что представлялось возможным результатом новой русско-турецкой войны. В сентябре 1782 г. в письме императору союзной Австрии Иосифу II русская императрица, рассматривая такую перспективу, предложила изгнать турок из Константинополя и "восстановить древнюю Греческую империю", полностью независимую от России, но под скипетром представителя династии Романовых (ее внука Константина), а также создать независимое государство Дакию из Валахии, Молдавии и Бессарабии. Европейским государствам было бы предоставлено "вознаграждение" в виде желаемых ими территорий. Для России Екатерина рассчитывала приобрести земли между Бугом и Днестром, а также один из островов Эгейского архипелага как базу для российского флота. О Крыме при этом умалчивалось. Иосиф в ответном письме запросил больше: придунайские крепости Видин, Орсову и Белград, Хотин, сербские земли по правобережью Дуная, Боснию, венецианскую Далмацию и Истрию⁸.

Так называемый "греческий проект" тут же получил широкую огласку в Европе, породив предположения о грандиозных завоевательных намерениях России. Его скрытые задачи и роль в восточной политике России по-разному оценивались в историографии⁹. Нереальность замысла воссоздания Греческой империи была совершенно очевидной, что, вероятно, понимали и в Петербурге. Но Екатерина и влиятельные сановники, причастные к составлению проекта Потемкин и А.А.Безбородко, имели и вполне реальные задачи – нейтрализовать Австрию, получить ее согласие на присоединение Крыма. Это удалось, а по Ясскому договору 1791 г. к России отошли земли между Южным Бугом и Днестром, с Очаковым и будущей Одессой. Это свидетельствует, что в "греческом проекте" были заявлены и некоторые непосредственные задачи политики России в отношении Османской империи, которые и были реализованы в 1783–1791 гг.

Как заметил А.Ф.Миллер, провозглашая намерение возро-

доть Греческую имперью, Екатерина II рассчитывала найти союзников в предвидении новой войны с Портой. Ими могли стать прежде всего греки, влиятельные фанариоты, тесно связанные с православной Константинопольской патриархией. Эта цель в какой-то мере также была достигнута. Стремление греков опереться в борьбе за освобождение на Россию осталось достаточно сильным, несмотря на разочарования, связанные с тяжкими для них последствиями войны 1768–1774 гг. В 1790 г. прибывшие в Петербург греческие делегаты заявили о надежде при поддержке России "избавить потомков афинян и спартанцев от деспотического ига" и просили царицу дать грекам в правители ее внука Константина. Делегаты были представлены Константину и изложили ему цель своей миссии¹⁰.

Таким образом, замысел правительства Екатерины II возродить Восточную империю во многом совпал с картиной политического будущего балканских земель, которая рисовалась в воображении греческих деятелей, особенно представителей феодально-клерикального слоя.

Как известно, традиционный христианский догмат о помощи своим единоверцам в XVIII–XIX вв. служил идеологическим обоснованием российской политики в отношении Османской империи. Задачей войн с Турцией неизменно провозглашалось освобождение православных народов, страдающих под "игом бусурманским". Активизация российской политики в Восточном вопросе, успешная русско-турецкая война 1768–1774 гг., "греческий проект" с его идеей возрождения Византийской империи – все это как бы свидетельствовало о намерении Екатерины II и ее сподвижников, в особенности Г.А.Потемкина, приступить к решительным акциям против Порты, к исполнению мессианской роли России в отношении единоверцев, в первую очередь, греков и, конечно, оказывало идеологическое влияние на просвещенную часть российского общества. Характерно, что в последних десятилетиях XVIII в. сюжеты, связанные с Османской империей и ее православными подданными, чаще стали появляться в периодике и художественной литературе. Большая часть публицистики по этой тематике вы-

ходила в годы, когда велись войны с Османской империей. В.К.Тредьяковский, А.П.Сумароков, М.М.Херасков, Г.Р.Державин воспевали военные успехи России, предрекали "матушке-императрице" завоевание "Царьграда" и восстановление Греческого царства. Значительная часть политически мыслящих деятелей России поддерживала решительную завоевательную политику правительства Екатерины II в Восточном вопросе. Но имелись и ее противники. Так, Радищев в "Путешествии из Петербурга в Москву" решительно и безоговорочно осуждал завоевательные войны как связанные с насилием, бессмысленными убийствами, несущими народам страдания и разорение, а в поэме "Бова" скрытно иронизировал над агрессивными планами Екатерины II, и в частности в отношении Константинополя. Вместе с тем его внимание привлекала задача национального освобождения греков^{II}.

Идея освобождения от турецкой власти греков - прародителей европейской цивилизации была близка европейскому Просвещению; они стали как бы народом - фаворитом просвещенной Европы. Эллинофильские настроения долгое время преобладали и в русской общественной мысли. Южные славяне оставались в тени, хотя на протяжении XVIII в. достаточно активные общественно-политические контакты поддерживались с австрийскими сербами и с черногорцами. Большое значение в расширении общественно-политических связей с греками и южными славянами в XVIII в. имела их массовая эмиграция в Россию, где некоторые из таких переселенцев, дослужившись до высоких должностей или военных чинов, не забывали о своей родине и ее интересах. Именно они выступали иногда с предложениями о политической перестройке балканских владений Порты и создании там независимых от нее государств.

В период наполеоновских войн политическая судьба балканских народов оказалась тесно связанной с исходом борьбы великих держав в регионе Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья, в которой активное участие принимала Россия.

По Кампоформийскому договору 1797 г. Франция заняла

Ионические острова, имевшие важное стратегическое значение, а венецианские владения в Далмации, в том числе Бока Которская, перешли во владение Австрии. Россия в союзе с Османской империей начала готовиться к отпору дальнейшей экспансии Франции в этом регионе. В 1798 г. соединенные российские и турецкие военно-морские силы выбили французов с Ионических островов, а в начале 1800 г. по Константинопольской конвенции была создана полунезависимая Республика Семи Соединенных островов, находившаяся под покровительством России и формально под сюзеренитетом султана, уплачивая ему небольшую дань. Это маленькое греческое государство наряду с Дубровницкой республикой стало как бы моделью благоприятного политического статуса территорий, лишь номинально находившихся в составе Османской империи. В 1798–1799 гг. Павел I предпринял меры для улучшения отношений с Черногорией, заметно охладившихся при Екатерине II. Была издана грамота, в которой подтверждалось покровительство России Черногории и возобновлялось оказание ей денежной помощи "на общественные нужды".

Русско-французские противоречия на Балканах и в Восточном Средиземноморье обострились в 1803–1804 гг. В связи с началом переговоров о создании Третьей коалиции, изыскивая средства для противодействия наполеоновской агрессии, государственные деятели, близкие к Александру I, и прежде всего Адам Чарторыйский (фактический глава российского МИДа в 1804–1806 гг.) выдвигали идею создания в западной части Балкан автономных или почти полностью независимых государств, которые превратились бы в барьер для военной экспансии французов. Республика Семи островов, являвшаяся главной операционной базой российского флота на Средиземном море, и практически независимая от Порты Черногория тогда стали бы опорой политики России и при ее поддержке могли сделаться центрами борьбы за создание греческого и славянского государств нового времени¹². На создание так называемых "балканских планов" оказали влияние идеи как некоторых российских, так и балканских деятелей (о них бу-

дет сказано ниже). Фактически, делалась попытка увязать интересы России, пытавшейся опереться на турецких подданных в борьбе с Францией, с интересами балканских народов, добивавшихся национального освобождения.

Немало патристически настроенных греков видели в Республике Семи островов греческий национальный очаг, который мог способствовать созданию свободной Греции — наследницы античной цивилизации. Ставший популярным "Военный гимн" Ригаса Велестинлиса воодушевлял народ на борьбу за национальное освобождение. Знаменитый просветитель Адамантиос Кораис в своих произведениях выражал надежду на возникновение греческой республики под эгидой Франции, призывал к сопротивлению Турции. В самой Ионической республике надежды связывались с помощью России в деле возрождения греческой нации "после многих веков упадка и забвения". Популярностью пользовался Александр I как наследник дел Александра Македонского. По мнению некоторых греческих историков, еще во время русско-турецких переговоров о создании Ионической республики великий драгоман Порты Константин Ипсиланти рассчитывал стать князем-правителем этого маленького вассального от Османской империи государства, так как помимо личных амбиций имел скрытую патристическую цель — превратить острова в греческий национальный центр, где можно было бы подготавливать военные силы и затем использовать их для освобождения Греции¹³.

В новой общественно-политической обстановке претерпевали изменения взгляды некоторых прогрессивных греческих деятелей на задачи освободительного движения. Упор стал делаться не на ожидания падения Турции под ударами одной из великих держав, а на самостоятельные революционные акции самих греков. Так, в одной из книг, опубликованных в 1806 г. в Италии на новогреческом языке, неизвестный автор, последователь идей Ригаса Велестинлиса, обосновывая теоретические положения последнего, трансформировал его общевосточную программу в национально-греческую. Он призывал эллинов взять дело освобождения в свои руки, не свя-

зывая его с политикой великих держав. Книга вышла в разгар восстания сербов, их пример и успехи, по-видимому, вдохновляли, оказывали революционизирующее влияние на соседние народы¹⁴.

Но замыслы организации общевалканского восстания по-прежнему сохранялись. Например, один из радикально настроенных греческих деятелей Н.Пангалос строил план всеобщего восстания подданных султана, опираясь на поддержку России. Он был сторонником конституционной монархии, считал необходимым отменить в Греции феодальные порядки¹⁵.

Не исчезли и проекты создания греческого государства в результате падения Османской империи и раздела части ее владений между великими державами. Так, среди поступавших правительству Александра I такого рода предложений была "Политическая записка" одного из деятелей греческого освободительного движения Амошари, написанная в 1807 г., т.е. уже после начала русско-турецкой войны. Он доказывал необходимость для интересов России, изгнав турок с Балканского полуострова, окончательно решить судьбу народов, его населяющих: Молдавию и Валахию присоединить к России, Сербии предоставить независимость, создать греческое государство, в котором бы другие народности пользовались автономией¹⁶.

В Черногории оживились надежды на присоединение Боки Которской в связи с прибытием туда в начале 1805 г. "доверенной особы" царя С.А.Санковского, а также из-за появления спустя некоторое время у берегов Адриатики кораблей эскадры под водительством адмирала Д.Н.Сенявина и начала успешных совместных военных акций российских войск и черногорцев против французов. Санковский содействовал митрополиту Петру в создании органов верховной власти. Получив выход к морю, совершенно необходимый для нормального развития экономики, имея свой кодекс законов и государственную организацию, Черногория могла бы превратиться в маленькую "славянскую республику". Именно об этом мечтали митрополит и его окружение, а такие чаяния на время совпали с

внешнеполитическими планами петербургского двора.

После битвы у Аустерлица и поражения третьей коалиции правительство Александра I попыталось реализовать часть политических идей Чарторыйского, которые он вновь сформулировал в докладе царю в январе 1806 г., а затем в дипломатической переписке: добиться при поддержке Великобритании и нейтрализации Турции, с сохранением русско-турецкого союзного договора 1805 г., основания на Балканах автономных государств – славянского и греческого, находящихся под верховной властью Османской империи и покровительством России. Такие автономии, по расчетам Чарторыйского, в случае распада Турции могли превратиться в независимые государства под покровительством России¹⁷.

Одно из этих государств должно было включать Черногорию, Герцеговину, Далмацию, Котор и могло быть создано при опоре на присутствие в Адриатике российской эскадры и тесные военно-политические контакты, установившиеся с черногорцами. Негош и его приближенные, поддерживавшие дружеские отношения с Санковским и адмиралом Сенявиным, несомненно были осведомлены о замысле создания такого государства. Совместные военные операции черногорцев с российскими моряками, занятие ими Котора и перспектива овладения Дубровником – все это побудило Петра Негоша сказать свое слово относительно политического будущего балканских земель. Начало русско-турецкой войны, казалось бы, создавало благоприятные возможности для таких перемен.

Весной 1807 г. в Петербург прибыл архимандрит Семен Ивкович с ходатайством от имени "всех единоверных народов, населяющих Черногорию, Боку де Катаро, Герцеговину и Далмацию", в котором излагалось желание митрополита Петра I Петровича и народа, чтобы "по низложению всемирного врага", т.е. победы России над наполеоновской Францией, были соединены Черногория (с городами Подгорица, Служ и Жебляк), Бока Которская, Герцеговина, Рагуза (Дубровник), и Далмация и создано "славено-сербское царство". Российский император принял бы титул царя этого государства и

назначил туда своего "наместника, или президента из природных россиян", а вице-президентом стал бы черногорский митрополит. Как видим, в обращении Ивковича план Чарторыйского конкретизировался и приспособлялся к новым условиям, сложившимся после начала русско-турецкой войны. Сообщалось и о более смелом и сокровенном желании: присоединении "к царству славяно-сербскому всей Боснии и Сербии, коих равное и не менее ревностное желание издавна к тому стремится"¹⁸. Ответ на это послание был доброжелательным, но содержал лишь неопределенное обещание учесть желание черногорского народа после победы над "всеобщим врагом"¹⁹.

Между тем к лету 1807 г. международная обстановка вновь резко изменилась не в пользу России и ее подопечных – черногорцев и греков Республики Семи Соединенных островов. Последняя, а также Далмация и Бока Которская перешли в состав Франции. Правительство Александра I прекратило всякие политические акции в Адриатике и Восточном Средиземноморье. Но в сфере его интересов большее значение сохранили сербы.

Важнейшим событием в Юго-Восточной Европе периода наполеоновских войн было Первое сербское восстание, начавшееся в 1804 г. в Белградском пашалыке против янычарских предводителей – дахийев, которое затем переросло в борьбу за полное освобождение от турецкой власти.

Первые политические требования сербских повстанцев, заявленные в мае 1804 г. в письме российскому посланнику в Стамбуле, а позднее в прошении сербских депутатов, приехавших в Петербург, сводились к предоставлению Белградскому пашалыку Портой при посредничестве русского правительства автономных прав по образцу Республики Семи Соединенных островов. Такой вариант разрешения сербо-турецкого конфликта вполне соответствовал стремлениям правительства Александра I создать на Балканах ряд автономных или независимых государств, которые стали бы заслоном против ожидаемой экспансии наполеоновской Франции в этом регионе.

Одним из них могла оказаться Сербия. Поэтому в российском министерстве иностранных дел сербским депутатам осенью 1804 г. был дан совет, "не покидая оружия", обратиться к Порте с прошением о "позволении управляться собственными своими чиновниками с выплачиванием исправно положенной дани"²⁰.

Но у сербов уже в первые месяцы после начала восстания появились и более смелые замыслы. Выразителями их являлись образованные церковные и светские деятели Воеводины, и в частности карловацкий митрополит Стефан Стратимирович. Именно он в это время старался направлять внешнеполитическую деятельность повстанцев, советуя искать прежде всего поддержку России.

Летом 1804 г. митрополит тайно направил Александру I записку, в которой выдвигал предложение о создании "славено-сербского государства" - конституционной монархии во главе с одним из представителей династии Романовых или немецких князей-протестантов. Религиозная, этническая и языковая общность русских и сербов служили для Стратимировича идеологическим обоснованием необходимости и выгоды для России содействовать образованию такого государства, что "столь славно будет всему славянскому роду". Он, как и многие его современники, был убежден, что Османская империя вскоре кончит свое существование под ударами Франции или России и что "греческий проект" остается внешнеполитической программой внука Екатерины II. Именно поэтому митрополит противопоставлял идее создания Греческой империи план основания обширной сербской державы, которая восполнила бы "равновесие сил" в Европе, стала бы для России, которая овладеет Болгарией, Фракией и Проливами, удобным соседом и верным союзником. Первым шагом к осуществлению этого грандиозного замысла стало бы добровольное предоставление Портой сербам широкой автономии²¹.

Кроме Стратимировича некоторые другие сербские деятели пытались заинтересовать Петербург своими предложениями о создании сербского государства. Так, в октябре 1804 г. епис-

коп Бачки Иован Иованович в "челобитной", направленной Александру I, просил принять сербов "в вечное подданство и покровительство", восстановить царство Стефана Душана, правителем которого стал бы брат российского императора Константин Павлович. Прибывший в том же году в Петербург Софроний Югович-Маркович - авантюрист, выдававший себя за потомка сербских феодалов, - также выдвигал замысел создания сербского государства во главе с Константином Павловичем в границах не менее обширных, чем царство Стефана Душана. Оно создается бы в результате восстания сербов, болгар, молдаван и валахов при военной поддержке России в ходе ее войны с Портой²².

Во всех названных проектах и предложениях, совершенно утопичных, что, конечно, было понятно правительству Александра I, чувствовалось сильное воздействие представлений о сербском историческом праве. Политическим взглядам Иовановича и Юговича была свойственна наивная, но достаточно ярко выраженная великодержавность. В этом отношении карловацкий митрополит был более сдержанным и выступал с идеей создания полноценного государства в национальных рамках (в его представлении), конституционной монархии по форме правления.

Российская дипломатия не реагировала на все такого рода предложения (в том числе о принятии сербами российского подданства), но активно поддерживала требования сербских повстанцев о предоставлении широкой внутренней автономии при сохранении верховной власти султана и уплате умеренной дани. Переговоры о таких условиях примирения шли с лета 1806 г. и завершились изданием в январе 1807 г. султанского фермана - так называемого Ичкого мира. Но к этому времени уже началась русско-турецкая война, сербы, одержав важные военные успехи, овладев Белградом, решили сражаться на стороне России до окончательной победы.

Полное освобождение страны от турецкого господства с 1807 г. составляло основу политической программы сербско-

го восстания. Особенно ясно это было выражено в конце 1808 - начале 1809 г., когда в связи с подготовкой к началу русско-турецких мирных переговоров в ставку российской армии прибыли депутаты повстанцев и главный из них - И.Югович заявил, что сербы никогда и никоим образом "турецкими подданными остаться не могут". Позднее сербские депутаты предложили российскому главнокомандующему заключить военный союз, по условиям которого Россия признала бы сербский народ "независимым и самостоятельным", а Карагеоргия верховным князем Сербии. Было заявлено и о намерении в предстоящей военной кампании поднять против турок "весь сербский род из разных пределов Сербии, Боснии, Герцеговины и Черной Горы по взаимному договору..., себя освободить и под единое собственное правительство собраться"²³.

Это был замысел расширения антитурецкого движения и основания на Балканах государства, объединяющего всех "славяно-сербов", что еще несколько лет назад предлагал Стратимирович, а затем черногорский митрополит Петр I Негош. Но предпринятое повстанцами весной 1809 г. наступление не было поддержано сербами в турецком тылу и вскоре провалилось.

Автономные права Сербии, хотя и очень ограниченные по сравнению с так называемым Ичковым миром, были признаны в международном русско-турецком договоре в Бухаресте (1812 г.) После подавления Первого сербского восстания летом 1813 г. это существенно поддержало сербов в их долгой и нелегкой борьбе за свою политическую самостоятельность и расширение территории. Но мечта о создании независимого государства, объединяющего всех сербов, не утасла.

Не осуществилась и надежда черногорцев присоединить к своей территории Боку Которскую и получить такой необходимый маленькому государству выход к Адриатическому морю. Рассчеты на поддержку этого требования Россией как покровительницей Черногории не оправдались. По решению держав Котор был возвращен в состав Австрии.

В годы русско-турецкой войны политическую активность начали проявлять болгары. Стойко Владиславов (Софроний Врачанский), ученик Паисия Хилендарского, создал в Бухаресте вместе с другими болгарами-эмигрантами - Иваном Замбиным и Атанасом Нековичем - политическую организацию под названием "Временное правительство" или "Болгарская революционная организация", члены которой имели общие взгляды на будущее болгарского народа. По ряду документов, вышедших из-под пера Софрония Врачанского, можно установить, что он был приверженцем просвещенного абсолютизма. Исходя из реальных условий своего времени, продолжавшейся войны России с Турцией, Софроний и его соратники рассчитывали на русскую военную поддержку вооруженного выступления болгар. Они призывали оказывать помощь российской армии, организовывали отряды болгар-добровольцев. Обсуждался вопрос о возможности включения Болгарии в состав России или о ее покровительстве, подобном существовавшему в отношении Дунайских княжеств. Но практически требования о предоставлении Болгарии автономии в составе Османской империи не выдвигались²⁴.

В условиях наполеоновских войн значительно расширились непосредственные контакты между российскими и балканскими государственными и общественными деятелями. В России вырос интерес просвещенных представителей дворянства к задаче освобождения балканских народов от турецкой власти. В первую очередь это занимало людей, как-либо причастных к балканским делам, к политическим акциям России в отношении Порты и ее подданных.

Петербургские сановники и дипломаты высказывали различные взгляды на задачи политики России в отношении Османской империи и ее подданных. Так, государственный канцлер, министр иностранных дел А.Р.Воронцов, министр внутренних дел В.П.Кочубей были сторонниками курса на поддержание существования "слабого соседа", считая это более выгодным для России. Имелись сторонники продолжения завоевательной, агрессивной политики Екатерины II в Восточном

вопросе (Ф.В.Ростопчин, братья В.А. и П.А.Зубовы и др.). Некоторые близкие к царю государственные мужи - А.А.Чарторыйский, Н.Н.Новосильцев, П.А.Строганов - выдвигали и даже пытались осуществить дипломатическими средствами, путем соглашений с западными державами проекты создания на Балканах автономных или независимых государств как барьера против французской экспансии в этом регионе.

Но в начале XIX в. политическое будущее подданных султана, задача оказания помощи их освободительному движению привлекала внимание не только правительственных кругов, но и некоторых представителей образованной, политически мыслящей дворянской общественности, притом людей, стоявших на различных идеологических позициях.

Так, например, влиятельный при дворе протоиерей А.А. Самборский, в качестве духовника великой княгини Александры Павловны проведенный несколько лет в Офене и Вене (1799-1804 гг.), исходя из традиционных христианских представлений, доказывал необходимость оказания помощи грекам и особенно сербским повстанцам. Он был знаком и состоял в переписке со многими представителями этих народов, поддерживал дружеские отношения с карловацким митрополитом Стефаном Стратимировичем. Записка последнего о создании "славено-сербского царства" именно по инициативе Самборского и при его посредничестве была отправлена в Петербург. Это, а также позднейшие высказывания протоиерея позволяют предположить, что он разделял идею создания после падения Османской империи "славено-сербского" государства, и, возможно, был лично причастен к составлению политического проекта карловацкого митрополита.

Первым российским деятелем XIX в., выдвинувшим еще до начала восстания сербов, в 1803 г., идею единения славянских народов и создания федерации славянских государств, был известный публицист и дипломат В.Ф.Малиновский, по своим общественно-политическим взглядам просветитель-демократ. В 1803 г. он направил в МИД неопубликованную часть своего политического трактата "Рассуждение о мире и войне",

в котором доказывал неотъемлемость права каждого народа, большого и малого, на свободу и независимость.

Особенно подробно рассматривал Малиновский политические преобразования в Юго-Восточной Европе. "Греки по своему разделению сами собою управляться лучше могут, — писал он. — По своему сходству или отличию, по своему местоположению могут они составить различные области, например, особливо Епир, Морья и острова Архипелагские, каждое по себе в соединении составляющее одну Грецию в общем собрании европейских народов". Славянская федеративная "держава" должна была включать "области" болгар, сербов, хорватов, босняков, далматов, а также состоять в союзе с Россией и Польшей. "Державы" имели бы "одно общее собрание" для решения "внешних дел", составленное из представителей каждого народа, подобное существовавшим в Голландской и Американской республиках. Государства, входящие в "общий союз Европы", должны были претерпеть и-коренные социально-экономические преобразования, основой их являлось "разделение земель" в каждом государстве по эгалитарному принципу с установлением максимальной величины земельных владений.

Малиновского можно считать одним из предшественников русских социалистов-утопистов. Он оказался также, вероятно, первым российским прогрессивным общественным деятелем, заговорившим о национальных государствах на Балканах, об их федеративном союзе для осуществления единой внешней политики.

Еще один известный деятель того времени, приверженец либерально-конституционных идей В.Н.Каразин, близко общавшийся с сербскими депутатами, приехавшими в Петербург осенью 1804 г., также направил в МИД записку, в которой писал о необходимости незамедлительно оказать помощь оставшим сербам, договориться о предоставлении им Портой автономии, о неизбежности создания из южнославянских земель Турции и Австрии "Царства славян" — конституционной монархии во главе с одним из братьев Александра I. Достиг-

нув небывалого благоденствия и просвещения, это государство станет верным союзником России, ее опорой во всех отношениях с Европой и даже с Африкой. Фактически Каразин поддержал ставшее ему известным от сербских депутатов предложение Стратимировича, совместив его с собственными общественно-политическими взглядами.

Не только Каразин, но и ряд других политически активных российских деятелей в годы наполеоновских войн направляли в правительственные учреждения свои проекты и предложения относительно способов борьбы с Францией, одним из направлений экспансии которой являлась Юго-Восточная Европа. Так, вскоре после Тильзитского мира сотрудник МИДа С.М.Броневский выдвинул план создания "славянской федерации" в противовес Рейнскому союзу.

Идеи политического единения славянских народов в годы русско-французского союза пропагандировал в Москве и Петербурге отставной майор Александр Полев. Единственный путь к спасению в создавшейся международной ситуации он видел в объединении России с "племенами своего народа" — со славянами, которых надо освободить от власти Франции (имелись в виду Иллирийские провинции). Сербское королевство во главе с Карагеоргием, включающее всех южных славян православного вероисповедания, и Польское королевство славян-католиков составили бы вместе с Россией "Великий союз племен славянских". Предварительным условием осуществления этого грандиозного замысла должны были стать прогрессивные преобразования в самой России.

Внешнеполитические проекты Полева имели ясно выраженную великодержавную направленность, хотя исходили из защитных целей. Они были наивны и утопичны, но характерно, что именно восстание сербов и фактическое самостоятельное существование государства сербских повстанцев оказали непосредственное влияние на замысел Полева создать "Союз племен славянских", исходной базой которого он собирался сделать Сербию²⁵.

В 1811-1812 гг. неизбежность близкого начала войны с Францией стала очевидной. При разработке планов предстоявших военных действий в военном штабе Петербурга была намечена глубокая диверсия в тыл Франции с юго-востока, через Сербию, Боснию и Адриатическое побережье. Предполагалось, что в этой так называемой адриатической экспедиции примет участие местное балканское население, и в первую очередь союзники России в войне с Турцией - сербы. Поэтому правительство Александра I считало необходимым привлечь на свою сторону балканское население, побудить его участвовать в войне с Францией. И тогда было решено пустить в ход пропагандистские лозунги. Царь отдал распоряжение назначенному вместо М.И.Кутузова главнокомандующим Молдавской армией адмиралу П.В.Чичагову сделать все, чтобы "возвысить дух славянских народов для направления оного к нашей цели", и потому обещать им "независимость, установление славянского царства", награждать людей, а "греков возбудить к сложению тягостного для них магометанского ига"²⁶.

Таким образом, петербургский двор решил использовать антитурецкие восстания балканских народов в войне с Францией, прекрасно представляя себе политическую программу сербских повстанцев, пошел на удовлетворение их требований о создании независимого и достаточно обширного национального государства. Но делалось это ради непосредственных военных целей, да и не имея реальной возможности осуществить свои обещания. Примечательно, что в Сербию для подготовки адриатической экспедиции был направлен А.Полев, принимавший участие в разработке этой военной акции. Он провел там два с половиной месяца, сблизился с Карагеоргием и другими сербскими вождями. Направляемые оттуда начальству рапорты Полева проникнуты симпатией к сербам и их вождю, заинтересованностью в национальном освобождении всех южнославянских народов. Но переход наполеоновских войск через Неман и начало Отечественной войны разрушили замысел адриатической экспедиции. Покидая Сербию вместе с

русскими войсками, направлявшимися на север, Полев все еще не оставлял надежды вовлечь в войну с Францией славянские народы, мечтая о создании "славянского царства".

Восточный вопрос в начале XIX в. и особенно в годы русско-турецкой войны 1806-1812 гг. стал все чаще обсуждаться в российской публицистике. При этом обычно отстаивались решительные антитурецкие акции правительства, которые могли рассматриваться как продолжение курса Екатерины. Неизменно высказывалось сочувствие освободительной борьбе балканских народов. Такие настроения были присущи, в частности, одному из наиболее популярных общественно-политических и литературных журналов - "Вестнику Европы". Его в 1802 г. начал издавать Н.М.Карамзин, которого два года спустя заменил М.Т.Каченовский. В ряде статей и заметок этого журнала доказывалось, что Турция находится накануне окончательной гибели, а Селим III "может быть славен в истории именем последнего султана".

Антитурецкая направленность русской публицистики усилилась после начала войны с Османской империей в связи с планами раздела этого государства, которые обсуждались Наполеоном и Александром I в 1807 и 1808 гг. в Тильзите и Эрфурте. Но ожидания близкого падения империи османов не связывались с расчетами на непосредственные выгоды для России на ее территориальное расширение, а обычно служили прамбулой для рассуждений о предстоящем освобождении народов, поработанных мусульманами, об их национальном возрождении, создании процветающего греческого государства, независимой Сербии²⁷.

Если в период наполеоновских войн центром освободительного движения балканских народов являлась Сербия, то во втором - третьем десятилетии XIX в. массовое антитурецкое движение охватило греческие земли.

В 1814 г. в Одессе была основана греческая революционная организация Филики Этерия, которая начала подготовку восстания балканских народов против власти османов. Весной 1820 г. во главе Этерии стал Александр Ипсиланти, герой

Отечественной войны, бывший (до 1817 г.) флигель-адъютант Александр I, а год спустя этеристы начали вооруженное выступление в Дунайских княжествах. Хотя оно было быстро подавлено, на борьбу поднялось население Пелопоннеса (Морея). Главной ясно определившейся с самого начала целью войны греческих повстанцев с Портой, продлившейся почти 10 лет, было создание независимого греческого государства.

Взгляды на внутреннее устройство этого государства, на территории, которые предполагалось в него включить, были очень различными. В этих вопросах выявились существенные расхождения во время подготовки восстания. Некоторые идеологи национально-освободительного движения, например, С.Фокианос, считали необходимым учредить в будущей Греции монархию под управлением короля – одного из членов русской императорской фамилии. А.Ипсиланти, идейно близкий к современному ему русскому революционному движению, был, по-видимому, приверженцем республиканской формы правления. В обращении к видным людям Архипелага он писал: "Горе Греции, если в ней возведена будет на трон постоянная деспотическая власть"²⁸.

Но у ряда греческих деятелей, связанных так или иначе с фанариотами и высшим духовенством, у греков-эмигрантов не угасала надежда возродить средневековую Византийскую империю. С такого рода утопическими проектами, предусматривавшими и частичный раздел турецких владений, они обращались к европейским кабинетам.

Так, в 1816 г., когда распространились слухи и предположения о близком начале новой русско-турецкой войны, Константин Ипсиланти – бывший господарь Валахии, нашедший приют в России, – направил в МИД свой проект основания на Балканах "Восточной империи" во главе с Константином Павловичем. Подготовительной мерой к этому явилось бы, полагал он, создание вдоль границы России с Османской империей пояса независимых государств, имеющих регулярную армию, – Сербии, Молдавии, Валахии²⁹.

Другой обосновавшийся на западе эмигрант, фанариот по происхождению, видный деятель освободительного движения Александр Маврокордатос в 1820 г. пытался заинтересовать западноевропейские кабинеты своим предложением создать "Греческую империю", включающую и турецкие владения в Малой Азии. Он доказывал, что иначе Россия в результате приближающейся войны с Османской империей поглотит ее полностью, не предоставив равноценных приобретений западным державам³⁰.

После начала революции некоторые греческие деятели высказывали свои мнения относительно формы правления будущего государства, имея в виду конституционную монархию или республику, и соображения о характере отношений с Портой будущей Греции, о территориях, которые должны были войти в ее состав³¹. Эти проблемы обсуждались и на страницах русских журналов. Так, летом 1821 г. в "Вестнике Европы" была напечатана статья под названием "Мысли одного грека" с пометой в конце: "сокращ. с греческой рукописи". В ней доказывалась необходимость изгнания османов не только из Европы, но и из Малой Азии, разделения этой громадной территории "на разные владения, которые должны быть в едином крепком союзе между собою, подобно союзу нынешней Германии". Константинополь стал бы вольным городом, в котором будет находиться "беспрерывный сейм" из представителей каждого владения. Это обширное конфедеративное государство находилось бы в "вечном мире со всеми владетелями Европы"³². Статья, по-видимому, отражала замыслы правого крыла греческого освободительного движения.

Революционные события в Дунайских княжествах и Греции встретили небывало широкий общественный отклик в России. Об этом красноречиво свидетельствует публицистика, в которой доминировал интерес к грекам, их национальному возрождению. Сочувствие народам, отстаивавшим свою национальную свободу, убеждение, что именно Россия должна оказать им действительную помощь, открыто или в завуалированной форме выражали многие и либерально, и верноподданнически на-

строенные деятели, невзирая на решительное осуждение Александром I восставших³³.

Активная политика России в Восточном кризисе – вступление в войну с Турцией, победа в которой обеспечила бы интересы империи в Проливах и Балканском регионе – выражала представления о государственных задачах России, как экономических и политических, так и религиозно-нравственных. Даже лояльно настроенные люди, близкие к петербургскому двору, доказывали, что борьба христианских народов против султанской власти не имеет ничего общего с революционными выступлениями других европейских народов против своих "законных" суверенов. В противоположность этому декабристы и близкие к ним по убеждениям деятели считали, что восстания в Дунайских княжествах и Морее, к которым, как ожидалось, присоединятся сербы и болгары, – явления того же порядка, что и революции в Неаполе, Пьемонте, Испании и подготавливаемое выступление против российского самодержавия.

Оказание помощи грекам, обоснованное традиционными доводами, являлось одним из главных требований декабристов в области внешней политики. Нерешительные акции Александра I в Восточном кризисе 20-х годов служили поводом для критики всего режима, для осуждения консервативных принципов Священного союза. Делались попытки оценить последствия, которые будет иметь тот или иной курс российской политики в отношении балканских народов. Некоторые из декабристов полагали, что балканские восстания и предстоящая война с Османской империей создадут благоприятные условия для революционного переворота в России³⁴.

Проблема политического будущего балканских владений Порты привлекала внимание вождя Южного общества П.И. Пестеля. Он был сторонником продолжения традиционного покровительства православным подданным султана, твердого курса в Восточном вопросе и территориального расширения России за счет владений Османской империи (имелось в виду присоединение Молдавии). В "Русской Правде" Пестель утверждал,

что "завоевательная система" внешней политики России должна быть заменена "покровительственной системой", распространяющейся как на Польшу, так и на новое балканское государство. Последнее, насколько можно судить по записке под названием "Царство греческое", которая хранилась вместе с "Русской Правдой" и поэтому должна была иметь какую-то программную цель, предполагалось составить из Валахии, Булгарии, Рومании, Сербии, Боснии, Албании, Ливадии, Морее, Фессалии, Македонии. По содержанию записка "Царство греческое" походила на незаконченный проект политических преобразований на Балканском полуострове после падения власти Турции. Скорее всего, имелось в виду государство федеративное или разделенное на области, пользующиеся значительной самостоятельностью³⁵.

Служба Пестеля во 2-й армии, стоявшей на границе с Турцией, способствовала его интересу к дальнейшей судьбе этого государства. После начала восстаний этеристов и Тудора Владимиреску в Дунайских княжествах весной 1821 г. он дважды направлялся в служебные командировки в Кишинев и на границу (а возможно, побывал и в Молдавии) для сбора сведений о происходивших там событиях. С некоторыми из греков-этеристов он был лично знаком, общался с ними в это время и поэтому был достаточно осведомлен об их планах в случае победы балканских восстаний. В одном из своих служебных рапортов Пестель писал: "Желание греков на случай совершенного успеха состоит в образовании федеративной республики наподобие Американских Соединенных Областей. Сие подобие не в верховном правлении состоит, но в том, что каждая особенная область будет иметь частное свое особенное правление со всеми законами и только в общих государственных делах совокупно с прочими действовать. Сия мысль греков основана на соображении о чрезвычайно большом различии между нравами, обычаями, понятиями и всем образом мыслей различных народов, Грецию населяющих"³⁶. Под термином Греция, как это нередко было принято, подразумевалась вся европейская часть Османской империи. Такой термин употреблен и в записке "Царство

греческое". Есть все основания считать, что этот политический проект был результатом совместного творчества Пестеля и кого-то из этеристов и составлялся в марте-апреле 1821 г.

По материалам, позволяющим судить об отношении Пестеля к решению балканской проблемы, можно заключить, что вождь Южного общества декабристов, говоря о "восстановлении Греции в независимом состоянии", о восстановлении "восточной республики в пользу греков", проектируя создание "Царства греческого", исходил из предположения об экономическом и политическом преобладании греков в этой новой державе. Сама терминология подразумевала преемственную связь государства, которое должно было возникнуть в результате изгнания турок в Азию, с Грецией времен античности или средневековья. В этом отношении он следовал традиционным воззрениям, все еще имевшим распространение в среде образованных российских дворян. Филэллинские настроения Пестеля просматриваются достаточно ясно, это связано с особенностями его общего мировоззрения, с великодержавными тенденциями и недооценкой значения демократического решения национального вопроса³⁷.

В противоположность эллинофильским взглядам Пестеля руководители другой декабристской организации - Общества Соединенных Славян выдвигали политический проект создания Федерации славянских народов. Этот Всеславянский союз мыслился как обширное и сильное государство, объединенное по принципу этнической общности, обеспечивающее вошедшим в него народам свободное и равноправное существование, безопасность от внешних врагов, экономическое процветание как следствие установления передового общественно-политического строя. В него включались и южнославянские народы. В "Записках", посвященных истории создания и деятельности общества, говорилось, что его главной задачей было "освобождение всех славянских племен от самовластия" и введение "демократического представительного правления". Предполагалось "составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть

независимым в составлении частных своих узаконений". Осуществление этого идиллического замысла относилось к годам отдаленным, но все же члены общества надеялись "видеть при своей жизни освобождение отечества и других славянских народов"³⁸.

Таким образом, проблема политических преобразований на Балканах занимала деятелей декабристского движения и осмысливалась ими по-разному, в соответствии с их общими общественно-политическими взглядами.

Между тем расчеты греков на общевалканское восстание, на участие в их борьбе сербов и черногорцев не оправдались. Повстанцам Морей, юга континентальной Греции, некоторых островов Архипелага пришлось вести тяжелую борьбу с превосходящими силами противника. Охваченные революционным порывом, они в первый же год восстания одержали важные военные успехи. В январе 1822 г. Национальная ассамблея греков приняла Эпидаврскую конституцию, провозглашавшую буржуазно-демократические свободы, разделение властей. Однако осуществить на практике эти принципы государственного устройства, заимствованные из якобинской конституции 1793 г., оказалось делом нелегким. Обострение социальных противоречий, борьба за власть в стране ослабляли силы повстанцев. В начале 1825 г. большая армия египетского паши высадилась в Морее и, опустошая все на своем пути, овладела крепостью Месолонгион. Греческая революция оказалась на грани полного поражения. Но именно в это время на международной арене произошли благоприятные для греков перемены.

На первом этапе Восточного кризиса 20-х годов поборницей вмешательства в греко-турецкую войну великих держав и разрешения ими возникшего конфликта выступала Россия. В Петербурге рассчитывали, что члены Священного союза и Великобритания ведущую роль в осуществлении этой задачи предоставят России и тогда можно будет создать на Балканах и в районе Проливов "порядок вещей", соответствующий ее экономическим и политическим потребностям, не затрагивая интересы других европейских держав. Вопрос о нарушении сло-

жившегося статус-кво на Балканах в случае отказа Порты идти на соглашение был поставлен царским правительством уже в первые месяцы греческого восстания. При этом имелись в виду различные варианты: частичный раздел владений османов в Европе или создание там нового христианского государства при отказе европейских стран от всяких территориальных приобретений после падения турецкого режима³⁹. Об этом последнем варианте Александр I говорил французскому послу в Петербурге: "Надо было бы договориться относительно устройства страны, которая останется без правителей, и организовать его удачно, в соответствии со степенью цивилизации этой страны и в то же время так, чтобы оно внушало доверие ее соседям"⁴⁰.

Но вскоре обнаружилось, что западные державы решительно противодействуют стремлению России разрешить Восточный кризис военными средствами и, конечно, в свою пользу. Да и сам Александр I был напуган революционной активностью европейских народов, могущей расшириться вследствие войны, к которой Россия к тому же не была подготовлена. С другой стороны, необходимо было считаться с тем, что в правительственных кругах Петербурга преобладали поборники активной политики в Восточном кризисе, объявления войны Турции, победа в которой обеспечила бы России решение проблемы Пролетария и политического преобладания в Балканском регионе. Но в ближайшем окружении царя имелись сторонники сдержанного курса в греческом вопросе, и Александр I постепенно склонялся на их сторону. Весной 1822 г. на конгрессе Священного союза в Вероне он говорил французскому уполномоченному Шатобриану: "Ничего, без сомнения, не казалось более отвечающим моим интересам, интересам моих народов, общественному мнению моей страны, как религиозная война с Турцией; но в волнениях Пелопоннеса я усмотрел признаки революции. И тогда я воздержался"⁴¹.

В последующие годы стало ясно, что разрешить Восточный кризис дипломатическими средствами, выработать условия, приемлемые и для Порты, и для греческих повстанцев, не уда-

стся. С приходом к власти Николая I внешнеполитический курс в отношении Османской империи стал более решительным, и в то же время началось сближение в этом вопросе между Россией и Великобританией. Весной 1826 г. между двумя государствами был заключен Петербургский протокол, предусматривавший совместное предъявление Порте требования примириться с греками на условиях предоставления им не независимости, а полной внутренней автономии с уплатой фиксированной дани. В следующем году к этому соглашению присоединилась Франция и был подписан Лондонский договор. Но склонить Турцию к разрешению греческой проблемы на таких условиях не удалось. Русско-турецкий военный конфликт стал неизбежным.

Начало весной 1828 г. войны с Портой, победа в которой первоначально представлялась в Петербурге близкой и легкой, побудила российский МИД вновь заняться разработкой своей позиции в отношении политического будущего Греции и других балканских земель. Как можно понять из дипломатической переписки того времени, было задумано добиться создания греческого государства, желательно не автономного, а полностью независимого и в более широких границах, чем того хотели державы, подписавшие лондонский договор. Предполагалось, что это государство будет монархией во главе с представителем одной из правящих в Европе династий "второго ранга", что оно станет нейтральным и получит широкие торговые привилегии. Именно такая перспектива была выгодна для России, ибо можно было рассчитывать, что Греция, экономически окрепнув, сосредоточит в своих руках средиземноморскую торговлю, что восстановятся и значительно расширятся ее торговые связи с Россией, а все это будет содействовать процветанию южнорусских областей⁴².

Рассматривалась и проблема изменения судьбы других балканских народов в случае распада Османской империи. Бывшему российскому статс-секретарю по иностранным делам, ставшему в 1827 г. временным правителем (президентом) Греции, Иоанну Каподистрии была направлена просьба высказать

свои соображения по этому вопросу, исходя из условия, что на Балканах возникнет несколько небольших государств и вольный город Константинополь. Каподистрия поддержал эту идею и назвал пять таких монархических государств "второго ранга", объединенных в федерацию или конфедерацию. Три из них – Сербия, включающая также Болгарию и Боснию, королевство Эллинское и Дакия – строились по принципу этнического родства населения, а Македония и Эпир включали территории с пестрым национальным составом, но со значительным греческим населением⁴³. Скорее всего, в таком федеративном государстве гегемонию имели бы греки. Как видно, греческий президент не выдвигал столь грандиозных великодержавных проектов, как некоторые его современники, но все же старался создать преимущества для своего народа в новой балканской державе. Характерно, что при этом он шел на удовлетворение несомненно известного ему еще со времени Первого сербского восстания стремления сербов создать большое южнославянское государство, включающее кроме Сербии также Боснию и Болгарию.

Предложения Каподистрии специально рассматривались в российском МИДе, о чем свидетельствует отзыв на них авторитетного государственного деятеля, специалиста по балканским и ближневосточным делам Д.В. Дашкова. Он являлся представителем правительственной группировки, которая считала, что для интересов России более выгодно сохранение Османской империи как "слабого соседа", чем возникновение на ее обломках сильного национального турецкого государства. Но, по его мнению, империя османов неизбежно разрушится "вследствие внутренних причин", и поэтому надо иметь программу действий на случай возникновения такой ситуации. Дашков в основном поддержал идею Каподистрии об основании самостоятельных государств на Балканах и их объединении в конфедерацию, ибо это лишило бы возможности западные державы обвинить Россию в нарушении европейского равновесия. Она выступит в роли освободительницы балканских народов и поэтому получит преобладающее влияние в новых государствах. Дашков

подчеркивал также полезность разделения балканских областей по языку и происхождению обитателей, отделения "славянских племен" от греков, молдаван и валахов, но, учитывая большое количество мусульманского населения в некоторых областях (Боснии, Албании, Румелии), считал необходимым создать "в некотором отдалении от азиатских границ" мусульманское государство, независимое от христианского союза⁴⁴. Поддерживая идею создания на Балканах национальных государств, Дашков, по-видимому, уже осознавал трудность осуществления ее на практике ввиду чрезвычайной сложности демографической структуры этого региона.

В годы русско-турецкой войны проблема создания новых государств на Балканах занимала не только правительственные круги России, но и политически мыслящих представителей дворянства. Примером в этом отношении может служить чиновник Н.И.Кутузов, по своим взглядам близкий к представителям умеренного крыла декабристского движения. В августе 1828 г. он направил Николаю I записку с планом военной кампании на балканском фронте, исходя при этом из возможности вступления в войну против России Австрии. Кутузов предлагал привлечь к военным действиям самих жителей Европейской Турции, особенно Сербии и Боснии, которые "замышляют приобрести полную независимость". Тогда после победы можно было бы создать славянское государство. "Славянская держава может принести великую пользу России, — писал он. — Это будет то же в отношении Турции и Австрии, что узда для лошади"⁴⁵. Как видим, в представлении Кутузова большое славянское государство вполне соответствовало бы внешнеполитическим интересам России.

В противоположность этому Ф.П.Фонтоп в своих письмах к другу, написанных с театра военных действий, отвергал идею создания "исполинского славянского государства". Он полагал, что необходимо раздробить нынешнюю Османскую империю на две части: турецкое государство в Малой Азии и христианское на Балканах. Последнее мыслилось Фонтопом как федерация с республиканским устройством, с большой внутренней

самостоятельностью каждой национальной области, имеющей собственные законы, выработанные с помощью России. Это была бы федерация, сходная со Швейцарией или Германским союзом⁴⁶.

Таким образом, идея создания на Балканах государств федеративного или, скорее, конфедеративного типа с принципом разделения по национальному принципу в 20-е годы имела и у греков, и в России, где одновременно с этим появилась задумка основания большого славянского государства. А у сербов по-прежнему, со времен Первого восстания, главенствовала программа создания национального сербского государства, объединяющего все земли, которые в представлении современников были сербскими.

Об этом можно судить по заявлениям Милоша Обреновича - вождя сербского восстания 1815 г., провозглашенного затем князем и ставшего самовластным правителем сербского населения Белградского пашалыка. В 1829 г. он говорил французскому путешественнику А.Караману, что сербы всегда желали основать "сербское царство", в которое бы вошли Сербия, Босния и часть Албании (имелась в виду Старая Сербия - Косово и Метохия)⁴⁷. Другой француз, побывавший в Сербии в 1834 г., писал, что князь Милош заявлял о необходимости покончить с распадающейся Турцией, а Сербии предоставить полную независимость. "Пусть сербам и грекам, албанцам и болгарам дадут возможность управляться самостоятельно в землях, где они живут, и, если это необходимо, Константинополь пусть станет большим торговым городом под гарантией всех держав... Зачем подчинять один народ другому? Все это противно законам природы, а природа в конце концов никогда не перестанет требовать свои права", - рассуждал будто бы князь Милош, обосновывая правом народов на политическое самоопределение программу борьбы сербов за полную независимость, что предполагало и присоединение к княжеству населенных сербами балканских территорий⁴⁸.

В годы русско-турецкой войны зарождалось антитурецкое

движение в Болгарии, вылившееся в стихийные вооруженные выступления, начавшиеся после вступления российских войск на территорию Болгарии в ходе кампании 1829 г. Болгары помогали русской армии, создавали многочисленные отряды добровольцев. Учитывая перспективу важных политических перемен на Балканах, выставили свои требования болгарские эмигранты в Бухаресте. Их представитель Александр Некович в середине 1828 г. прибыл в штаб русской армии, чтобы просить Николая I взять Болгарию под свое покровительство по аналогии с Сербией, Молдавией и Валахией. Привезенный им "меморандум" был подан "от лица всего народа болгарского".

Болгары-эмигранты во взглядах на судьбу своей родины и роль России в ее национальном освобождении опирались на идеологию Софрония Врачанского. В документах миссии Нековича было указано, что политическое устройство Болгарии должно строиться по образцу соседних автономий и конкретно - Дунайских княжеств. Именно в это время требование национальной автономии становится политической программой болгарского освободительного движения⁴⁹.

В те годы проблемы происхождения, истории и современного положения болгар стали привлекать большее, чем раньше внимание российской общественности. Тому способствовал выход в свет в 1829 г. книги Юрия Венелина "Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам". Примечательно, что Венелин попытался наметить меры, необходимые для поддержания самобытности и самого существования этого славянского народа, который Порты старается "отурчить", а греки "огречить". Необходимо испросить разрешение турок, писал он, завести типографии, чтобы печатать церковные книги на славянском языке и вести на нем богослужение, создать высшие училища, "Академии", в нескольких больших городах. Надо запретить грекам "восходить на болгарские кафедры и продавать оные в Константинополе", позволить избирать болгарскому епархиальному духовенству высших архиереев и предоставить им управление "делами духовными" и некоторыми

гражданскими, разрешить возобновлять и строить церкви. "Тем только и можно бы и примирить его (болгарский народ. - И.Д.) с его господами; тем только и можно сделать его сноснее, что в самом деле и для Порты имело бы благотворные последствия", - утверждал в заключение автор⁵⁰. Как видим, Венелин не говорил об освобождении болгар от турецкой власти, по-видимому, потому, что это было не-реальным в ближайшее время. Он считал необходимым прежде всего сохранить национальную самобытность болгар как народа славянского, развить его просвещенность и решить церковный вопрос. На рубеже 20-30-х годов это действительно было самой главной задачей болгарского народа.

Если болгары рассчитывали, что победа в войне с Османской империей поможет России взять их под свое покровительство, то черногорцы надеялись, что держава-покровительница поможет им расширить свою территорию, получить выход к морю. Но в Адрианопольском мирном трактате, заключенном в сентябре 1829 г., не упоминались такого рода вопросы, зато этот международный договор сыграл важную роль в истории создания греческого и сербского государств.

В соответствии с условиями Лондонского договора Порта признала права греков на широкую внутреннюю автономию, а в начале 1830 г. Греция была провозглашена державами - участницами данного договора независимым королевством, правда, в очень урезанных границах. Два года спустя его территория была несколько расширена в континентальной части, но вне этого государства остались населенные греками Фессалия, южная часть Македонии, Ионические острова, часть островов Эгейского архипелага. Греческий народ не был удовлетворен таким результатом своей многолетней борьбы, но более благоприятного решения в то время нельзя было добиться.

По условиям Адрианопольского договора с Россией Порта в 1829 и 1830 гг. издала хатти-шерифы, по которым Сербское княжество, находясь под верховной властью султана и уплачивая ежегодно фиксированную сумму, получало полную внут-

рению автономии, а Милош Обренович подтверждался в достоинстве "баш-кнеза сербской нации" с наследственными правами. В 1833 г. к княжеству были присоединены шесть нахий и его территория увеличилась на одну треть. Но вне этого государства осталась также немалая часть земель, населенных сербами.

К началу 30-х годов стало очевидным, что процесс распада Османской империи необратим ввиду общественно-экономической отсталости этого государства. Он шел под воздействием неуклонно расширявшегося освободительного движения поработенных народов и внешних факторов — политики России в Восточном вопросе; шел медленно, с большими затруднениями, путем отделения или автономизации окраинных территорий. Стало также ясным, что на Балканах создаются небольшие национальные государства, а не одно крупное или федеративное. В этом отношении реальный ход истории, обусловленный общественно-политическими и экономическими особенностями региона, расходился с программами балканских деятелей в отношении государственного будущего своих народов, которые выдвигались на протяжении рассматриваемого нами периода, а также с внешнеполитическими планами царского правительства и идеями ряда российских деятелей, проявлявших интерес к данной проблеме.

Итак, одним из примечательных явлений в процессе расширения общественно-политических связей России с греками и южными славянами было взаимовлияние и взаимодействие в подходе к проблеме политического будущего балканских народов. Взгляды и планы в этом отношении греческих и южнославянских государственных и общественных деятелей на отдельных исторических этапах нередко совпадали и с замыслами царского правительства, и с идеями политически мыслящих русских деятелей. Например, можно обратить внимание, что проекты возрождения Византийской империи увязывались с "греческим проектом" Екатерины II. Требования сербов в начале Первого восстания об автономии совпадали с замыслом "балканских планов" А.Чарторыйского. Идея создания крупно-

го полностью независимого "славено-сербского царства", предложенная С.Стратимировичем, Петром Негошем и другими, аналогичные требования предводителей восстания в ходе русско-турецкой войны 1806-1812 гг. - все это повлияло на декларацию правительства Александра I в 1812 г. о намерении создать "славянское царство".

В ходе Восточного кризиса 1820-х годов кто-то из этеристов и вождь Южного общества декабристов П.И.Пестель стали соавторами проекта "Царство греческое", а предложение И.Каподистрии о создании балканской федерации совпало с планами российского МИДа по политической перестройке балканских владений Турции в случае ее поражения в войне. Идея создания на Балканах государства или государств федеративного типа и их демократического устройства, впервые выдвинутая в первые годы XIX в. В.Ф.Малиновским, в дальнейшем приобрела приверженцев как в России, так и на Балканах.

Отметим также, что ни петербургский кабинет, ни российские общественные деятели и мыслители не выдвигали замыслов присоединения к России балканских земель, считая это для нее ненужным. К началу 1830-х годов стало ясным, что интересы греков и южных славян, их стремление к созданию самостоятельных национальных государств соответствуют в главном внешнеполитическому курсу русского правительства, рассчитывавшего при этом установить свое преимущественное влияние в государствах, выделяющихся из состава Османской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. описание таких проектов: D j u v a r a T. Cent projets de partage de Turquie, Paris, 1914.
2. Д а н о в а Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София, 1980. С.30-35.
3. А р ш Г. Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С.100-106; Д а н о в а Н. Указ. соч. С.45-49.
4. Гласник српског ученог друштва. 1853. Књ .У. С.43.
5. Н о в а к о в и ћ С. Прилог српској историји око 1790 // Гласник српског ученог друштва. 1866. Књ .III (XX). С.60; Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII - 70-е годы XIX в.). М., 1986. С.94.

6. П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук пред Први српски устанак. Београд, 1949. С.369-381.
7. Формирование национальных независимых государств... С.394-350.
8. Екатерина II - Иосифу II 10(21) сентября 1782 г. Иосиф II - Екатерине II 13 ноября 1782 г. // Русский архив. 1880. Кн. I. С.281-291, 296-300.
9. См. об этом: М и л л е р А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.; Л., 1947. С.66-67; М а р к о в а О. П. О происхождении так называемого греческого проекта // История СССР. 1958. № 4; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С.367; С т а н и с л а в с к а я А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798-1807. М., 1962. С.51-55.
10. А р ш Г. Л. Указ. соч. С.86-87.
11. См. об этом подробнее: Д о с т я н И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С.16-38.
12. См. об этом: Д о с т я н И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С.49-59.
13. С т а н и с л а в с к а я А. М. Россия и Греция в конце XVIII - начале XIX в. Политика России в Ионической республике. 1798-1807. М., 1976. С.289-328.
14. А р ш Г. Л. Указ. соч. С.123-124; Д а н о в а Н. Указ. соч. С.45-46.
15. Д а н о в а Н. Указ. соч. С.46.
16. Г р о с у л Г. С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806. Кишинев, 1975. С.142-143; ЦИА.Ф.673. Оп. I. 1807-1847. Д.291.
17. Записка А.Чарторыйского II(23) января 1806 г. // Сб. русск. ист. общества. СПб. 1892. Т. LXXXII. С.269-275; А.Чарторыйский - П.А.Строганову 23 мая (4 июня) 1806 г. // Вел. кн. Н и к о л а й М и х а й л о в и ч. Граф П.А.Строганов. СПб. 1903. Т. II. С.403; С и р о т к и н В. Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806-1807 гг. // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1962. Т. XXV. С.177-179.
18. С.Ивкович - А.Я.Будбергу 2(14) мая 1807 г. // Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. I. С.356-367.
19. Там же. С.362-363.
20. Доклад А.Чарторыйского Александру I, не позднее 28 ноября 1804 г. // Там же. С.64-67.
21. Записка С.Стратимировича // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. М., 1868. Кн. I. С.241-256.
22. Д о с т я н И. С. Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С.98-107.
23. Памятная записка сербских депутатов I марта 1809 г. // Первое сербское восстание... М., 1983. Кн. II. С.67-68.

24. Конобеев В. Д. Българското национално-освободително движение: идеология, програма, развитие. София, 1972. С.358-363; Д о й н о в С. Българското националноосвободително движение. 1800-1812. София, 1979. С.247; Формирование национальных независимых государств... С.350-352.
25. Об идеях и проектах А.А.Самборского, В.Ф.Малиновского, В.Н.Каразина, С.М.Броневского, А.Полева см. подробнее: Д о с т я н И. С. Русская общественная мысль... С.38-116.
26. Инструкция Александра I адмиралу П.В.Чичагову 9(21) апреля 1812 г. // Внешняя политика России. Документы и материалы российского министерства иностранных дел. М., 1962. Т.УІ. С.364.
27. О русской публицистике, посвященной балканским проблемам см. подробнее: Д о с т я н И. С. Русская общественная мысль... С.116-146.
28. Арш Г. Л. Указ.соч. С.272-273.
29. АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1816. Д.2309 (Записка К.Ипси-ланти 4(16) апреля 1816 г.).
30. Р о к е с ч - О s t e n А. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche. Wien, 1867. Bd. III. Beilage. S. 1-54
31. Д а н о в а Н. Указ.соч. С.53.
32. Вестник Европы. 1821 г. Ч.120. № 18. С.142-146.
33. См. об этом подробнее: Д о с т я н И. С. Русская общественная мысль... С.146-170.
34. Ш е б у н и н А. Н. Декабристы и вопросы внешней политики // Русское прошлое (Ист. сб.). Пг.; М., 1923. № 4; О р л и к О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1974.
35. "Русская правда" П.И.Пестеля и сочинения, ей предшествующие // Восстание декабристов. М., 1958. Т.УІ. С.123-124, 327.
36. Записка 5-я П.И.Пестеля П.Д.Киселеву 14 апреля 1821 г. // Documente privind istoria României. Răscăla din 1821. București, 1959. V. II. F. 131-132.
37. О взглядах П.И.Пестеля на балканские дела и связанной с этим деятельностью в 1821 г. см. подробнее: Д о с т я н И. С. Балканский вопрос во внешнеполитических планах П.И.Пестеля // Исторические записки. М., 1975. Т.96.
38. Г о р б а ч е в с к и й И. И. Записки. Письма. М., 1965. С.11-13.
39. Международные отношения на Балканах. 1815-1830. М., 1983. С.145-158.
40. Н и к о л а й М и х а й л о в и ч (Р о м а н о в) в е л. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т.П. С.368-370.
41. Chateaubriand F.R. Congrès de Verone. Guerre et Espagne. Négociations espagnoles. Paris, 1838. Т.1. Р.221-222.
42. Международные отношения на Балканах... С.212-221.

43. АВПРИ. Ф.Канцелярия. Д.2126. Л.140-142 (И.Капо-
дистрия - К.В.Нессельроде 19(31) марта 1828 г.).
44. АВПРИ. Ф.Канцелярия. Д.1098. Л.86-III (Записка
Д.В.Дашкова. 1828 г.).
45. АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1828. Д.1.
46. Ф о н т о н Ф. П. Воспоминания. Лейпциг, 1862.
Т.П. С.115; 253.
47. Споменик Српске Краљевске Академије. Београд,
1892. Књ .XУП. С.26.
48. Споменик... Књ .XXIV. С.39.
49. К о н о б е е в В. Д. Българското националь-
ноосвободително движение...С.180-271; Формирование нацио-
нальных независимых государств... С.352-359.
50. В е н е л и н Ю. Древние и нынешние болгаре в
политическом, народописном, историческом и религиозном их
отношении к россиянам. М., 1829. С.250-251.

И.В.Чуркина

ИЛИЯ ГАРАШАНИН И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ
(1842–1860 гг.)

С самого начала установления уставохранительского режима в Сербии российское правительство заняло по отношению к нему недоброжелательную позицию. И хотя спустя некоторое время Николай I признал Александра Карагеоргиевича сербским князем, отношения между Сербией и Россией продолжали оставаться прохладными. Несколько улучшились они благодаря миссии специального эmissара Николая I барона В.К.Ливена и деятельности российского консула Г.И.Данилевского, приехавшего в Белград в ноябре 1843 г. Данилевский, в частности, содействовал возвращению в Сербию двух видных уставохранителей – Т.Вучича и А.Петровича, изгнанных за организацию восстания, приведшего к свержению династии Обреновичей. В это время Илья Гарашанин, ставший одной из ключевых фигур политической жизни Сербии, отмечал: "Мы с русским консулом в хороших отношениях и с каждым днем отношения все улучшаются"¹.

Деятельность Данилевского и дальше была направлена на сближение с сербским правительством. Так, первым получив известие о начале восстания сторонников Обреновичей в сентябре 1844 г., он сразу же сообщил об этом правительству. В это же время и российские власти предприняли шаги, содействовавшие улучшению отношений с уставохранительским режимом: с начала 1844 г. разрешили отправить в Сербию большую партию оружия, в 1846 г. удовлетворили ходатайство Данилевского о посылке в княжество церковных книг и направлении для учебы в петербургскую, московскую и киевскую семинарии шестерых молодых сербских священников. В то же время князь Александр был награжден орденом св.Анны I-й степени.

Но все эти меры не привели к восстановлению прежнего

влияния России в Сербии. Уже в 1844 г. тайно от русских была создана первая внешнеполитическая программа Сербии "Начертание". Ее создателем и самым горячим поборником стал Илия Гарашанин. Целью программы являлось получение Сербией независимости и объединение вокруг нее других югославянских областей. На разработку "Начертания" большое влияние оказали такие деятели правого крыла польской эмиграции, как А.Чарторнский и Ф.Зах. Ф.Зах поселился в Сербии и стал одним из сподвижников И.Гарашанина. Польское влияние особенно прослеживалось в средствах достижения целей программы. Сербское княжество согласно "Начертанию" должно было опираться на Францию и Англию, придерживаясь дружеских отношений с турками. Австрия и Россия рассматривались в качестве потенциальных противников осуществления сербской внешнеполитической программы. Однако надо подчеркнуть, что вначале Гарашанин не относился так негативно к России. Наоборот, он теоретически допускал возможность сотрудничества с нею. В одном из своих писем сербский политик подчеркивал: "Сербия ни с кем легче не могла бы добиться своей цели, как в союзе с Россией, но это только тогда, когда Россия совершенно и полностью приняла бы и условия Сербии, Союз между Сербией и Россией был бы на самом деле наиболее естественным"².

С 1845 г. Гарашанин начал практическую деятельность по реализации своей программы. В югославянских землях Османской империи он организовал агентурную сеть. Его агенты имелись и в австрийских землях. Революция 1848-1849 гг. в Австрии и борьба воеводинских сербов за свои права дали деятельности Гарашанина новое направление. Главные его усилия были сосредоточены в это время на помощи воеводинцам и завоевании среди них прочных позиций. Одновременно уставобранительское правительство опасалось возросшей активности Обреновичей, за которыми, как оно полагало, стояла Россия. Именно недоверие уставобранителей к России привело к тому, что через неделю после Петровской скупщины (июль 1848 г.) во французском консульстве в Белграде состоялась тайная

встреча представителей сербского правительства с французским консулом, белградским пашей и польским агентом Л.Зверковским-Ленуаром. На ней было решено, что Сербия должна освободиться от русского покровительства, опираясь на Турцию и Францию.

Антирусская политика сербского правительства не могла остаться незамеченной Россией. В июле 1849 г. вместо заболевшего Данилевского в Белград был назначен российским консулом Д.С.Левшин. Он настороженно относился к сербскому правительству особенно после того, как оно в августе 1849 г. под нажимом Франции вопреки предупреждению Левшина согласилось пропустить через Сербию в земли Османской империи отряды польских, венгерских и итальянских революционеров. В отличие от Данилевского Левшин отчетливо понимал антирусскую направленность уставохранительской политики. Он считал, что главную вину за это несут польские эмигранты. Поэтому российское консульство добилося осенью 1851 г. высылки из Сербии 28 иностранцев. Но отношения между Россией и Сербией от этого не улучшились. В своем последнем донесении из Белграда Левшин особенно резко отзывался о Гарашанине, видя в нем главу партии ненавистников России в сербском правительстве. Они стремятся к полной независимости Сербии, подчеркивал консул, к объединению вокруг нее южных славян, а Россию представляют как державу, которая желает "поработить сербов и подавить всякое стремление с их стороны к развитию своей национальности". Ближайшим сподвижником Гарашанина Левшин называл Й.Мариновича, молодого чиновника, получившего образование в Париже³.

В конце 40-х - начале 50-х годов русское правительство справедливо видело в Гарашанине главу французской партии в Сербии, имевшей антирусскую направленность. Поэтому, когда князь Александр после смерти главы сербского правительства Петрониевича назначил на его место Гарашанина (сентябрь 1852 г.), российский генеральный консул в Белграде Ф.А.Туманский, сменивший Левшина, решительно протестовал против этого. Его протест был поддержан в Константинополе россий-

ским чрезвычайным послом князем А.С.Меншиковым. Александру пришлось дать Гарашанину отставку.

Вместе с тем князь Александр был недоволен столь бесцеремонным вмешательством России. И когда Туманский, желая довести дело до конца, вскоре после отстранения Гарашанина потребовал удаления из сербского правительства еще нескольких лиц, князь не только отказал ему в этом, но и обратился с жалобой на Россию к иностранным консулам в Белграде и к белградскому паше. Действия Александра поддержал и Совет. 20 марта 1853 г. на своем заседании он принял адрес сербскому князю, в котором выражал сожаление по поводу отставки Гарашанина и полную поддержку отказу Александра исполнить второе требование Туманского. Вдохновленный поддержкой Совета сербский князь отправил в Константинополь жалобу на вмешательство Туманского и одновременно попросил поддержки против России у правительств Франции и Англии. Туманский разорвал отношения с Александром. Все это вызвало волнения народа, недовольного разрывом сербского правительства с Россией. Положение в Сербии резко обострилось⁴.

Факт этот вызвал далеко не однозначную реакцию в правящих кругах России. И эта реакция еще накануне Крымской войны как бы обозначила в русском высшем обществе два направления внешней политики России, которые четко проявились именно в этом частном случае.

Господствовавшим было направление, возглавлявшееся графом К.В.Нессельроде, который руководил внешней политикой и проводил в ней линию императора Николая I. Именно оно и добилось снятия Гарашанина. Другое направление группировалось вокруг графа Д.Н.Блудова, главы второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, и Е.П.Ковалевского, талантливого дипломата и инженера.

Новые материалы, найденные мною, говорят о том, что второе направление относилось с пониманием к стремлению сербских политических деятелей вырваться из-под грубого

диктата российского правительства, добиться известной самостоятельности в своих действиях. Сама личность Гарашанина как ведущего сербского политика того времени вызывала симпатию у некоторых представителей русских придворных кругов.

В частности, графиня А.Д.Блудова, дочь Д.Н.Блудова и фрейлина императрицы, имела контакты с Гарашаниным еще до начала описанных событий. Об этом свидетельствует ее переписка с настоятелем русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевским, через которого она вела сношения с некоторыми югославянскими деятелями, в том числе с Гарашаниным. Еще 26 марта 1852 г. Раевский сообщал Блудовой, что отправит ее письмо сербскому филологу И.Божковичу на имя Гарашанина. В начале 1853 г. графиня посылала через Гарашанина деньги для своего воспитанника И.Костица и его отца⁵.

Поэтому неслучайно после отставки Гарашанина его сторонники обращались к Блудовой за поддержкой. Один из них отправил ей из Парижа 12 мая 1853 г. письмо, в котором решительно защищал сербского политика. Автор отмечал любовь сербов к России. "Но может ли серб, — подчеркивал он, — не любить братьев-русских, когда еще в колыбели он слышит от матери рассказы о том, какие у него братья русские, какой у них царь могучий и добрый, и как они помогли нам освободиться от турок". Вместе с тем автор письма решительно осуждал действия российских властей в случае с Гарашаниным. "Гарашанин, как Вы знаете, — писал он, — по настоятельному требованию Туманского должен был подать в отставку, и теперь удален от всякой должности. Признаюсь Вам искренно, что это требование произвело вообще негодование, больно было всем и каждому, что русские, которых мы считаем истинными братьями, терпеть не могут и выгоняют именно тех чиновников наших, которые всех нужнее и полезнее в настоящее время своему народу". По мнению автора, погубить Гарашанина — "значит заживо задеть сербов и ... принудить их искать против воли и склонности сочувствия в других правительствах". "Мы, — продолжал неизвестный кор-

респондент, — люди, которые только не позволяем, чтоб на нас верхом сядились, а дружбою и ласковым обращением всегда можно вести нас куда захочешь. Вы старшие в роде в отношении ко всем славянам; мы добровольно и охотно, как младшие братья, будем следовать Вашим советам, только докажите нам искренность и дайте слово, что по-прежнему будете бескорыстны с нами и не хотите завоевать нас и сделать своею провинциею".

Требование о том, что Россия не должна делать Сербию своею провинциею, повторяется в письме в разных вариантах несколько раз. "Принадлежать России как провинция мы не хотим", — замечал автор письма в другом месте. Он решительно отметал обвинения Гарашанину в том, что последний думает достичь своих целей революционным путем. Так, когда Гарашанин прочел брошюру, изданную во Франции и призывавшую к революционным действиям, он был возмущен. "Ваша критика в сравнении с критикою Гарашанина еще очень снисходительна, — уверял Блудову корреспондент. — Он беспощадно осуждает несбыточные бредни авторов и называет их врагами Сербии и изменниками отечеству". Автор письма подчеркивал, что сербы не могут "иметь ни доверенности, ни прямой любви" ни к какому другому народу, кроме русских. Турки — заклятые враги сербов, немцы — истинные враги всех славян и заслужили, "чтобы их стерли с лица земли". Что касается французоз, то для них нет ничего святого — ни закона, ни религии, ни царского престола. Французы развращают своею цивилизациею другие народы. Не менее резко отзывался корреспондент и об англичанах, погруженных, по его мнению, в материальный эгоизм. "Много на Западе говорят о том, — продолжал корреспондент, — как одна или несколько держав югославянских могут быть опорой Запада против России, но этим господам еще не приходило в голову, что такая или такие державы могут и должны бы быть естественною сильною опорой России против духа Запада, авангардом России против всем нам враждебного элемента". Не сомневаясь в добром отношении царя к сербам, автор письма во всех не-

доразумениях обвинял сотрудников российского консульства в Белграде. "Короче, ваши консулы, - писал он, - часто так себя ведут, что нельзя не думать, что они жаждут произвести бунт в Сербии и покровительствуют всем революционерам". Наиболее вредным среди консульских чиновников он считал секретаря консульства С.И.Попова, который "составил какую-то оппозицию против князя и сам начальник этой оппозиции и мелких интриг"⁶.

Кто же был автором упомянутого письма к графине Блудовой? В ее бумагах сохранился только перевод письма на русский язык, и в нем автор фигурирует под буквой "М". Я полагаю, что это Йован Маринович, близкий соратник Гарашанина. Он бывал в России, где познакомился с графиней Блудовой. Об этом свидетельствует одно из писем Екатерины Ивановны Милошевич, жены будущего российского консула в Белграде. В нем она благодарила Блудову за книги, переданные ей через Мариновича, и добавляла: "Не удивляюсь, что от него в восхищении, он ловко говорит, и вдобавок по-французски, он уехал тоже в восторге от всего виденного, и писал мне, что в особенности не знает, как благодарить Вас"⁷.

По-видимому, поездка Мариновича в Россию состоялась где-то между 12 мая и 3 июля 1853 г. Установить ее сроки дают основание даты двух писем Мариновича Блудовой. Первое уже приведено выше. В начале же второго он выражал радость по поводу получения известий из России, "которую так искренно любил и в которую надеюсь когда-нибудь хоть на время воротиться"⁸.

Оказало ли письмо Мариновича и встречи с ним влияние на Блудову? Имеющиеся в моем распоряжении материалы дают возможность ответить на это положительно. В своем письме Раевскому от 5(17) мая 1853 г. графиня откровенно изложила свою точку зрения на события, связанные с отставкой Гарашанина. Прежде всего она подчеркивала, что Россия проводит пронемецкую внешнюю политику и верит Австрии. "А сами, - продолжала Блудова, - играли роль полицейских всюду, и на-

пример/, в деле Гарашанина самым глупым образом вмешались, но так, что дали волю развиться склонности к французскому всему". Она особо просила Раевского узнать, что говорят сербы о Гарашанине и его отставке. "Все, что Вы и сенатор Губе мне говорили о Гарашанине, — отмечала графиня, — и его любезная готовность к маленьким услугам, о которых я собственно его просила, кажется мне, не доказывают такую ненависть ко всему русскому, как уверяют теперь, но мне кажется, что ласки французом, щекотливость национальная, заносчивость Туманского и опасение, может быть искреннее, чтобы Россия не захотела завладеть сама Сербией или отдать ее Австрии в случае падения падишаха, все эти причины могли действовать на человека умного, властолюбивого, мало образованного и, как все мы, совершенно незнакомого с настоящим положением вопроса". Далее Блудова уверяла Раевского, что Николай I не желает присоединения Сербии в случае разгрома Турции ни к России, ни к Австрии. Напротив, "в случае катастрофы окончательной... думают округлить княжество (хотя, разумеется, не дадут ни Царьграда, ни Душанова царства). Но если пойдут кругить против нас на революционный лад польско-французский, Вы знаете, что эта мысль быть представителями антиреволюционного духа, есть единственное непоколебимое правило у нас". По-видимому, графиня желала, чтобы ее сообщения о намерениях царя были переданы Раевским Гарашанину, потому что в конце письма она добавляла: "Если Гарашанин в самом деле, как о нем говорят, человек практический и дельный и что он искренне желает добро своему отечеству, он поймет, что нужны осторожность и некоторые уступки"⁹.

Блудова в это сложное для Гарашанина время всячески старалась показать ему свое расположение. Она писала ему письма с мелкими поручениями, которые Гарашанин любезно выполнял, все время справлялась о нем у своих белградских знакомых, в частности у Васи Живановича.

Как же сам Гарашанин переживал свою отставку с поста, который он так и не успел занять? Об этом говорят его пи-

сьма к Мариновичу, с которым он весьма интенсивно переписывался. Гарашанин предполагал, что особое неудовольствие русских он вызвал своею поездкою во Францию. Он порицал деятельность Раевского, который якобы много ему навредил в глазах русских дипломатических кругов, распространяя слухи, что в Париже Гарашанин желает завязать дружбу с французами и поляками. Сам Гарашанин, по-видимому, пытался объясниться с русскими дипломатами в Вене, с послан П.К.Мейендорфом и специальным представителем императора бароном В.К.Ливеном. Но увидеться с ними тогда ему не удалось.

О российском правительстве Гарашанин в своих письмах от конца августа 1852 г. отзывался очень резко. Русские хотят, чтобы он стал их рабом, утверждал Гарашанин и далее добавлял: "Но я не хочу быть им, я служу своему отечеству и буду служить ему верно без всякого страха перед Россией или кем бы то ни было". "Если бы я был русским чиновником, — указывал Гарашанин, — я был бы любимцем императора, но как сербский чиновник, я буду ненавидеть императора всегда или до тех пор, пока его политика по отношению к Сербии не изменится"¹⁰.

Но уже к лету 1853 г. Гарашанин начинает менять свое отношение к России. Видимо, на это повлияло сочувствие, которое ему высказывали Блудова и другие представители русской знати. Так, 1 июня 1853 г. Гарашанин сообщал своему корреспонденту, что был у русского протоиерея, т.е. Раевского. "Он меня утешал и говорил, что при дворе есть много русских, которые мне сочувствуют"¹¹. Поведение Раевского по отношению к Гарашанину несомненно определялось приведенным выше письмом к нему А.Д.Блудовой. Разговор с Раевским несколько смягчил сербского политика. У него стали появляться нотки сочувствия России, сознание общности судеб с ней остальных славянских народов. Рассказывая о своей поездке от Вены до Линца, он мимоходом сообщал Мариновичу о разговорах, которые вели немецкие пассажиры. "Если это принять за мнение немецкого народа, — заключал

он, — то тогда Россия имеет своего главного врага в этом народе, врага, который, говоря, не выносит самого русского имени. Эта ненависть против славян вообще". Гарашанин полагал, что англичане и французы относятся к русским иначе: они могут их осуждать, например, за действия в Восточном вопросе, но никогда не презирают их. Вместе с тем в том же письме Гарашанин с сарказмом спрашивал Мариновича, лучше ли, чем он, его преемник А.Симич умеет угодить русским?¹² Как можно видеть, в начале июня отношение Гарашанина к России стало меняться, хотя прошлые обиды не были еще им забыты.

В июне того же 1853 г. Гарашанин случайно встретился в курортном местечке Луэж (Швейцария) с сыном и женою графа Алексея Федоровича Орлова, личного друга Николая I. Молодой граф Николай Орлов сам подошел к опальному сербскому политику и завел с ним разговор. Беседа между ними была достаточно откровенной. Граф спросил Гарашанина, почему он является противником России и другом турок, почему он добивается покровительства Франции. Гарашанин отверг эти обвинения, отметив, что он просто желает установления хороших отношений с французским правительством. Во всех недоразумениях он обвинял российское консульство в Белграде, которое дезинформировало российское правительство. Российские консулы вмешиваются во внутренние дела Сербии, "часто высказывают презрение по отношению к нашему князю и правительству и ко всему национальному, а этого ни один серб... не может терпеть". В ответ граф Орлов заявил, что русский император благоволит к сербам, что князь Меншиков не виноват в смещении Гарашанина: он не знал обстановки и действовал по донесениям консулов. Сербский политик не преминул добавить, что консул Туманский очень больной человек, а все зло идет от секретаря консульства Попова, "на которого сербы не могут смотреть иначе, как на своего врага". Далее Орлов спросил, желает ли Гарашанин получить какую-нибудь должность на родине. Ответ последнего был полон достоинства. Он заявил, что хочет жить в Сербии как част-

ное лицо и "желает только, чтобы мое отечество шло по пути прогресса. Для меня этого будет достаточно". Гарашанину казалось, что, молодой Орлов понимает его. "Одним словом, — делал заключение Гарашанин, — он настоящий русский, а не немец, и на него мы могли бы рассчитывать"¹³.

Итак, в разговоре с Орловым были уже четко намечены основные правила игры: русские правящие круги в лице императора и князя Меншикова не виноваты в отставке Гарашанина, ибо они были неправильно информированы сотрудниками консульства в Белграде. И спустя неделю у Гарашанина в письме к Мариновичу вырывается знаменательная фраза: "Лучше всего, если бедняга Туманский умрет, свалить всю вину на него, а после помириться с русскими". И развивая далее свою мысль, сербский политик добавлял: "Если русские действительно желают добра Сербии, тогда наши цели полностью совпадают"¹⁴.

Начало Крымской войны насторожило Гарашанина — он боялся ее последствий для Сербии. "Война эгоизма и честолюбия кабинетов, — замечал он Мариновичу, — превратится в другую войну, и это будет война между угнетенными свободолюбцами и абсолютизмом. И пусть нас бог сохранит от того и другого"¹⁵. Однако, когда Михаил Обренович, жалуя использовать сложившуюся обстановку, послал письмо сербским советникам, в котором обещал в случае своего возвращения на престол никому не мстить, но стараться всех примирить, Гарашанин несколько изменил свое мнение. В письме к Мариновичу он стал развивать свои планы о будущих возможных отношениях с русскими. Он мечтал о том, чтобы Россия согласилась на установление в Сербии особого правительства. "Это правительство, — подчеркивал он, — делало бы большие дела, а Россия бы всегда стояла за его спиной и только кое-когда и кое-где защищала бы и поддерживала это правительство силой и правом своего покровительства, а если бы пришла нужда, и большая, она (т.е. Россия. — И.Ч.) могла бы им пожертвовать"¹⁶.

Таким образом, не прошло и года со дня отставки Гара-

шанина, а он уже стал строить планы в отношении совместных действий России и Сербии. Несомненно, на Гарашанина большое впечатление произвело то обстоятельство, что весьма влиятельные русские симпатизировали ему и старались показать свое несогласие с действиями русского правительства.

Если на протяжении многих лет отношение к России у Гарашанина менялось, то к Австрии он всегда относился резко отрицательно. Он был уверен, что она будет мешать любому прогрессу Сербии, поскольку на территории Габсбургской монархии живет много сербов и других славян, для которых процветающая Сербия станет центром притяжения.

Уже в самом начале Крымской войны Австрия оправдала самые худшие его ожидания. Гарашанин возмущался требованиями, предъявленными ею сербскому правительству, считал, что Сербия должна не уступать и бороться до конца, опираясь на Россию как на покровительствующую державу. Вместе с тем он опасался России, считая, что если она поглотит Сербию, для сербов ее власть будет хуже турецкой. Советы российского посла в Вене, поездку в июле 1853 г. Ф.П.Фонтона в Сербию Гарашанин воспринимал как желание России восстановить на сербском престоле Обреновичей¹⁷.

Колебания в отношении к России продолжались у Гарашанина вплоть до августа 1853 г., когда он, наконец, встретился с русским послом П.К.Мейендорфом и имел с ним несколько бесед. Описывая эти беседы в письмах Мариновичу, Гарашанин с удовлетворением отмечал доброжелательный тон посла и понимание им положения, в котором находилась Сербия. Мейендорф решительно осуждал попытки Обреновичей вызвать возмущение в княжестве, рекомендовал Сербии в сложившихся обстоятельствах сохранять внутренний мир и нейтралитет во внешней политике. Он заверял Гарашанина, что Россия не допустит никакого нападения на Сербию, если последняя будет следовать этим советам. Одновременно русский посол укорял Гарашанина за то, что сербское правительство более отличает консулов других держав, чем русского. "Вы, — продолжал он, — ни от кого не можете ожидать большего, чем от

России, которая уже столько раз дала доказательства своей благосклонности по отношению к Сербии". Гарашанин ответил, что другие консулы относились к сербскому правительству с уважением, в то время как российский только приказывал.

Мейендорф заявил Гарашанину, что считает его честным человеком и большим другом России и рекомендовал сербскому политику быть осторожнее с молодыми сербами, вернувшимися из Парижа. Во всех недоразумениях с Гарашаниным он обвинил консула в Белграде. По-видимому, мнения Блудова и Орлова — ближайших советников царя — оказали на него влияние. Иначе не объяснить то, что посол не только был доверителем с Гарашаниным, но даже как бы извинялся перед ним. Правила игры, намеченные во время встречи сербского политика с молодым Орловым — свалить все недоразумения на российское консульство в Белграде — Мейендорф полностью принял. Единственно, что не устраивало Гарашанина в беседах с высокопоставленным дипломатом, это заявление последнего о том, что Россия не позволит Сербии стать полностью независимой от Турции. Но в письме к Мариновичу от 20 августа 1853 г. Гарашанин все же выразил надежду, что русские изменят свою точку зрения на этот вопрос, если сербы будут действовать разумно¹⁸.

В начале июля 1853 г. Туманский умер. Русским консулом в Белграде был назначен Н.Я.Мухин, принадлежавший к тем русским дипломатам, которые сочувствовали новым взглядам на внешнюю политику России. Во всяком случае, А.Д.Блудова именно так охарактеризовала его в письме одному из своих белградских корреспондентов Протичу. "Человек истинно русский, — писала она ему 7 сентября 1853 г., — православный, умный, долго живший на Востоке и с холодной наружностью полный горячего чувства и сочувствия к славянам. Он готов во всем чистом и возможном помогать вам, господа, и он принадлежит к новой школе наших дипломатов, которые знают всю важность Восточного вопроса. Теперь от вас будут зависеть наши сношения, умеете ли принять с горячностью славянские чувства г-на Мухина, умеете ли с дружескою откровенностью пока-

зять ваше положение и желания"¹⁹.

Мухину удалось на первых порах наладить отношения с сербским правительством, с Гарашаниным. После начала Крымской войны в декабре 1853 г. по настоянию турецкого правительства он вынужден был покинуть Белград и перебраться в Земун, находившийся на территории Австрийской монархии. Но и там он не мог оставаться постоянно, а бывал наездами.

К Мухину приезжали сербские политики из Белграда. В этом отношении любопытна записка Мухина Блудовой от 6 мая 1854 г. "Симич мне писал, — отмечал он, — и прислал верного человека со мною поговорить кое о чем, Янкович, министр финансов, тоже президент сената прислал мне обер-секретаря сената; все они отчаиваются о своем отечестве с нынешним князем и готовы на все. Вучич был тоже у меня в самый день моего отъезда утром, он то же самое говорил". Как можно видеть, с Мухиным имели сношения первые люди княжества, начиная от главы правительства Алексы Симича и кончая вечным оппозиционером Т.Вучичем. В числе тех, кто пытался встретиться с российским консулом, Мухин называл и Гарашанина. "Гарашанин был в Землине (серб. Земун. — И.Ч.), — продолжал Мухин, — в день моего приезда и велел мне сказать, что он в двух гостиницах меня искал, но не отыскавши, полагал, что я еще не приехал (он был предупрежден из Вены, что я буду), а теперь боится два дня сряду приезжать в Землин, чтобы не возбудить подозрение. Говорят, он хитрит, и иные думают, что он, кажется, работает на себя, но ошибается: в Сербии не может быть князем кроме Обреновичей или Георгиевичей никто другой, разве из царственного дома"²⁰. Любопытны как отношение Мухина к Гарашанину — не вполне еще доверительное, так и сообщаемый им слух о желании Гарашанина стать князем Сербии. Как можно видеть, этот слух был распространен уже весной 1854 года.

В июне 1854 г. Гарашанин написал Мариновичу, что больше никаких отношений с Россией, ни тайных, ни явных, у сербов нет. Об этом он прямо заявил французскому консулу Сегюру, интересовавшемуся этим вопросом²¹.

Во время Крымской войны Гарашанин и Маринович выступили последовательными сторонниками нейтралитета Сербии. Их позиция в этом вопросе не расходилась с позицией русского правительства.

Крымская война сильно пошатнула надежды Гарашанина на Францию и другие западные страны. Уже в июле 1854 г. он писал Мариновичу о своем возмущении политикой западных держав, подчеркивая, что он им больше не верит. Причиной возмущения Гарашанина послужил разговор Мариновича с английским послом и секретарем французского посольства в Вене. Маринович просил их посодействовать тому, чтобы Австрия не вводила свои войска в Сербию и в ответ услышал, что они не против этого ввода, ибо австрийцы сумеют навести в Сербии порядок. Еще через два года Гарашанин вынужден был признать, что когда Сербия находилась под покровительством России, дела в ней не доходили до такого хаоса. В письме к Мариновичу от 25 июля 1857 г. Гарашанин с горечью замечал, что Англия и Франция стоят за сохранение Турции, а это означает гибель для христианских народов²².

Таким образом, поведение Франции по отношению к Сербии во время Крымской войны показало Гарашанину, что она не желает способствовать созданию независимой сильной Сербии. И по мере уменьшения надежд Гарашанина на Францию увеличивался его интерес к России.

Гарашанин, всегда поддерживавший князя Александра Карагеоргиевича, после Крымской войны охладил к нему. И когда в конце 1856 г. отношения между князем и членами Совета обострились, он встал на сторону советников. В 1857 г. в Сербии возник заговор членов Совета во главе с его председателем Стефаном Стефановичем Тенкой. Целью заговора являлось свержение князя. Вопрос о том, кого же советники желали поставить на место князя, не выяснен до конца. Так, один из видных сербских политиков второй половины XIX в. Йован Ристич считал, что заговорщики думали сделать князем иностранного принца, а современный югославский историк С. Гав-

рилович убежден, что предполагалось призвать на престол Милоша Обреновича²³. В заговоре принял участие и Гарашанин. Хотя на суде над заговорщиками его имя не было упомянуто, М.Ф.Раевский был уверен, что именно он являлся одним из главных действующих лиц заговора. "Князь был каштаном, - писал Раевский, - Тенька и его сообщники мартышками, а дельцами-то были Вучич и Гарашанин"²⁴. На справедливость мнения русского священника указывал тот факт, что накануне разгрома заговора, когда неудача его уже была предрешена, Гарашанин спешно уехал в Париж.

До своего отъезда Гарашанин имел тесные сношения с новым русским консулом Милошевичем, жена которого, Екатерина Ивановна, регулярно сообщала графине Блудовой о событиях в столице княжества. 27 ноября 1857 г. она рассказала о положении в Сербии после раскрытия заговора советников. "Я говорила Вам, - писала Екатерина Ивановна, - что у нас всякий вечер играют в карты... Из советников играет один Гарашанин, а другие играющие были французский консул и разные молодые люди французской партии". Сообщив об отъезде Гарашанина во Францию, Екатерина Ивановна добавляла: "Мы жили с Гарашаниным до его отъезда в Париж в большой дружбе, он еще не возвращался по случаю этих происшествий, ибо замешан в эту историю". Екатерина Ивановна характеризовала Гарашанина как серьезного и умного человека²⁵.

По-видимому, князь Александр хотел если не наказать, то по крайней мере отстранить от власти Гарашанина и Вучича. Однако вмешательство турецкого представителя в Белграде при поддержке французского и русского консулов вынудило его отказаться от своего намерения. Весной 1858 г. Гарашанин получил должность министра внутренних дел, а Вучич стал председателем Совета вместо Тенки.

Гарашанин сразу же развернул бурную деятельность по созыву скупщины. Цель ее была та же, что и у заговорщиков - свержение князя Александра. Хотя против созыва скупщины выступил князь, поддержанный Портой и австрийским кон-

сулом, Гарашанину и его сторонникам удалось добиться своего. В этом им помогла твердая позиция, занятая французскими и русскими дипломатами, которые неизменно принимали сторону противников князя.

28 октября 1858 г. был издан первый в истории Сербии закон о скупшине, 15 ноября были проведены выборы депутатов, а 30 ноября, в день Андрея Первозванного, открылась скупщина, получившая наименование Святоандреєвской. Среди депутатов явно преобладали противники Александра Карагеоргиевича. Но относительно дальнейшей судьбы княжеского престола среди них не было единства. Большинство выступало за восстановление на нем Милоша Обреновича. Однако часть депутатов, представлявшая сербских либералов и чиновничество, отдавала предпочтение И. Гарашанину. Так, Е. Груич, лидер либералов на Святоандреєвской скупшине, писал: "Как раз Гарашанин был именно таким, каким нам нужен был князь: его мудрость, его сильная воля, его честный род, его два достойных сына — было все, что требуют и настоящее, и будущее"²⁶.

Активно поддерживал кандидатуру Гарашанина французский консул Дезесар. Кандидатура Гарашанина импонировала и некоторым русским политикам. Еще в марте 1858 г. графиня Блудова писала Раевскому: "Гарашанин, хотя и обиженный князем Меншиковым, старается и желает сблизиться с Россией. Он человек умный и знает, как сильно влечение народа к России. Он видит, что одна Франция не станет слишком хлопотать о славянах и что тогда самые близкие соседи — австрийцы будут опять душить сербов. Поэтому он с искренностью, весьма эгоистической и, следовательно, надежной, желает помириться с русскими и видеть в доброжелательстве России самый верный залог своего собственного возвышения, в то же время как в союзе обеих держав — наибольшая надежда на возрождение своего отечества"²⁷. Блудова видела в поддержке Гарашанина возможность не только упрочения русского влияния в Сербии, но более тесного сближения России с Францией.

Святоандреєвская скупщина низложила Александра Карагеоргиевича, новым князем был избран Милош Обренович. Од-

нако Гарашанин продолжал оставаться одним из самых влиятельных политиков Сербии. Особенно усилились его позиции после прихода к власти в 1860 г. Михаила Обреновича. Новый князь во внешней политике повел курс на окончательное освобождение Сербии от власти Османской империи, на объединение вокруг княжества всех сербских земель, находившихся под турецким гнетом. Гарашанин, который всю жизнь пытался добиться той же цели, стал ближайшим сподвижником Михаила. Будучи сербским патриотом и человеком трезвого практического ума, опираясь на свой двадцатилетний политический опыт, Гарашанин пришел к пониманию того, что в осуществлении своих планов он не может рассчитывать на западные державы, в том числе и на Францию, поскольку они не заинтересованы в гибели Османской империи. Наоборот, русские дипломатические круги, выдвинувшиеся на первый план после поражения России в Крымской войне, возбуждали у него все большие надежды на возможность договориться с ними и заручиться их поддержкой в осуществлении своих заветных проектов. Во второй половине 50-х годов Гарашанин стал пытаться найти пути сотрудничества с Россией и уже в 60-е годы он возглавил прорусскую партию в Сербии²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н и к и ф о р о в К. В. Деятельность российской дипломатии в Сербском княжестве после прихода к власти уставообранителей // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX в. и Россия. М., 1992. Ч.П. С.35.
2. Там же. С.38,39.
3. Там же. С.45.
4. П о п о в Н. А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 гг. М., 1869. Т.П. С.346-350.
5. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф.1274. Д.2423а. Л.81,93; АВПРИ. Ф.Личный архив М.Ф.Равского. Д.175. Л.1,2.
6. РО ИРЛИ (Рукописный отдел Института русской литературы). 22. 398. Л.1-7.
7. РГАДА. Ф.1274. Д.2171. Л.112 об.
8. РО ИРЛИ. 22. 398. Л.9.
9. Југословени и Русија. Београд, 1989. Т.П. Кн.1. С.94
10. Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Београд. 1931. Кн.1. С.58,63.

11. Там же. С.71.
12. Там же. С.72-73.
13. Там же. С.78-82.
14. Там же. С.89.
15. Там же. С.94.
16. Там же. С.108.
17. Там же. С.110-118.
18. Там же. С.119-156.
19. РО ИРЛИ. 22. 398. Л.30.
20. РО ИРЛИ. 22. 399. Л.2, 2об.
21. Письма Илије Гарашанина... С.195-198.
22. Там же. С.215, 301, 335.
23. Р и с т и њ Ј. Спољашњ и одношаји Србије новиј-
ега времена. 1848-1860. Београд, 1887. Књ .I. С.250; Ист-
торија Српског народа. Од првог устанка до Берлинског кон-
греса. 1804-1878. Београд, 1981. Т. I. Књ .У. С.282.
24. РГАДА. Ф.1274. Д.2423-а. Л.116-117.
25. РГАДА. Ф.1274. Д.2171. Л.131-134.
26. Ј о в а н о в и њ С. Уставобранитељ и и њ ихо-
ва влада. Београд, 1933. С.397.
27. Зарубежне славјне и Россия. М., 1975. С.59.
28. Ј о в а н о в и њ С. Друга влада Милоша и Ми-
хаила. Београд, 1923. С.219.

Е.К.Вяземская

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ
РОССИИ В 50-70-х ГОДАХ XIX в.

Начало Восточному кризису 70-х годов XIX в. положили восстания в Герцеговине, а затем в Боснии, вспыхнувшие летом 1875 г. Кризис, постепенно расширяясь, вовлек в свою орбиту ряд крупнейших европейских государств. Одним из центральных аспектов всей дипломатической истории 1875-1878 гг. является эволюция русско-австрийских отношений, оказавшая значительное влияние на ход событий. В последнее время появилось немало исследований английских, австрийских, венгерских, российских историков по проблемам политики России и Австро-Венгрии.

Балканская политика дуалистической монархии на протяжении XIX в. претерпела серьезные изменения. Незыблемым оставался лишь внешнеполитический принцип не допустить образования объединенного или федеративного югославянского государства, которое могло бы оказывать "притягивающее и разлагающее действие на однородные провинции Транслейтании"¹.

Австрия в течение долгого времени вынашивала планы включения Боснии и Герцеговины в состав монархии Габсбургов. Она пыталась решить этот вопрос в войнах с Турцией, но без видимого успеха. В 1857 г. фельдмаршал Радецкий и адмирал Тегетгофф решительно заявили о необходимости присоединения Боснии и Герцеговины, имея в виду стратегические интересы Австрии, т.е. обеспечение безопасности адриатических владений — Истрии и Далмации. (Они называли также в качестве объектов возможной экспансии Сербию, Албанию, Западную Македонию). Для австрийских военных кругов присоединение Боснии и Герцеговины имело не только важное оборонительное значение, но и решало вопрос об обеспечении стратегических возможностей для наступательных дейст-

вий на Балканском полуострове. Во второй половине 60-х годов XIX в. в австрийских придворных кругах стали обсуждаться планы военной и дипломатической подготовки аннексии этих земель. Так, в декабре 1866 - январе 1867 г. австрийский посол в Петербурге Ревертера предложил канцлеру Горчакову сделку - в обмен на присоединение к Австрийской монархии Боснии и Герцеговины предоставить свободу действий в устье Дуная, но получил решительный отказ².

В исторической литературе существуют различные мнения относительно балканской политики министра иностранных дел Австро-Венгрии Андраши, и в частности в отношении Боснии и Герцеговины. Представляется, что еще до начала Восточного кризиса он, оставаясь венгерским националистом, верным традициям венгерских либералов и принципу сохранения статус-кво на Балканах (хотя в 1867 - 1868 гг. он выдвинул неожиданный проект передачи Боснии и Герцеговины Сербии с целью подчинить своему влиянию последнюю, но быстро отказался от этой идеи), был вынужден учесть в своей внешнеполитической деятельности позицию военных и придворных кругов, ратовавших за расширение границ Габсбургской империи.

Но в вопросе о сроках осуществления аннексионистских замыслов в отношении Боснии и Герцеговины он придерживался особого мнения, считая возможным осуществить эту задачу лишь в случае крушения Османской империи и возникновении непосредственной угрозы создания крупного южнославянского государства. Кроме того, Андраши предполагал, что подобная опасность заставит изменить антианнексионистские настроения австрийских промышленников и венгерских помещиков. После создания "Союза трех императоров" австро-венгерский министр иностранных дел стремился действовать в его рамках и не рисковать раньше времени разрывом с Петербургом, хотя идея военной конфронтации с Россией занимала важное место в его внешнеполитической концепции.

Вопрос о необходимости территориальных приобретений на

Балканах был предрешен во время сверхсекретного заседания Коронного совета с участием австрийского императора Франца-Иосифа, Андраши, эрцгерцога Альбрехта, некоторых высших военных чинов 29 января 1875 г., т.е. еще за полгода до начала Восточного кризиса. Характерно, что в детали обсуждавшихся вопросов не были посвящены даже главы австрийского и венгерского правительств. Протокол этого совещания был опубликован в 1933 г. югославским историком М. Вукчевичем, но долгое время находился вне поля зрения историков, изучавших данный вопрос. На совещании были определены направления балканской политики Австро-Венгрии и поставлена цель присоединения Боснии и Герцеговины, чтобы предотвратить создание крупного славянского государства. Правда, Андраши в отличие от военных кругов был против немедленной реализации поставленной задачи и соотносил ее с распадом Османской империи. В ходе совещания, как явствует из протокола, речь шла о землях Боснии, Герцеговины. Говорилось также о возможных незначительных прирезках их территорий к Сербии и Черногории. Точные границы желаемых приобретений Австро-Венгрии не были определены, так как "пока не имело смысла делить шкуру неубитого медведя"³. Так в начале 1875 г. был разработан план действий австро-венгерской дипломатии на случай возникновения конфликтов на Балканском полуострове.

Усиливавшееся национально-освободительное движение балканских народов оказывало влияние и на внешнюю политику России. В Петербурге ясно осознавали необходимость считаться с программами южнославянских национальных деятелей. Стремление царского правительства укрепить свои позиции и влияние на Балканах, пошатнувшиеся после Крымской кампании, заставляло российскую дипломатию оказывать поддержку освободительным устремлениям подданных султана. Но вместе с тем официальная Россия опасалась всеобщего революционного взрыва на Балканах, который мог бы сыграть определенную роль в усилении революционных настроений в России. Достижение договоренности о предоставлении независимости или автономии подвластным Османской империи народам, т.е. ос-

вобождение "сверху", могло стать средством предотвращения развития революционного пожара⁴.

Таким образом, балканская политика России формировалась при объективном совпадении интересов царского правительства с задачами национально-освободительного движения балканских народов. Сложное международное положение, в котором оказалась Россия после Крымской войны, не позволяло ей действовать самостоятельно и заставляло в первую очередь считаться с позицией Австро-Венгрии и Германии. Развитие балканской линии во внешней политике России проходило в условиях острого противоборства со своим "союзником" (по "Союзу трех императоров" с 1873 г.) - дуалистической монархией. Вопрос о двух провинциях Османской империи - Боснии и Герцеговине - в 1875-1876 гг. занимал важное место в отношениях между венским и российским дворами. С самого начала боснийско-герцеговинских событий четко выявилась линия России на решение вопроса путем удовлетворения требований восставших и предоставления широкой автономии Боснии и Герцеговине по образцу Румынии или Сербии.

Уже в конце июля 1875 г. российский канцлер А.М.Горчаков начал переговоры с Веней о выступлении "не коллективном, но однообразном" перед Портой и повстанцами. Тогда же была достигнута договоренность придерживаться принципа невмешательства, который по требованию австро-венгерского министра иностранных дел Андраши должен был сохраняться в тайне. Горчаков рассматривал вмешательство как крайнюю меру, но в случае, если бы "христиане Боснии и Герцеговины потерпели поражение и оказались во власти произвола турок", канцлер "не считал бы возможным придерживаться принципа невмешательства. ... Без сомнения, в подобном случае Россия не может быть последней в исполнении этого долга гуманности"⁵.

Размах повстанческого движения заставил Андраши признать необходимость оказания давления на Порту. К этому его также толкала боязнь потерять инициативу и уступить лидер-

ство Горчакову. 30 декабря 1875 г. появилась нота Андраши, представленная Порте от имени России, Австро-Венгрии и Германии. Державы предлагали: ввести полную свободу вероисповедания для христиан, ликвидировать откупную систему взимания податей, улучшить положение сельского населения, расходовать взимаемые с населения Боснии и Герцеговины прямые налоги только на нужды этих областей, создать специальную комиссию, состоящую равно из христиан и мусульман для наблюдения за ходом реформ. Но ограниченность предложений, сохранившихся в ноте, предопределила ее провал.

Весной 1876 г. активизировались боевые действия повстанцев. В марте 1876 г. как в Константинополе, так и в Вене были предприняты попытки договориться с черногорским князем Николаем и с его помощью нормализовать положение в Герцеговине. Следствием черногоро-турецких и черногоро-австрийских переговоров стала встреча руководителей восстания с наместником Далмации генералом Родичем в Суторине, на которой последний огласил предложения Андраши об условиях прекращения восстания. В ответ на зачитанный Родичем проект реформ, практически повторявший пункты ноты Андраши, герцеговинские вожди передали Родичу меморандум с изложением своих требований. Примеру герцеговинцев последовали и представители боснийских повстанцев. Ограниченность австро-венгерской программы, отсутствие в ней гарантий осуществления предполагаемых реформ вызвали негативную реакцию в повстанческой среде. Требования герцеговинских и боснийских руководителей по своему содержанию намного превосходили условия австро-венгерской программы и по сути предполагали введение автономного управления в Боснии и Герцеговине. Встреча в Суторине повлекла за собой усиление дипломатической борьбы, новый виток которой характеризовался в первую очередь обострением русско-австрийских отношений.

Весной 1876 г. в Петербурге ясно осознали, что в русско-австрийских отношениях много уязвимых мест. У Горчакова начали возникать сомнения в искренности своего венского партнера, но отклоняться от взятого курса на совместные дейст-

вия с Австро-Венгрией Горчаков не хотел, и более того, не видел иного способа решения поставленного на повестку дня боснийско-герцеговинского вопроса. В определении позиции главы российского внешнеполитического ведомства относительно Австро-Венгрии большое значение имели, с одной стороны, уже выработанный с момента создания "Союза трех императоров" стереотип решения внешнеполитических балканских проблем, и с другой, — вполне обоснованное опасение, что изолированные действия российской дипломатии чреватy серьезными последствиями.

Безрезультатность дипломатических шагов австро-венгерского министра иностранных дел вызвала серьезную озабоченность в австрийских и венгерских общественно-политических кругах. В мемуарах графа А.Апшони содержится свидетельство, "что вся венгерская оппозиция направила свои силы против внешней политики Андраши и бесспорно увлекла за собой большую часть общественности..., которая видела в этой политике только сближение с Россией..., и так она не поняла Андраши"⁶.

В этих условиях в ответ на предложение Горчакова о встрече министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии I (13) апреля в Петербург пришло сообщение от Андраши, что он принимает приглашение Александра II встретиться в Берлине⁷. В течение весны в Петербурге, после неудачного европейского демарша (ноты Андраши), вновь возобладала точка зрения, что единственно возможным и наиболее эффективным средством решения вопроса было предоставление широких автономных прав восставшим провинциям Османской империи⁸. Но Андраши решительно воспротивился этому. В отношении требований, выдвинутых повстанцами в Суторине, он заявил, "что венский кабинет считает... их недопустимыми"⁹.

Разногласия с Россией, возникновение вновь идеи автономии Боснии и Герцеговины, активным противником которой был Андраши, ставили последнего в трудное положение. Он считал неосуществимой даже административную автономию для этих провинций. Против этого, по его мнению, была "недос-

таточная зрелость (политическая. — Е.В.) населения и религиозная рознь"¹⁰. Разрыв с Россией на данном этапе не укладывался в его внешнеполитическую концепцию. Он предпринял попытку исправить впечатление, которое произвело в Петербурге его заявление о требованиях восставших, уточнив, что оно "ничего не значит", и выразил готовность поддерживать некоторые из них¹¹.

Основные же выводы Горчакова после обсуждения в МЦД сложившейся ситуации накануне встречи в Берлине были следующие: в любом случае условия руководителей восстания достойны обсуждения; необходимо добиться от Порты перемирия и начала прямых переговоров с представителями Герцеговины; большинство этих условий пригодны для соглашения, которое удовлетворяло бы обе стороны; главное не только провозгласить реформы, но и гарантировать их осуществление; сущность вопроса и одновременно главная трудность — в контроле и гарантиях извне, требуемых руководителями восставших и отвергаемых Портой¹².

Следует отметить, что весной 1876 г. в Петербурге считали возможным предоставление балканским народам не только автономии, но и независимости, однако только в случае падения Османской империи. В одной из записок МЦД говорилось: "Если Порта должна пасть под грузом своих собственных ошибок, тогда необходимо способствовать и помогать свободному развитию христианских национальностей по пути к политической независимости, — каждая в своих географических пределах и в соответствии со своими естественными свойствами"¹³.

На Берлинскую встречу российский канцлер привез проект меморандума, главной идеей которого было обеспечение гарантий умиротворения на базе требований восставших и введение автономного устройства. Но австро-венгерский министр признал его "абсолютно неприемлемым"¹⁴. Непримиримая позиция Андраши, угроза разрыва с Австро-Венгрией и распада "Союза трех императоров" заставили Горчакова пойти на уступки.

Сообщая в Вену об итогах первых переговоров с Горчако-

вым и Бисмарком, Андраши особо подчеркнул, что в разговоре с Горчаковым о планах в случае распада Османской империи заставил последнего согласиться на аннексию Австро-Венгрией Турецкой Хорватии (Боснийской Краины). Характерна последняя фраза в донесении Андраши, отражающая позицию австро-венгерского министра, — "вполне достаточно для начала"¹⁵ (выделено автором).

Проект, подготовленный Горчаковым, был полностью отвергнут Андраши. В результате появился меморандум России, Германии и Австро-Венгрии по балканским делам, известный в истории как Берлинский меморандум¹⁶, по сути своей представлявший модификацию ноты Андраши от 18(30) декабря 1875 г. с дополнениями, не имевшими принципиального значения. Его автором фактически стал Андраши. Однако позиция Горчакова наложила отпечаток на окончательный вариант этого дипломатического документа. В его предваряющей части, хотя и в общей форме, проводится мысль о необходимости гарантий исполнения Портой своих обещаний, а также о целесообразности давления на правительство султана, "чтобы побудить его серьезно приступить к выполнению принятых на себя по отношению к Европе обязательств". Но отказ Англии присоединиться к меморандуму и правительственный переворот в Константинополе окончательно свели на нет усилия российской дипломатии.

В июне 1876 г. Горчаков еще раз выдвинул свое предложение — "автономия вассальная и трибутарная" по образцу Сербии и Румынии для Боснии и Герцеговины¹⁷. "Мы всегда рассматривали, — писал Горчаков Новикову в Вену 12 июня, — декабрьские и берлинские предложения как минимум уступок, которые предстоит сделать Боснии и Герцеговине. Мы согласились с этими основами, предложенными Андраши, с тем, чтобы констатировать в глазах трех остальных держав наше полное согласие в малейших нюансах. Мы не сомневаемся в том, что они будут отвергнуты Портой и восставшими, последними в виду перспективы скорого вступления в борьбу Сербии и Черногории, Портой — в виду позиции Англии и по-

ощрений Эллиота... Достоинство пяти великих держав не позволяет им в случае отказа (Порты. - Е.В.) хранить молчание и сидеть сложа руки"¹⁸.

Вступление Сербии, а затем Черногории в конце июня - начале июля 1876 г. в войну против Турции способствовало дальнейшему углублению международного кризиса на Балканах. Начало военных действий серьезно обеспокоило правящие круги Австро-Венгрии и России. Намечавшаяся весной 1876 г. явная тенденция к ухудшению русско-австрийских отношений, в начале лета дала о себе знать с еще большей силой, а отказ Андраши от вновь выдвинутых Горчаковым предложений об автономии Боснии и Герцеговины привел к очередному их спаду. Вместе с тем и Андраши, и Горчаков отчетливо представляли опасные последствия развития этой линии. В России понимали, что дальнейшее охлаждение отношений с Веней могло грозить англо-австрийско-турецким блокированием времен Крымской войны. Придавая по-прежнему большое значение согласованности действий российского и австрийского дворов, Горчаков считал, что встреча в чешском замке Рейхштадт была бы реальной возможностью внести ясность в отношения между ними. Идея о встрече императоров нашла положительный отклик и в Вене.

Встреча, на которой присутствовали Франц-Иосиф, Андраши с австрийской стороны и Александр II, А.М.Горчаков и Г.П.Новиков - с русской, состоялась 26 июня (8 июля) 1876 г.

Хорошо известно, что переговоры в Рейхштадте не завершились подписанием соглашения. Была достигнута лишь устная договоренность. Но позднее каждая из сторон составила собственный вариант записи результатов встречи¹⁹. В основу всех пунктов, обсуждавшихся в Рейхштадте, по настоянию Андраши лег все тот же принцип австро-венгерской внешней политики - не допустить образования большого славянского государства по соседству с монархией Габсбургов. Поэтому в обеих записях результатов переговоров отмечено, что договаривавшиеся державы не должны в случае победы хри-

стиан способствовать образованию большой государственной единицы славян. Вопрос о Боснии и Герцеговине в случае поражения турок предполагалось решить следующим образом: Черногория получала возможность присоединить Герцеговину (по австрийской версии — часть прилегающих к Черногории герцеговинских земель), а также порт на Адриатическом побережье. Сербия — некоторые части Старой Сербии и Боснии. По русской записи, в этом же случае Австро-Венгрия получала право на аннексию Турецкой Хорватии (Боснийской Краины) и части Боснии, а по австрийской — частей Боснии и Герцеговины. В случае же победы османов договаривавшиеся стороны могли бы потребовать от Порты введения такого устройства для Боснии и Герцеговины, которое предполагалось в ноте Андраши от 30 декабря 1875 г. и Берлинском меморандуме²⁰.

Следует отметить, что каждый из вариантов оставался известен соответственно только русской или австрийской стороне вплоть до осени 1876 г., когда встал вопрос о заключении австро-русской конвенции. В ходе встречи Андраши пообещал Горчакову представить позднее подробную карту Боснии с указанием территорий, на которые претендует Австро-Венгрия²¹. Но эта карта так и не была направлена в Петербург. "...И с тех пор, — писал Горчаков, — в сообщениях, сделанных нам, мы обнаружили признаки желания сохранить некоторую неясность по этому пункту, за которой, по-видимому, скрывалось желание распространить австрийские притязания на более обширную часть Боснии"²².

Так или иначе в ходе встречи Андраши вновь официально поставил вопрос о желательных для Австро-Венгрии территориальных приобретениях на Балканском полуострове. Ответить однозначно на вопрос, получил ли Андраши в Рейхштадте право на аннексию и Боснии, и Герцеговины, представляется весьма сложным. Думается, что к моменту встречи в Рейхштадте у Андраши созрела мысль о необходимости присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. На позицию австро-венгерского министра в плане увеличения territori-

альных претензий не могло не повлиять развитие событий на Балканском полуострове в конце июня 1876 г. Известие об объявлении Сербией и Черногорией войны Турции с воодушевлением было воспринято восставшими в Боснии и Герцеговине. Герцеговинцы провозгласили объединение с Черногорией, а князя Николая — своим правителем. Вслед за этим было обнародовано "Заявление народа боснийского" о присоединении к Сербии. Естественно, такое волеизъявление боснийских и герцеговинских повстанцев вызвало крайнее раздражение у Андраши, который попытался использовать католическое духовенство в этих провинциях с целью оказать противодействие таким тенденциям²³.

В то же время на возникновении разночтений в австрийской и русской записях могло сказаться то обстоятельство, что Андраши, как правило, обозначал термином "Босния" Боснию и Герцеговину. (Во второй половине XIX в. Босния и Герцеговина составляли единый Боснийский вилайет). Австро-венгерский министр в переписке со своими дипломатами, в частности с послом в Константинополе Зичи, постоянно употреблял название "Босния", подразумевая обе территории. Многие политические деятели того периода, например, английский министр иностранных дел Дерби, также включали в географическое понятие "Босния" Герцеговину²⁴.

Горчаков, реально оценивая сложную международную обстановку, предвидя дальнейшее обострение балканского кризиса, возможность русско-турецкой войны (а в тех условиях для России было небезразлично, какую позицию займет Австро-Венгрия), а также угрозу создания антирусской коалиции европейских держав, был вынужден согласиться с притязаниями Австро-Венгрии, как он считал, только на Боснию.

Таким образом, в Рейхштадте была намечена цена австрийского нейтралитета. Вместе с тем напряженность в русско-австрийских отношениях встреча в Рейхштадте не устранила, и тем самым сохранялась опасность военного столкновения. В этом отдавали себе отчет и в Вене, и в Петербурге.

В Вене ожидали, что прежде всего Берлин поддержит пла-

ны Австро-Венгрии в отношении Боснии и Герцеговины. Уже в середине сентября Андраши довел до сведения германского посла секретные пункты рейхштадтской встречи, не преминув при этом сообщить, что только удовлетворяя желание русской стороны, умалчивал о них до сих пор²⁵. В тот момент Андраши втайне еще надеялся на возможность сохранения статус-кво, но, предвидя осложнения, считал нелишним обеспечить благосклонность Бисмарка. Миссия австрийского барона Мюнха в Берлине в этом вопросе увенчалась успехом. "Железный канцлер" признал безоговорочное право Австро-Венгрии ввести свои войска в Боснию и Герцеговину. Одновременно он сообщил в Петербург, что Россия совершит хорошую сделку, если купит нейтралитет Австро-Венгрии, уступив ей Боснию. В то же время Бисмарк дал понять Мюнху, что не стоит надеяться на военную поддержку Германии в случае войны Австро-Венгрии с Россией, заявив при этом, что не одобряет войну и хотел бы сохранить обоих союзников²⁶.

Подобный расклад ставил Андраши перед необходимостью заключения австрийско-русского соглашения. Осенью 1876 г. между Веной и Петербургом началась активная дипломатическая переписка по этому поводу. Предполагалось также австрийско-русское вмешательство в Восточный кризис, но Франц-Иосиф и Андраши настаивали на том, чтобы оно имело вид не совместной, а параллельной деятельности двух империй, хотя и основанной на предварительно заключенной конвенции. В случае же начала военных действий России против Турции Австро-Венгрия заняла бы Боснию и Герцеговину, "чтобы уже не оставить их, но не провозгласив этого заранее и не объявив войны Турции. Она вмешается под предлогом предотвращения анархии в приграничных турецких владениях, администрация которых не способна восстановить порядок"²⁷. Таким образом, Андраши полностью отвергал идею временной оккупации Боснии и Герцеговины, мотивируя это тем, что с выводом австро-венгерских войск удвоилась бы жестокость турок по отношению к христианам, а также желанием "оградить свои территории от анархического влияния"²⁸. Это, по мнению

Андраши, "не будет войной..., а лишь оккупацией залога с тайной мыслью более не возвращать его". Он считал необходимым избежать всякой видимости действий в союзе с Россией и вступить в борьбу лишь "под давлением внешних событий, как бы обратившись к крайнему неизбежному средству"²⁹.

Россия, поставленная Австро-Венгрией в трудное положение в вопросе о Боснии и Герцеговине и вынужденная такой ценой обеспечить ее нейтралитет в случае войны с Османской империей, тем не менее в этот период не оставляла надежды осуществить свои автономистские идеи в отношении балканских провинций Османской империи. В начале осени 1876 г. после предварительных обсуждений с Петербургом появился английский проект введения административной автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Российские дипломаты, и в первую очередь Н.П.Игнатьев, приложили немало усилий для расширения ограниченных положений этого проекта. Вопрос об автономиях особенно остро был поставлен русской стороной на Константинопольской конференции в декабре 1876 г.

13 ноября 1876 г. состоялось еще одно секретное совещание в правящих верхах Австро-Венгрии. Его итоги свидетельствовали о том, что принятый в январе 1875 г. план оккупации Боснии и Герцеговины "перешел в число практически решаемых дел"³⁰. Альтернатива "оккупация или сохранение статус-кво" прекратила свое существование и свелась к однозначному решению. На совещании был поднят вопрос о сроках оккупации и затронуты военно-политические аспекты. Принималась во внимание возможность военного столкновения с Россией и с этой точки зрения обсуждался вопрос о сокращении числа дивизий, которым поручалось проведение оккупации. В результате число дивизий было сокращено с пяти до трех, а оставшиеся две были предназначены для возможной стратегической мобилизации против России.

Таким образом, осенью 1876 г. в Вене окончательно был решен вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины, и, кроме того,

предпринимались меры, чтобы в случае военного конфликта с Россией защитить балканские интересы Австро-Венгрии³¹.

2 ноября 1876 г. Горчаков направил инструкции российскому послу в Вене Е.П.Новикову начать переговоры с Андраши о заключении русско-австрийской конвенции³², целью которой являлось обеспечение "благожелательного" для России нейтралитета Австро-Венгрии в случае эвентуального русско-турецкого военного конфликта, а осенью 1876 г. неизбежность такового стала очевидной. В ходе предварительных бесед Андраши и Новикова выяснилось, что Австро-Венгрия будет требовать включения Сербии и Черногории в нейтральную зону, права сделать Боснию и Герцеговину областью исключительно австрийского влияния, а также будет выступать против присоединения военных сил сербов и черногорцев к русским войскам в период военной кампании. Эти требования, по определению Новикова, являлись "предосторожностями против нас (России. - Е.В.) и границами, поставленными нашему распространению"³³. Главной целью России в войне с Турцией, с точки зрения Андраши, должно быть "установление на Балканском полуострове порядка вещей, обусловленного в Рейхштадте и, главным образом, создание болгарской автономии"³⁴. Притязания Андраши заставляли Горчакова предполагать, что австро-венгерский министр хотел бы придать "нейтралитету" своей страны тот же характер, что и в период Крымской войны. Одну из своих задач российские дипломаты в Вене видели в том, чтобы "Вена не приняла по отношению к другим державам обязательств, которые так или иначе могли бы нанести ущерб желаемой австро-русской конвенции"³⁵.

Непреклонность позиции Андраши объяснялась, сообщил Новиков в Петербург, во-первых, "уверенностью в том, что для вступления в Турцию нам необходимо прикрытие со стороны Австрии и поэтому мы спешим заключить с ней соглашение". Другая причина крылась в определенной уверенности в снисходительности Европы в отношении возможного овладения Боснией и Герцеговиной австрийскими войсками. Подтвержде-

нием этого являлась позиция Германии, уже фактически предоставившей Австро-Венгрии свободу действий. Бисмарк с удовольствием продолжал бы наблюдать, как с овладением Боснией и Герцеговиной "центр тяжести монархии перемещается к Востоку". Андраши предполагал также, что кабинет Дизраэли, отрицавший идею вступления русских войск в Болгарию, в отношении австрийской оккупации провинций останется безразличным. Кроме того, обнадеживающими были слова турецкого посла в Вене, что "Порта смирится с потерей одной провинции при том условии, что сможет ценой этой жертвы спасти остальное"³⁶.

В переговорах с Новиковым Андраши категорически отверг предложение о включении Герцеговины в нейтральную зону, заявив, что "аннексия большей части этой провинции в пользу Австрии была оговорена в Рейхштадте". Но на донесении Новикова по этому вопросу сохранилась характерная помета Александра II: "Нет, речь шла только о части Боснии"³⁷.

Правящие круги Австро-Венгрии в надежде на ослабление России всячески подталкивали ее на войну с Турцией. В Вене все более крепло убеждение, что русско-турецкая война принесет немало выгод дуалистической монархии. Попытки царских дипломатов достичь какого-либо позитивного результата на Константинопольской конференции (где Н.П.Игнатьев защищал проекты автономии для балканских провинций Османской империи) наталкивались на прямое или скрытое противодействие австрийских коллег - Зичи и Каличе.

15 января 1877 г. в Будапеште была наконец подписана секретная австрийско-русская конвенция. В период предварительных обсуждений Е.П.Новиков составил первоначальный вариант и передал его на рассмотрение Андраши. В ответ Андраши предложил свой проект³⁸, текст которого почти полностью совпадал с текстом подписанного в Будапеште документа. (Разночтение имелось лишь в статье VIII. У Андраши: "Высоко договаривающиеся стороны взаимно обязуются не распространять своих военных операций: е.в. император австрийский ... на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию", а в

концепции — "... на Румынию, Сербию, Черногорию"³⁹).

Проекты же Андраши и Новикова отличались друг от друга гораздо в большей степени. И эти различия обнаруживались в первую очередь в пунктах, касавшихся Боснии и Герцеговины. Характерно, что зная уже о серьезных претензиях Андраши не только на Боснию, но и на Герцеговину, Новиков не включил в свой проект конвенции в соответствующий пункт Герцеговину. Статья IX текста Новикова, аналогичная статье VIII Андраши, также отличается в трактовке вопроса о Боснии и Герцеговине. Если у Новикова "... договаривающиеся стороны взаимно обязуются не распространять оферы своего влияния: е.в. император австрийский — на Румынию, Сербию, Черногорию, е.в. император всероссийский — на Боснию...", то у Андраши "... император всероссийский — на Боснию, Герцеговину, Сербию, Черногорию". Все это свидетельствует о том, что Новиков, принимая во внимание всю сложность международной обстановки и углубление русско-австрийских противоречий, в том числе и по вопросу о Боснии Герцеговине, считал необходимым и возможным отстоять в спорах между Петербургом и Венной хотя бы Герцеговину, исключив ее из зоны австро-венгерской оккупации. Но сломить упорство Андраши ему не удалось. В окончательном варианте конвенции была официально закреплена плата за австро-венгерский нейтралитет в случае русско-турецкой войны: "Австро-Венгрия оставила за собой право выбора момента и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины"⁴⁰. Австро-Венгрия же обязывалась соблюдать по отношению к России позицию "благожелательного нейтралитета", и, насколько это будет от нее зависеть, "парализовать" путем дипломатического воздействия попытки вмешательства или коллективного посредничества западных держав, что имело важное значение для России.

Уступить в дипломатической борьбе с Австро-Венгрией Россию заставил целый ряд причин. К этому ее побуждала реально существовавшая опасность политической изоляции, создания враждебной коалиции держав, а также стратегичес-

кая обстановка - угроза, которую представляла для русских войск, проникших на Балканы, австро-венгерская армия, сосредоточенная на трансильванском плацдарме, что усугублялось невозможностью для России широко использовать черноморские коммуникации.

18 марта 1877 г. Новиков и Андраши подписали дополнительную конвенцию, которая была датирована тем же числом, что и основная - 15 января 1877 г. Ее главным содержанием явилось подтверждение рейхштадтских идей.

Россия, в преддверии русско-турецкой войны вынужденная пойти на значительные уступки в ходе русско-австрийских переговоров, тем не менее не оставила мысли добиться осуществления своих проектов преобразований в духе широкой автономии для ряда балканских народов. Об этом свидетельствовала деятельность российской дипломатии в период подписания Лондонского протокола (19(31) марта 1877 г.). А затем, уже в ходе войны, "Предварительные условия мира" зафиксировали, наряду с другими политическими изменениями на Балканском полуострове, введение автономии в ряде балканских провинций Османской империи, в том числе в Боснии и Герцеговине. Эти решения были подтверждены заключенным в результате победы России в войне Сан-Стефанским предварительным мирным договором. Но по мандату Берлинского конгресса, созванного под давлением держав для пересмотра условий уже заключенного мира, австро-венгерские войска, преодолев сопротивление населения Боснии и Герцеговины, осуществили их оккупацию. В политической истории этих земель началась новая эпоха.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: В и н о г р а д о в К.Б. Основные направления внешней политики Англии, Австро-Венгрии и Германии в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979. С.49.

2. К о в á с с Е. Der österreichisch - ungarische Ausgleich vom Jahre 1867 und die europäischen Grossmächte // Der österreichisch - ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971. S. 124.

3. Протокол опубликован М.Вукчевичем в: *Glasnik Istorijskog društva u Novom Sadu*. Knj. VI, 1933; см. также: *Stojanović M. The Great Powers and the Balkans 1875 - 1878*. Cambridge, 1939. P. 32 - 34.
4. Конобеев В. Д., Мазеев В. И. Россия и национально-освободительное движение болгарского народа (от Апрельского восстания 1876 г. до русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг.) // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878-1978. М., 1978. С. 19-20.
5. А. Г. Томини - Е. П. Новикову 9 августа 1875 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига 1875-1878. М., 1961. Т. I. С. 63.
6. Gróf Apponyi Albert. *Emlékirataim*. Budapest, 1922. 84 old.
7. Милютин Д. А. *Дневник*. М., 1940. Т. 2. С. 40.
8. Sumner В. Н. *Russia and the Balkans*. Oxford, 1937. P. 163.
9. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 28. Л. 103-104 (Н. П. Игнатьев - А. М. Горчакову 12 (24) апреля 1876 г.).
10. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 78. Л. 92 (П. А. Шувалов - А. М. Горчакову 16 (28) июня 1876 г.).
11. *Stojanović M. Op. cit.* P. 58.
12. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 86 (Записка МИДа к встрече в Берлине).
13. Цит. по: Конобеев В. Д., Мазеев В. И. Указ. соч. С. 15.
14. *Bridge F. R. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria - Hungary 1866 - 1914*. London and Boston, 1972. P. 394. Doc. N 6.
15. *Ibid.* P. 395 - 396. Doc. N 7.
16. Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917. М., 1952. С. 140-143.
17. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 139-140 об. (А. М. Горчаков - Е. П. Новикову 5 (17) июня 1876 г.).
18. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 129 (А. М. Горчаков - Е. П. Новикову 12 июня 1876 г.).
19. Полный текст австрийского варианта был впервые опубликован в кн.: *Prigram A. Die politische Geheimverträge Oesterreichs-Ungarn. 1919. Idem. The Secret Treaties of Austro-Hungary*. Cambridge, 1920 - 1921. Полный текст русской записи был впервые воспроизведен в кн.: *Русско-германские отношения // Красный архив*. М., 1922.
20. Сборник договоров России... С. 144-148.
21. *Norris D. A Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875-1878*. Stanford, 1936. P. 437.
22. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 207-210 об. (А. М. Горчаков - Е. П. Новикову 21 октября 1876 г.).
23. *Ekmečić M. Ustanak u Bosni 1875 - 1878*. Sarajevo, 1960. S. 243 - 251.
24. На это обстоятельство обращали внимание некоторые историки. См., например: *Rupp G. H. A Wavering Friendship: Russia and Austria 1876 - 1878*. Cambridge - London, 1941. P. 145.

25. Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871 - 1914, Berlin, 1924. Bd. III. S. 45 - 46.
26. D i ó s z e g i I. Az 1877 évi budapesti szerződés elötörténete//Századok, 1979. N 6, 977. old.
27. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 308-313 об. (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 11(23) октября 1876 г.).
28. Там же. Л. 294-299 об. (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 20 сентября (2 октября) 1876 г.).
29. Там же. Л. 314-320 об. (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 18(30) октября 1876 г.).
30. D i ó s z e g i I. Op.cit. 979. old.
31. Ibid. 977 - 979. old.
32. R u p p G. H. Op.cit. P. 275.
33. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 361-365 (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 24 ноября (6 декабря) 1876 г.).
34. Там же. Л. 341-350 (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 16(28) ноября 1876 г.).
35. Там же. Д. 128. Л. 325-332 (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 28 октября (6 ноября) 1876 г.).
36. Там же. Л. 361-365 (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 24 ноября (6 декабря) 1876 г.).
37. Там же. Л. 341-350 (Е.П.Новиков - А.М.Горчакову 16(28) ноября 1876 г.).
38. См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 330-337, 434-443.
39. См.: Сборник договоров... С. 149-153.
40. Там же.

Ю.П.Аншаков

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНЦЕ ХУШ – НАЧАЛЕ ХІХ в.

Черногория – небольшое государство, расположенное на юго-западе Балканского полуострова, ведя беспрерывные войны с Османской империей, еще в конце ХУП в. заложила основу политической самостоятельности, избавившись от таких форм вассальной зависимости, как обязательство по охране границ с Венецией и участие в военных походах на стороне османской армии. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил П.А.Толстой, отмечавший в путевом дневнике, что вблизи Котора и Пераста "живут вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской, языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временем войну точат с турками, а временем воюются с венецами"¹. Однако Порта упорно продолжала считать Черногорию частью Османской империи.

В России в рассматриваемый период не было четкости в определении международно-правового положения Черногории. Во время правления Елизаветы Петровны делались заявления, что черногорцы "все в совершенной свободе, а ни под какую державою не состоят"². Но при Екатерине II поначалу Черногория рассматривалась как турецкое владение. Так, в 1765 г., когда в России в очередной раз находился черногорский митрополит Василий Петрович, его считали прибывшим "ис Турецкой области"³. Схожая позиция изложена в инструкции Екатерины II направляемым в 1769 г. в Черногорию полковнику Ездемировичу и поручику Беличу. Она содержала не просьбу, а требование к Степану Малому (самозванцу, выдававшему себя за императора Петра III) и черногорцам, чтобы они, а также население Брды и Герцеговины, подняли оружие против турок для "освобождения"

дения себя одинажды навсегда из-под ига турецкой неволи и порабощения"⁴. Зато в следующую русско-турецкую войну 1787-1791 гг. фактическая независимость Черногории признается. Это видно из грамоты Екатерины II к "черногорским и иным им единоверным народам" от 14(26) марта 1788 г., содержащей призыв на борьбу с турками "для исторжения народов христианских из-под ига агарянского, и для свободы и безопасности тех, кои доселе еще храбростью от предков наследуемою противоборствуют варварам..."⁵. Можно полагать, что неоднократные обращения к русскому правительству и императрице как черногорских делегатов, так и отдельных лиц (в том числе балканских славян, находившихся на российской службе) с разъяснением политической ситуации в стране и вокруг нее сыграли свою положительную роль. Многие для этого сделал выдающийся государственный деятель Черногории митрополит Петр I Петрович Негош (1747-1830).

Петр I Негош сумел сосредоточить в своих руках духовную, светскую и военную власть. Произошло это в конце 90-х годов XVIII в., но до того ему пришлось вести нелегкую борьбу с гувернадуром (губернатором) Иваном Радоничем, который был вторым лицом в стране, но претендовал на главенство в Черногории. Во внешнеполитической деятельности Негош отдавал приоритет России. Радонич же придерживался проавстрийской ориентации, хотя все же предпринимал попытки наладить контакты с российским двором.

Когда в 1781 г. умер митрополит Савва, его преемником стал архимандрит Арсений Пламенац, ставленник губернатора Радонича. Содействуя А.Пламенацу, Радонич рассчитывал избавиться от опасного соперника в борьбе за власть - архимандрита Петра Негоша, который в 1782 г. решил ехать в Россию и обратиться в Синод с просьбой посвятить его в сан митрополита, что, учитывая прорусские симпатии большинства черногорцев, заметно упрочило бы его влияние и политический вес в стране. Негош ходатайствовал перед русским послом в Вене Д.М.Голицыным о получении паспорта для поездки в Россию, но получил отказ⁶. Тогда он нашел выход из соз-

давшегося положения, прибегнув к помощи карловацкого митрополита Моисея Путника. С просьбой посвятить Негоша в митрополиты обратились видные черногорские старейшины, ссылаясь на то, что владыка Арсений стар, болен и не может выполнять свои обязанности. Губернатор И.Радониц также ходатайствовал за Негоша⁷.

На первый взгляд, такая резкая перемена в отношении И.Радоница к П.Негошу может показаться странной. Мы видим причины ее в следующем: зная, что А.Пламенац действительно стар и болен (он умер в мае 1784 г.) и к тому же не пользуется популярностью в народе, поддерживающим Негоша, и понимая, что в Черногории нет альтернативной ему кандидатуры на место митрополита, Радониц заранее желал заручиться признательностью Негоша. Кроме того, Карловацкая митрополия находилась в австрийских владениях, и Негошу для посвящения необходимо было получить разрешение императора Иосифа II. И.Радониц, ориентировавшийся на Австрию, мог предполагать, что Негош окажется в одной с ним упряжке, получив желанный сан благодаря поддержке австрийских властей. И действительно, Иосиф II охотно дал разрешение, понимая, что тем самым у Австрии появляется реальный шанс отвлечь Негоша от России и усилить в Черногории австрийское влияние. В октябре 1784 г. М.Путник посвятил Петра Негоша в митрополиты. Во время последовавшей за этим аудиенции у австрийского императора митрополит попытался договориться о получении от Австрии помощи боеприпасами, в которых так нуждалась Черногория. Ему было отказано в безвозмездной помощи и предложено купить порох и свинец, на что черногорский владыка заметил не без язвительности, что, имея деньги, он купил бы порох у самого албанского паши⁸. Попытка венского двора привлечь на свою сторону П.Негоша, а вместе с ним и черногорцев, не удалась. Вскоре после посвящения (в ноябре 1784 г.) Негош писал князю Г.А.Потемкину: "Народ черногорский еще в 1711 году, когда царь Петр как единосверных и единоплеменных позвал против турок, определил себя на службу русского двора"⁹.

В 1785 г. П.Негош из Вены отправился в Россию. По дороге он остановился в Шклове, в имении генерала русской службы, выходца из Сербии и бывшего фаворита Екатерины II С.Зорича, а затем продолжил свою поездку и в начале ноября прибыл в Петербург. Там он провел несколько дней, но не был удостоен официального приема и выслан из Петербурга по предписанию обер-полицейстера, за спиной которого стоял истинный инициатор высылки – князь Г.А.Потемкин. Официально Негошу было предъявлено обвинение, что он стал митрополитом без согласия Синода. В письме, адресованном в Коллегию иностранных дел, Негош выразил негодование по поводу поведения князя Потемкина и несогласие с таким обвинением. "Странно слышать такое, как это мне, человеку свободному, не быть архиереем без согласия Синода, – писал он. – Разве они не знают, что власть русского Синода не выходит за пределы русского государства..."¹⁰.

В литературе нет единого мнения по поводу этого поступка русских властей в отношении черногорского митрополита. Некоторые авторы считают, что причиной высылки владыки послужил его визит к Зоричу, с которым П.Негош состоял в переписке и к которому Потемкин испытывал личную неприязнь. Другие видят во всем этом происки выдававшего себя за потомка князей Юговичей Сафрония Юговича-Марковича, который служил секретарем у князя Потемкина и интриговал против митрополита. Кроме того, в сербской литературе как прошлого века, так и новейшей, существует устойчивая точка зрения, что истинная причина изгнания Негоша из России заключалась в том, что согласно так называемому "греческому проекту", одним из творцов которого был князь Потемкин, Черногория попадала в сферу влияния Австрии¹¹.

"Греческий проект" являлся одним из дипломатических маневров петербургского двора, который помог обезвредить Австрию в период подготовки присоединения к России Крыма. Как известно, основной его идеей было воссоздание Греческой (Восточной) империи, образование независимой Дакии в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии – эти два государ-

ства должны были находиться в сфере политического влияния России – и раздел части балканских владений Османской империи. Австрийский император Иосиф II претендовал на присоединение части Валахии, на венецианские владения – Истрию и Далмацию, боснийские и сербские земли, включая Белград и другие территории¹². О маленькой Черногории в материалах, связанных с "греческим проектом", не упоминалось. Судьба ее не привлекала внимания ни русской, ни австрийской стороны.

Хотя "греческий проект" быстро сошел с повестки дня после присоединения Крыма, он сохранил свое значение в отношениях между Россией и Австрией. В секретной декларации о союзе между ними (декабрь 1794 – январь 1795 г.) говорилось, что в случае "общей" войны двух держав с Турцией начертанный в переписке Екатерины и Иосифа "план" должен быть "вполне исполнен ... , насколько позволят обстоятельства"¹³. Можно предположить, что в этом случае наряду с Далмацией в сферу австрийского влияния попадала и Черногория.

Но на практике правительство Екатерины II не отказывалось от активной политики в Черногории, проявляло заинтересованность в поддержании там своего влияния. Это наглядно проявилось в годы русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Так, например, командующий русской армией Г.А.Потемкин пытался склонить гувернадора И.Радоница придерживаться про-русской ориентации, а тот в свою очередь обещал ему не отступать в дальнейшем от преданности петербургскому двору¹⁴.

В феврале 1791 г. С.В.Томара сообщал из Вены о встрече с черногорской делегацией, прибывшей туда из-за слухов о заключении мира между Турцией и Австрией. В.С.Томара писал: "Они (черногорцы. – Ю.А.) просили в рассуждении некоторых раздоров между ними послать к ним начальника, в чем я им отказал, а обещал... послать человека, которого они могут принять как друга и брата". Далее Томара просил черногорцев информировать его о своих делах и обещал под-

держивать "с сим народом сообщение"¹⁵. Можно полагать, что такой видный дипломат, как В.С.Томара не рискнул бы вести переговоры с черногорцами и, тем более, давать им обнадеживающие обещания, если бы не был уверен, что его переговоры будут восприняты положительно российским двором или князем Потемкиным, которому и было адресовано это письмо.

В войне 1787-1791 гг. Австрия была союзницей России, и балканскому театру военных действий отводилось важное место в русских и австрийских военных планах. Вена пыталась привлечь к борьбе с турками шкодринского пашу Махмуда Бушати, лишь номинально подчинявшегося Порте. При этом русским и австрийским правительствами был разработан масштабный план привлечения объединенных сил Черногории и Северной Албании к антитурецкой коалиции.

О том, что такой союз казался бы непримиримых врагов (черногорцы почти постоянно находились в состоянии вооруженной конфронтации с Северной Албанией) желателен и реален, информировали официальный Петербург многие российские дипломаты. Возможно, эта мысль оформилась под влиянием консула в Далмации А.Палладоклиса, предлагавшего осуществить этот вариант еще во время своего пребывания в России¹⁶. Вероятность такого союза допускал и генерал-майор Д.Г.Неранчич¹⁷. Екатерина II с горячностью ухватилась за эту идею и отдала повеление ускорить контакты с Махмудом-пашой через консулов в Венеции и Триесте¹⁸. В Петербурге понимали, что вовлечение в антиосманскую борьбу шкодринского паши лишит Порту военных ресурсов Северной Албании, а объединенные черногорско-албанские силы могли составить до 60 тыс. человек. В конце 1787 г. Бушати вновь взбунтовался против султана.

Еще до получения информации об этом мятеже вице-канцлер И.А.Остерман поручил послу в Венеции А.С.Мордвинову установить связь с албанским пашой в целях активизации его борьбы против Порты и привлечения на свою сторону черногорцев¹⁹. Для ведения переговоров свою кандидатуру предлагал генеральный консул в Корфу Л.П.Бенаки²⁰, однако ре-

шено было использовать драгомана консульства в Венеции И.(Дж.) Оливьери. В марте 1788 г. Оливьери отбыл из Венеции в Черногорию, имея при себе письма А.С.Мордвинова к П.Негошу и Бушати. В письме митрополиту А.С.Мордвинов призывал черногорцев к военному союзу с Россией и обещал помощь со стороны русского флота, направляемого в Средиземное море²¹. В ответном письме Негош заверял, что черногорцы готовы следовать за Россией, и просил лишь прислать русских офицеров с продовольствием и боеприпасами²². Сходным по смыслу было письмо и для шкодринского пашы.

Проезжая через Далмацию, Оливьери познакомился с доверенным лицом Бушати, монахом-францисканцем отцом Эразмом и под строжайшим секретом открыл ему свое поручение, прося проинформировать обо всем Махмуда-пашу. В начале апреля 1788 г. отец Эразм сообщил из Шкодры, что паша с удовольствием принял предложение русского правительства, но не будет предпринимать какие-либо шаги, пока не обезопасится от своих врагов²³. Следует отметить, что в Шкодринском пашалыке не было единого мнения по поводу дальнейших отношений с Портой. Католическое население горных районов было готово к борьбе с турками, а торгово-ремесленное население Шкодры колебалось и склонялось к соглашению с султаном. Перспектива союза Бушати с христианскими державами пугала многих албанских феодалов-мусульман, они добивались мира с Портой любой ценой. Шкодринский паша решительно расправился с политическими противниками, приказав "отрубить головы двенадцати skutарским приматам, между которыми находились и его ближайшие родственники"²⁴.

А.С.Мордвинов сообщал в Петербург о готовности Махмуда-пашы воевать в союзе с христианскими державами "и тем паче с нами"²⁵. Бушати торопил И.Оливьери с приездом в Шкодру, желая обговорить все условия предстоящего соглашения. Ввиду болезни Оливьери туда был направлен майор С.Миркович. Переговоры продолжались три дня и проходили в напряженной для Бушати обстановке с "препятствием многих господ, всюду за ним следующих"²⁶. Они завершились вы-

работкой проекта соглашения с Россией шкодринского паша, который выражал полную готовность воевать с Портой независимо от того, будет он прощен султаном или нет, а для успешного ведения дела паша просил, кроме денег, выделить в его распоряжение отряд из шести русских линейных кораблей и нескольких вспомогательных судов для поддержания планируемых военно-морских операций. Взамен шкодринский паша обещал после выполнения его условий собрать свои сухопутные силы, овладеть всей Албанией и Македонией и, тем самым, открыть русским войскам путь в Константинополь. Махмуд-паша просил о переходе всех завоеванных им земель под покровительство России при условии сохранения мусульманской религии, "как то позволено в Крыму и других провинциях российских"²⁷.

Сложно понять подлинные мотивы, которыми руководствовался Махмуд, ведя переговоры. С.Миркович полагал, что паша был искренним, поскольку и его "спасение требовало соединения с Россией"²⁸. Возможно и то, что он вел сложную политическую интригу, направленную на примирение с Портой, и переговоры с Россией рассматривал как спасительную лазейку в случае неудачи переговоров с султаном. Вероятно все-таки, что Бушати, начиная переговоры, был искренне заинтересован в союзе с Россией. Он, видимо, понимал, что Порта, несмотря на то, что она время от времени была вынуждена прощать его, не будет этого делать до бесконечности и рано или поздно попытается расправиться с ним окончательно. К тому же значительная часть его армии состояла из христиан, которые поддержали бы его ориентацию на Россию и Австрию.

Черногорцы были в курсе содержания переговоров с Бушати. Но обе стороны относились друг к другу с недоверием. И.Оливьери сообщал, что черногорцы "ни на что не поступят без согласия паша"²⁹. В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Негош дважды лично встречался с пашой, и переговоры прошли удачно.

Союзники понимали, что успех задуманного во многом за-

висит от обеспечения черногорцев оружием, боеприпасами и продовольствием (Шкодра, в отличие от черногорцев, не испытывала в этом нужды). В силу географической близости снабжение удобнее было осуществлять австрийцам. Однако для этого следовало заручиться поддержкой Венеции, далматинское побережье которой было наиболее удобным пунктом для переправки всего необходимого в Черногорию. Австрийцы, в конце концов, сумели осуществить это, но не без потерь. В условиях войны Венецианская республика придерживалась политики нейтралитета и старалась избежать использования своей территории и прибрежных вод какой-либо из воюющих сторон. Поэтому венецианский галерный флот расположился в районе Будвы для пресечения сообщения между австрийцами и черногорцами. Две попытки австрийцев произвести выгрузку с судов солдат для отправки их в Черногорию закончились безрезультатно. Причем в перестрелке с венецианцами погибли австрийские военнослужащие³⁰. Такая ситуация не могла устроить союзников и в первую очередь Австрию. Вероятно, не без ее скрытого нажима Венецианская республика распорядилась не препятствовать высадкам австрийцев в Приморье³¹. После этого в Черногорию было доставлено достаточное количество оружия и боеприпасов. Образовался даже излишек запасов, и часть ружей была возвращена австрийцам³². Со стороны России стараниями М.К.Ивелича из Триеста в Черногорию было доставлено 40.000 кулей "сарацинского пшена"³³.

Черногорцы и шкодринский паша с нетерпением ждали известий об отплытии из России морской эскадры. Намеченная средиземноморская экспедиция Балтийской эскадры тщательно готовилась. Екатерина II хотела, чтобы, как и в прошлую русско-турецкую войну, флот возглавили братья Алексей и Федор Орловы. Имена Орловых были широко известны среди греков и славян, а туркам была памятна Чесма. Императрица справедливо полагала, что "их имя прибавит вес и меру морского вооружения". После отказа А.Орлова командование было поручено С.К.Грейгу. Подготовить встречу русского флота и организовать набор добровольцев на рус-

скую службу должен был командированный в Триест генерал-лейтенант И.А.Заборовский. Вена старалась содействовать его миссии. Губернатору Триеста было дано предписание о дозволении австрийским шкиперам поступать на русскую службу³⁴.

Военная кампания 1788 г. складывалась для союзников неудачно. Русские войска безуспешно осаждали Очаков, австрийцы тщетно пытались взять Хотин. Поэтому Австрия и Россия были крайне заинтересованы в нанесении объединенными силами албанцев и черногорцев "чувствительного удара" по турецким силам в тылу османских владений. Вена просила русский двор содействовать организации диверсии черногорцев и албанцев в Боснию, и вице-канцлер И.А.Остерман солидаризировался в этом с австрийцами³⁵.

С весны 1788 г. в Черногории находилась австрийская военная делегация, возглавлявшаяся майором Ф.Вукасовичем и состоявшая из нескольких офицеров и 400 солдат. Взаимоотношения между русскими и австрийскими представителями в Черногории складывались не лучшим образом. Австрийские офицеры вступили в конфликт с С.Мирковичем во время его пребывания в Черногории, жаловались в Вену, что тот не лестно отзывался об Австрии и настраивал черногорцев против австрийцев. Схожие обвинения были ими выдвинуты и против русского консула в Пизе Г.Мильковича, который посетил Черногорию. Об этом конфликте через австрийского представителя при русской армии принца де Линя узнал Потемкин. Де Линь просил князя направить в Черногорию дополнительные инструкции российским эmissарам³⁶. Потемкин откомандировал из своей ставки майора Мавро Михайли в Черногорию и для встречи со шкодринским пашой. Но тот вернулся ни с чем, так как И.Оливьери запретил вести переговоры и сразу же отправил М.Михайли обратно³⁷. Видно, инструкции Потемкина содержали нечто, идущее вразрез с интересами дела, что позволило русскому дипломату не побояться гнева всемогущего князя и оборвать нежелательный визит его посланца.

Российская дипломатия не меньше австрийской была заинтересована в ликвидации трений между австрийцами и черногорцами, часто возникавших по самым различным причинам. Грубость и высокомерие австрийцев отмечал И.Оливьери. Так, один из австрийских офицеров избил священника, племянника Негоша, только за то, что тот не снял перед ним клобук³⁸. Поведение членов австрийской миссии вызывало неудовольствие Негоша и некоторых старейшин, но митрополит был вынужден терпеть эти выходки, опасаясь кровопролития³⁹. Австрийская миссия не могла найти достаточной опоры среди черногорцев. А.С.Мордвинов был прав, когда утверждал, что австрийские офицеры не терпели С.Мирковича "от зависти их видеть себя малоуспевающими в порученном им деле"⁴⁰. К аналогичному выводу пришел и австрийский вице-канцлер Ф.Кобенцль, объяснявший негодование и жалобы австрийских эмиссаров их незначительными успехами "в препорученной им комиссии". Вице-канцлер считал, что причина недоброжелательности черногорцев к австрийцам была лишь следствием "привязанности их к России"⁴¹.

Махмуд-паша обусловил свое выступление прибытием в эти края российского флота. Однако Вена, военные дела которой складывались далеко не блестяще, торопила события. Ф.Вукасович получил повеление выступить против турок с одним корпусом черногорцев. Он заверял австрийское правительство в готовности черногорцев к походу. Однако черногорцы медлили, ожидая инструкций от русской военной миссии, направленной в Черногорию⁴². Все конфликты и трения между австрийцами и черногорцами были бы преодолены, если бы внезапно не произошло трагическое событие, спутавшее планы союзников.

В июня 1788 г. Иосиф II направил к Бушати своего личного представителя де Броньяра, в миссию которого входила задача убедить пашу выступить на боснийский театр военных действий и тем самым помочь австрийской армии. Переговоры проходили удачно. Махмуд-паша заверил, что он будет помогать России и Австрии. Был выработан вариант совместных

действий австрийцев, албанцев и черногорцев. Обнадеженные австрийцы отправились в Черногорию, но подверглись неожиданному нападению и были убиты. Среди убитых были де Броньяр, Л.Пернет, поручик Сенсплук и один черногорец. Остается неясным, произошло ли это убийство с ведома Бушати или явилось следствием заговора протурецкой группировки шкодринского пашалыка. Среди российских дипломатов по этому поводу мнения расходились. Несмотря на предложение А.С.Мордвинова продолжить контакты со Шкодрой, русское и австрийское правительства прервали все отношения с Бушати. Вскоре черногорцы по инициативе австрийцев напали на владения шкодринского паши, но военные действия австро-черногорских войск не принесли им успеха.

В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия в составе подполковника М.Ивелича, полковника Тутолмина и майора Драшковича. Русские эмиссары критиковали австрийцев и П.Негоша за преждевременное выступление против Шкодры. Они все более разочаровывались в австрийцах и не скрывали этого от черногорцев⁴³. После военных неудач австрийцы вынуждены были тайно бежать из Черногории. Вскоре и русская военная миссия по настоянию Вены, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию.

Оценивая действия русской и австрийской миссий, следует признать, что ни та, ни другая не оправдали надежд черногорцев. Оставшись один на один с Махмудом-пашой, они добивались присылки русских войск в Черногорию, что и было им обещано И.А.Заборовским⁴⁴. Однако планы России отправить в Средиземное море эскадру были сорваны нападением Швеции на Россию и закрытием английских портов, необходимых для остановок эскадры. Посол Швеции в Константинополе открыто бахвалился перед турецким правительством "диверсией, которую король шведский сделал, остановив наш флот, на котором было 20.000 войска", — сообщал из Варшавы посол Штакельберг⁴⁵.

Тогда в Петербурге было принято решение отправить "к Адриатическому морю и Черным Горам" через австрийские вла-

дения сухопутные войска. Одновременно было дано предписание послу в Вене Д.М.Голицину добиться разрешения на проход русских войск, а И.А.Заборовскому — заняться агитацией среди албанцев и греков, чтобы те выступили против турок⁴⁶. Однако этот план не был осуществлен. Д.М.Голицин совместно с австрийскими властями предпринял попытку создать морской отряд из русских кораблей, значительное число которых находилось в испанских, португальских и французских портах. В этот отряд должны были войти и австрийские корабли. Осуществлению этого плана помешала позиция Венеции, не желавшей пойти на столь явное нарушение нейтралитета и предоставить свои порты кораблям союзников⁴⁷. Таким образом, и этот вариант возможной помощи черногорцам оказался нереализованным.

В России и в 90-х годах XVIII в. не исчез интерес к использованию боевых сил черногорцев и албанцев. А.В.Суворов, разрабатывая план будущих батальи против Турции (ноябрь 1793 г.), считал реальным привлечение сил Махмуда Бушати, Али-паши Янинского и черногорцев⁴⁸.

Успешные действия русской армии принудили Порту заключить Систовский мир с Австрией (август 1791 г.), а затем и Ясский договор с Россией (январь 1792 г. н.ст.). Согласно первой статье турецко-австрийского договора черногорцы, наряду с другими балканскими народами, были включены в число амнистированных подданных султана. В Яском трактате Черногория не упомянута, и этот факт давал повод уже не одному поколению югославских историков говорить, что Австрия, хотя и причислила черногорцев к подданным султана, все же позаботилась об их амнистии, а Россия не сделала даже этого⁴⁹. Оценивая такое заключение, заметим, что признание Австрией черногорцев подданными Порты было для них своеобразной миной замедленного действия, которая могла взорваться в случае раздела владений Порты. Именно первой статьёй Систовского договора оперировала австрийская дипломатия в 1804 г., обосновывая свои претензии на Черногорию, считая, что Россия желает раздела Османской

империи. Амнистия Порты ни на йоту не улучшила внешнеполитическое положение черногорцев. Набеги с сопредельных турецких территорий, из Шкодринского пашалыка продолжались с прежней интенсивностью.

С вступлением на престол Павла I открылась новая страница в истории русско-черногорских отношений. Павел I отошел от политики нейтралитета в отношениях с бонапартистской Францией, начался длительный период войн с Наполеоном. Заинтересованность России в Восточном Средиземноморье, Балканах резко возросла, что положительно сказалось на русско-черногорских отношениях.

Началом русско-черногорских взаимоотношений в этот период послужила афера Николая Чирковича, выдававшего себя за "графа", черногорского "ober-воеводу" и "бывшего полковника венецианской службы" Черноевича-Давидовича, которая была раскрыта русскими властями уже при Александре I, в 1802 г. В отличие от других самозванцев, каким был, например, авантюрист Д.Вуич, планировавший подчинить Черногорию Турции, Чиркович-Давидович сделал много полезного для Черногории и укрепления русско-черногорских отношений, и его деятельность справедливо положительно оценивается историками⁵⁰.

Б.Павичевич на основе документов Архива внешней политики Российской империи довольно подробно осветил обстоятельства появления в России Н.Чирковича-Давидовича и роль Ф.Марошевича в разоблачении его самозванства. Вместе с тем Павичевич, опираясь на сведения, представленные Марошевичем в российский МИД, полагал (а вслед за ним и другие историки), что Н.Чиркович-Давидович прибыл в Россию в качестве посланца от Черногории в 1797 г. и уже вторично был направлен в Петербург решением августовского "збора" 1798 г.⁵¹ По всей видимости, дело обстояло иначе. Обстоятельства появления в российской столице Н.Чирковича-Давидовича подробно изложены в "Деле по доносам Марошевича на гр. Черноевича"⁵².

Фома Марошевич - фигура довольно известная в истории

русско-черногорских отношений начала XIX в. Черногорец по происхождению, он был отправлен в 1758 г. в Россию, где обучался в кадетском корпусе. В 1803 и 1807 гг. посещал родину, а в 1808 г. составил "Записку", где предлагал свое видение проблемы русско-черногорских отношений. Ф.Маршевич, по всей видимости, человек тщеславный и амбициозный, стал главой своеобразного "землячества" черногорцев, живущих в России, и через своего родственника губернатора В.Радоница и других лиц был в курсе событий, происходивших в Черногории.

В июле 1802 г. на имя Александра I от Ф.Маршевича и майора И.Парапановича поступила записка (дополненная Ф.Маршевичем в апреле 1803 г.) - "Краткое описание жизни именного себя гр. Давыдовичем-Черноевичем, полковником венецианской службы и обер-воеводою черногорцев", где приводились биографические факты и обстоятельства его появления при русском дворе⁵³. Приводимые в ней сведения заслуживают доверия, так как собирались через выходцев с Балкан, живущих в России, губернатором В.Радоницем, а затем тщательно проверялись представителями русских властей.

Судя по описанию, жизненный путь "графа" и "обер-воеводы" был весьма извилистым и богатым авантюрами. Родился он в Подгорице, затем перебрался с отцом в Котор и тогда еще носил фамилию Чиркович. Прихоти судьбы заносили Чирковича в Триест, в Пешт и Германию. В 1791 г. он был зачислен в шкловское училище графа С.Зорича, где обучался до 1794 г. уже под фамилией Давидович. Затем Н.Чиркович-Давидович прибыл в Петербург, имея при себе подложный патент капитана венецианской службы, и предпринял попытку поступить на российскую военную службу, но отказался от предложенного ему чина прапорщика. В столице поначалу жизнь Н.Чирковича-Давидовича протекала несладко. Он "питался подаяннем людей добрых" и еле пристроился в дом русского вельможи Л.А.Нарышкина, который принял его "из подвига милосердия" и содержал вместе с другими бедняками.

Вскоре Н.Чирковичу-Давидовичу удалось узнать о находке-

нии в Петербурге родственника митрополита П.Негоша А.Филотича (он прибыл в Россию в составе депутации, ходатайствовавшей о переселении герцеговинцев в Россию, с ним были посланы сердарь М.Лазаревич и архимандрит А.Радоич) и что у Филотича имеются документы, данные ему "обществом черногорским". Н.Чиркович-Давидович сумел войти в доверие к тяжело болевшему А.Филотичу и после его смерти в конце 1797 г. завладел хранившимися у него документами. Затем, как сообщали Ф.Марошевич и И.Парапанович, Н.Чиркович-Давидович на основе подлинников сделал себе подложные документы и "производит себя оными полковником венецианской республики и обер-воеводою черногорцев, хотя чин обер-воеводы не существовал и не существует вовсе между черногорцами". Вслед за этим Н.Чиркович-Давидович с поддельной грамотой от имени черногорских старейшин, якобы уполномочивших его поздравить с восшествием на престол Павла I, объявился при дворе. Павел I, считая "много посланца за настоящего", принял эти поздравления.

Следствием этих авантюрных поступков Н.Чирковича-Давидовича стали вполне конкретные действия русского императора, положительно повлиявшие на развитие русско-черногорских отношений. Первым шагом в этом направлении была грамота Павла I черногорским старейшинам с подтверждением покровительства России Черногории⁵⁴. Павел I также именным указом наградил черногорского митрополита одним из высших российских орденов, орденом Александра Невского. Кроме того, по списку, предоставленному Н.Чирковичем-Давидовичем (список, вероятно, был составлен на основании подлинных документов, изъятых у А.Филотича), пятнадцатью золотыми медалями награждались черногорские и брдские старейшины, а также пожаловано было "сверх того 43 медали серебряных для чиновников"⁵⁵. Сам Н.Чиркович-Давидович также был награжден медалью:

В "Прибавлении", представленном русским властям 22 апреля (3 мая) 1803 г., Ф.Марошевич, исправляя ранее сообщенные сведения, подчеркивал, что Н.Чиркович-Давидович безвы-

ездно находился в Петербурге с 1794 по 1798 г.⁵⁶ (и, следовательно, не мог прибыть из Черногории в Россию в 1797 г., как утверждают некоторые исследователи), и только после того, как получил грамоту Павла I, медали и орден для митрополита, отбыл в Черногорию. По прибытии туда, писали Маросевич и Парапанович, Н.Чиркович-Давидович встретился с митрополитом, который до того не подозревал о его существовании. Однако получив из рук Чирковича-Давидовича конкретные подтверждения возросшего интереса и внимания России к Черногории, был "пленен оными до восхищения".

Негош был осторожным политиком. Вероятно, в негласную задачу дипломатической миссии архимандрита С.Вукотича, прибывшего в Петербург в августе 1798 г. и вернувшегося на родину ровно год спустя, входила не только передача проекта меморандума государственного устройства Черногории⁵⁷, но и прояснение ситуации в связи с появлением при русском дворе самозванного черногорского посланника. И только после возвращения С.Вукотича в Черногорию Н.Чиркович-Давидович, получив соответствующие официальные полномочия от митрополита, которые, как пишут авторы доноса "дал бы всяк на его месте бывши", отправлен был в Россию. Негошу, чтобы не навлек подозрений на Н.Чирковича-Давидовича со стороны русского правительства, пришлось признать за ним нелепый для Черногории титул графа и звание обер-воеводы.

Прибыв в Петербург в начале 1800 г., Н.Чиркович-Давидович развернул активную деятельность. В частности, зондировал вопрос об объединении с Черногорией Боки Которской вместе с Будвой и Паштровичами.

О том, что против него существует заговор, душой которого являлся Ф.Маросевич, Н.Чиркович-Давидович знал. В январе 1802 г. он писал П.Негошу, что Ф.Маросевич поступает с ним "хуже всех подлецов в свете"⁵⁸. Митрополит предпринял попытку склонить Ф.Маросевича к приезду в Черногорию, несомненно с целью повлиять на него и изменить отношение к Н.Чирковичу-Давидовичу в лучшую сторону. Но вместо этого последовал донос, предрешивший участь Н.Чирковича-Давидо-

вича. Расследованием его дела занимались министр юстиции Г.Р.Державин, тайный советник М.Н.Муравьев и др. В ходе следствия были опрошены лица, которые что-либо знали о Н.Чирковиче-Давидовиче (М.К.Ивелич, капитан Н.Петрович, преподаватель шкловского училища П.Циммерман и др.). Самозванство Н.Чирковича-Давидовича было разоблачено, он был лишен звания полномочного черногорского посланника, судебным постановлением ему запрещалось именовать себя "черногорским графом". После всех этих весьма сложных жизненных перипетий Н.Чиркович-Давидович поселился в Подольской губернии, где в дальнейшем вновь начал выдавать себя за "графа", "черногорского сердаря" и "майора" бывшей венецианской армии⁵⁹. Следует отметить, что в 1806 г. на имя Александра I поступило прошение от "сердаря черногорских войск" графа Черноевича с просьбой о переводе в Бугское казачье войско. Александр I тогда заинтересовался, а не тот ли это "граф Черноевич, которого некогда сыскивали через полицию?"⁶⁰. Выяснилось, что это был другой человек.

В связи с вышеизложенным следует проверить подлинность архивных документов, которыми оперировал Н.Чиркович-Давидович в 1797-1798 гг., в частности установить, является ли поддельной (если только подлинник не был присвоен с документами, хранившимися у А.Филотича) грамота "черногорского и брдского славяно-сербского общества" от 13(25) декабря 1796 г., содержащая поздравления Павлу I и просьбу о покровительстве России Черногории⁶¹. Она снабжена фальшивыми печатями и подписями, среди которых на первом месте стоит подпись и печать мифического губернатора "бердского общества" князя Петра Черноевича-Давидовича. Явная подделка - полномочная грамота ("лист полный - мочный") Н.Чирковича-Давидовича, якобы данная от имени двух губернаторов, сердарей и воевод, где Н.Чиркович-Давидович именуется "ober-воеводой", "полковником венецианской службы", "графом и благородным сыном нашего губернатора"⁶². Справедливо сомневается Б.Павичевич в подлинности "аттес-

тата", выданного "графу и полковнику" Н.Чирковичу-Давидовичу 29 августа (9 сентября) 1790 г., содержащего описание его заслуг перед Черногорией в период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и составленного в несвойственной Петру I Негошу манере⁶³. На наш взгляд, подпись черногорского митрополита на нем либо умело подделана, либо Н.Чиркович-Давидович выкрал у А.Филотича среди прочих документов чистый лист с подписью Негоша (митрополит, безусловно, доверял А.Филотичу и мог снабдить его таковыми) и сам заполнил его. Не исключено также, что Негош все же задним числом подписал составленный Н.Чирковичем-Давидовичем текст аттестата, когда последний в 1798 г. прибыл в Черногорию и митрополит вынужден был в силу сложившихся обстоятельств признать и мнимый титул, и мнимые заслуги Н.Чирковича-Давидовича.

Оценивая роль Н.Чирковича-Давидовича в развитии русско-черногорских связей конца XVIII - начала XIX в., следует отметить ее двойственность. Он был не первым уроженцем Балкан, который из сербского или черногорского "кнеза" переименовал себя в венецианских владениях в "конта", а прибыв в Россию называл себя графом или князем. Он был авантюристом, которыми так богат XVIII век. Неудовлетворенность тяжелым настоящим толкнула его на столь рискованный шаг, но, по-видимому, не только это. Безусловно ловкий и выдавший виды человек, он был и достаточно образован. Шкловское училище, позднее переведенное в Москву и преобразованное в I-й кадетский корпус, и в те годы славилось системой обучения. Здесь учились многие балканские славяне⁶⁴. Н.Чиркович-Давидович, как и многие его соплеменники, жившие в России, желал избавить Черногорию от угрозы османского порабощения, добивался расширения ее границ и внес посильную лепту в это дело.

С другой стороны, разоблачение Н.Чирковича-Давидовича и полученная вскоре информация о тайных контактах секретаря митрополита аббата Дольчи с французами навлекли подозрение на П.Негоша и его ближайшее окружение. Начался пе-

риод охлаждения русско-черногорских взаимоотношений. Однако приезд в Черногорию в марте 1805 г. дипломата С.А. Санковского и прибытие в дальнейшем на Адриатику военно-морской эскадры Д.Н.Сенявина вновь активизировали всесторонние связи между Россией и Черногорией.

Русско-черногорские отношения в период с 80-х годов ХУШ в. по 1803 г., несмотря на известные осложнения в целом складывались благополучно. Россия оказывала дипломатическую и материальную поддержку Черногории. Особенно эти отношения улучшились во время правления Павла I. При нем была установлена ежегодная безвозмездная денежная субсидия Черногории (1 тыс. червонцев) на нужды государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черногорско-русские отношения. 1711-1918. Кн. I: Русские источники о Черногоре от края ХУП до середины ХІХ вѣка. Подгорица - Москва, 1992. С.36.
2. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в ХУШ в. Документы. М., 1984. С.197.
3. Там же. С.279.
4. Архив Санкт-Петербургского филиала Института истории России Российской Академии Наук (АСПФМИР РАН). Ф.115. 1769-1775. Д.617. Л.192 с об.
5. Политические и культурные отношения... С.340.
6. Ђ р ђ е в и њ В. Црна Гора и Русија (1784-1814). Београд, 1914. С.67.
7. Д о с т я н И. С. Описание Черногории начала ХІХ в. в донесениях С.А.Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С.312; С т а н о ј е в и њ Г. Црна Гора Пред ствара њ е државе (1773-1796): Београд, 1962. С.76.
8. Д о с т я н И. С. Описание Черногории... С.311.
9. Д р а г о в и њ М. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 (Материјал за историју Црне Горе у вријеме влада њ а владике Петра I // Гласник Српског ученог друштва. Београд 1891. Књ .72. С.220.
10. Там же. С.225-226.
11. Д р а г о в и њ М. Указ.соч. С.228-230; Л у ч и њ Ч. Митрополит Петар први Петровић. Титоград, 1991. С.29-30 и др.
12. Различные мнения о "греческом проекте" см.: М и л е р А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.;Л., 1947. С.66-67; М а р к о в а О. П. О происхождении так называемого греческого проекта // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986. С.5-46;

Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798-1807. М., 1962. С.51-55; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С.36-42.

13. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т.П. С.244-245.

14. Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф.265. Оп.2. 1787. Д.3825. Л.3,5 (Радонич И. - Юговичу С. 7(18) сентября 1787 г.; И.Радонич - Г.А.Потемкину 7(18) сентября 1787 г.).

15. Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф.197. Оп.1. Д.70. Л.137 об. (В.С.Томара - Г.А.Потемкину, февраль 1791 г.).

16. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Венецией. 1787. Д.404. Л.86-87 об. (А.Палладоклис - Гос.коллегии 7(18) декабря 1787 г.).

17. Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С.274.

18. Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря Екатерины II. М., 1862. С.46.

19. Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII - начале XIX в. (Западнобалканские пашалыки Османской империи). М., 1963. С.109.

20. Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.885 (Эрмитаж. собр.). 1788. Д.80/18. Л.271 с об. (Бенаки - Гос.коллегии 5(16) января 1788 г.).

21. Там же. Ф.777. Д.121. Л.13 об. (А.С.Мордвинов - П.Негошу 4(15) марта 1788); Драгович М. Указ.соч. С.268.

22. См. текст письма в кн.: Бажова А. П. Указ. соч. С.269-271.

23. Арш Г. Л. Указ.соч. С.112.

24. АВПРИ. Ф.Сношения России с Венецией. 1788. Д.169. Л.21. (И.Оливьери - А.С.Мордвинову 8(19) апреля, 1788 г.).

25. Там же. Л.46 об. (А.С.Мордвинов - И.А.Остерману 22 апреля (2 мая) 1788 г.).

26. Там же. Д.170. Л.27 (С.Миркович - А.С.Мордвинову 19(30) мая 1788 г.).

27. См. полный текст проекта: АВПРИ. Ф.Сношения России с Турцией. Д.2072. Л.42-45. В выдержках приведен в кн.: Арш Г. Л. Указ.соч. С.115.

28. АВПРИ. Ф.Сношения России с Венецией. Д.170. Л.29 (С.Миркович - А.С.Мордвинову 19(30) мая 1788 г.).

29. Там же. Д.169. Л.22 (И.Оливьери - А.С.Мордвинову 8(20) апреля 1788 г.).

30. ОР РНБ Ф.885 (Эрмитаж. собр.). 1788. Д.80/19. Л.385 (А.С.Мордвинов - Гос.коллегии 24 мая (3 июня) 1788 г.); Там же. Д.80/20. Л.35 об. (Бенаки - Гос.коллегии 20(31) мая 1788 г.).

31. Там же. Л.121 с об. (А.Палладоклис - Гос.коллегии 19(30) мая 1788 г.).

32. Там же. Л.35 (Варука - Гос.коллегии 25 июля (5 августа) 1788 г.).
33. Там же. Д.80/19. Л.387 об. (Варука - Гос.коллегии 31 мая (10 июня) 1788 г.).
34. ОР РНБ. Ф.885. (Эрмитаж. собр.). Д.80/20. Л.35 (Варука - Гос.коллегии 24 июня (3 июля) 1788 г.).
35. Там же. Д.80/19. Л.459 об. (Конфиденциальная записка от 29 июня (8 июля) 1788 г.).
36. Б у т к о в с к и й Я. Н. Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. СПб., 1888. Т.1. С.80.
37. ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитаж. собр.). Д.80/19. Л.396 об. (А.С.Мордвинов - Гос.коллегии 3(14) июня 1788 г.).
38. АВПРИ. Ф.Сношения России с Венецией. Д.170. Л.12, 13 (И.Оливьери - А.С.Мордвинову 20(31) мая 1788 г.).
39. Там же. Л.24 (С.Миркович - А.С.Мордвинову 19(30) мая 1788 г.).
40. Там же. Ф.Сношения России с Венецией. 1788. Д.163. Л.21 с об. (А.С.Мордвинов - А.А.Безбородко 21 июня (1 июля) 1788 г.).
41. ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитаж. собр.). Д.80/20. Л.15 (Конфиденциальная записка от 3(14) июля 1788 г.).
42. Там же. Л.34 об. (Варука - Гос.коллегии 24 июня (3 июля) 1788 г.).
43. Там же. Л.48 (Варука - Гос.коллегии 27 июня (7 июля) 1788 г.).
44. АВПРИ. Ф.Сношения России с Турцией. 1788. Д.2072. Л.16 об. (И.А.Заборовский - А.А.Безбородко 9(20) октября 1788 г.).
45. ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитаж. собр.). Д.80/20. Л.352 (Штакельберг - Гос.коллегии 16(27) сентября 1788 г.).
46. Памятные записки А.В.Храповицкого... С.79-80.
47. С т а н о ј е в и њ Г. Указ.соч. С.206-209.
48. Наука побуждать. Век XVIII. (История Отечества в романах, повестях, документах). М., 1984. С.541.
49. См., например: С т а н о ј е в и њ Г. Указ.соч. С.226; Л у ч и њ Ч. Указ.соч. С.34.
50. См. например: П а в и њ е в и њ Б. Политика царицы Екатерины II према Црној Горе // Гласник Цетинских музеја. Цетинье. 1970. Бр.3. С.24-25; Б о й о в и ч И. Р. Россия и Черногория в конце XVIII - начале XIX в. // Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С.43.
51. П а в и њ е в и њ Б. Указ.соч. С.35-39; Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С.27-28; Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С.175; Политические и культурные отношения... С.376, 392.
52. РГА. Ф.1374. Оп.5. 1802-1806. Д.205. Л.1-38.
53. Там же. Л.4-8, 23-26.
54. Политические и культурные отношения... С.377.
55. АВПРИ. Ф.Сношения России с Черногорией. 1796-1800. Д.29. Л.38.
56. РГА. Ф.1374. Оп.5. 1802-1806. Д.205. Л.24 об.
57. См. текст в кн.: Б а ж о в а А. П. Указ.соч. С.274-278.

58. Записи. Цетинье, 1939. Кн. ХХП. Св.2. С.116.
59. П а в и е в и Б. Указ.соч. С.61.
60. РГИА. Ф.1374. Оп.5. 1802-1806. Д.205. Л.2-3
(М.Н.Муравьев - П.В.Лопухину, 1(13) июля 1806 г.).
61. АВПРИ. Ф.Сношения России с Черногорией. 1796-1800.
Д.29. С.117.
62. Там же. Л.113-114.
63. П а в и љ е в и љ Б. Указ.соч. С.70; АВПРИ. Ф. Сно-
шения России с Черногорией. 1796-1800. Д.29. Л.110.
64. К о р с а к о в А. С.Г.Зорич-Черноевич и основан-
ное им шкловское благородное училище // Журнал для чтения
воспитанникам военно-учебных заведений. 1850. Т.87. № 347.
С.358-377.

И.Ф.Макарсва

РОССИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОТНОШЕНИИ К НЕЙ БОЛГАР
(начало XIX в. - 1875 г.)

Данная работа не претендует на всестороннее освещение проблемы восприятия России различными слоями болгарского общества в XIX в. Да и вряд ли эта задача может быть решена в короткой статье. Скорее, ее следует рассматривать как частное исследование в рамках изучения специфики формирования этнопсихологических стереотипов, тем более, что вопросы, связанные с анализом роли и значения "русского" фактора в общей структуре менталитета болгар эпохи Возрождения до сих пор не получили в научной литературе должного освещения. Немногочисленные исследования, касающиеся данной тематики, посвящены в основном более раннему периоду¹ или имеют обобщающий характер². Между тем эпоха, наступившая вслед за прекращением полуфеодалной анархии рубежа XVIII-XIX вв. и продолжавшаяся вплоть до начала Восточного кризиса (1875 г.), представляет особый интерес. Именно в это время контакты болгар с русскими впервые приобретают по-настоящему широкий и всесторонний характер, что не могло не влиять на характер общественного сознания.

При этом необходимо сразу подчеркнуть, что в центр внимания данной работы поставлен анализ представлений прежде всего широких народных масс. Взгляды интеллигенции будут рассматриваться лишь отчасти, в той степени, в какой они соответствовали или противоречили воззрениям остальной массы населения. Такой подход диктуется прежде всего тем, что в рассматриваемый период болгарская интеллигенция составляла еще слишком незначительный процент населения. И хотя ее голос на общественной сцене был по вполне понятным причинам наиболее громким, хотя она уже начала претендовать на роль выразителя сознания своего народа, однако об-

ший уровень социально-экономического и политического развития населения данного региона (слишком отсталого даже по критериям того времени) вряд ли соответствовал этим претензиям выпускников русских и европейских учебных заведений.

Что касается источниковедческой базы, то результатом данной постановки вопроса является ее искусственная минимализация. Поэтому многочисленные материалы, встречающиеся в болгарской прессе, а также высказывания различных деятелей национально-освободительного движения, характеризующие их отношения к России, приобретают второстепенное значение. На первый план выступают данные, обязанные своим появлением работе первых фольклористов и этнографов, начавших в XIX в. сбор болгарских песен, преданий, поверий. Большую ценность представляют также записки иностранных путешественников и некоторые произведения болгарской художественной и публицистической литературы, отразившие непосредственные впечатления образованных современников от общения с теми или иными носителями массового сознания[№]. Однако во избежание дальнейших недоразумений необходимо сразу оговориться, что имеющиеся в наличии данные не позволяют делать масштабных реконструкций, так как в количественном отношении сюжеты, связанные с Россией, занимают в источниках место довольно скромное.

Если говорить в целом о восприятии болгарами России, то для них это прежде всего была страна, населенная единоверным, этнически близким народом. Информация эта имела характер общеизвестной и не вызывала в тот период никаких сомнений. Источником ее для широких слоев населения были прежде всего русско-турецкие войны XVIII-XIX вв., периодически ставившие два народа в условия тесного контакта. Можно спорить, насколько активно помогали болгары русской армии и был ли их энтузиазм по поводу ее появления явлением повсеместным, но несомненным следствием явилась языковая и

[№] Автор выражает искреннюю благодарность А.А.Улуняну за помощь, оказанную в выявлении необходимых материалов.

конфессиональная идентификация пришельцев.

Отчасти этому способствовала позиция как самого русского командования, так и местного духовенства. Сохранились многочисленные обращения различных русских чинов к болгарскому населению, составленные в период военных действий, в которых особо отмечался факт религиозной и этнической общности. Так, например, генерал-майор Турчанинов в открытом письме жителям города Врацы (1811 г.), благодаря их за оказанную помощь, не забыл особо подчеркнуть, что это было "усердие к единоверцам и собратиям"³.

Духовенство со своей стороны также не чуждалось агитации в пользу русских. Связанное с Россией традиционно крепкими узами, оно видело в ней естественного защитника православия. Известны, в частности, прямые распоряжения султанских властей, запрещавшие священникам восхвалять во время службы победы русских царей над турками⁴. Сохранились также документы, в которых представители болгарского духовенства прямо агитировали в пользу русских войск намануне или в период активных военных действий. Среди наиболее известных можно назвать воззвания к соотечественникам епископа Софрония Врачанского, обнародованные им в 1810 г. в связи с наступлением русской армии в Северной Болгарии. В одном из них он, в частности, призывал местное население к оказанию всесторонней помощи русским, аргументируя это тем обстоятельством, что они не "чужденцы", а "единоверные" и "единокровные братья"⁵.

Таким образом, необходимый минимум информации, причем информации абсолютно достоверной, у болгар имелся. Являясь основой восприятия России, он априорно определял и отношение широких народных масс к этой стране как к родственному этно-конфессиональному социуму. Однако эти два компонента, хотя и наиболее важными для массового сознания, структура представлений не ограничивалась.

Судя по некоторым данным, в народе существовало мнение, что близость между болгарами и русскими носит гораз-

до более тесный характер, чем это можно предполагать на первый взгляд. Возможно, поводом для этого могли послужить сведения об историческом переселении болгар с берегов Волги. Сомневаться в том, что информация того или иного рода об этом событии циркулировала в самых различных слоях общества, почти нельзя. Начиная со времени появления "Стематографии" Хр. Жефаровича (1741 г.) и "Истории славяно-болгарской" Паисия Хилендарского (1762 г.) данный факт постепенно стал одним из краеугольных камней не только национальной историографии, но и общественного сознания. В XIX в. название Волги в связи с событиями древней болгарской истории встречается в самых различных источниках: от прессы до личной переписки и литературных произведений.

Существует большое искушение назвать в качестве еще одного возможного источника возникновения такого рода воззрений известную в России и в кругах болгарской интеллигенции теорию Ю. Венелина о "болгаро-россах", нацеленную, по-существу, на отождествление древнего русского и болгарского этнического массива. Однако представляется маловероятным, чтобы рядовое население Болгарии могло интересоваться в XIX в. какими-либо научными теориями, не говоря уж об иностранных.

Гораздо более убедительным выглядит предположение, что скорее информация о наличии в южных областях России большого количества болгарских поселенцев (имевшая в Болгарии в силу личных связей характер общеизвестной) могла стать основой для нестандартного отношения к ней. Кроме того, в народном сознании представления о существовании этнической близости с русскими в не малой степени базировались на мнении, что казаки — значительная часть населения южных областей России — являются на самом деле этническими болгарскими. Сведения такого рода, хотя исключительно отрывочные и скудные, в источниках встречаются.

Наиболее полно и последовательно они нашли изложение у Л. Каравелова, который проявлял большой интерес к сбору фо-

льклорных и этнографических материалов. В частности, в 1861 г. он опубликовал небольшой рассказ, в котором передал некоторые сказания, слышанные им в детстве от своей бабушки. Рассказ так и называется "Неда (рассказ моей бабушки)". В нем автор вспоминает, что, опираясь на авторитет местного священника, его бабушка пребывала в уверенности по поводу того, что казаки - в действительности чистокровные болгары, которых русские когда-то пригласили к себе на службу для организации из их числа особого войска для борьбы с турками⁶. В качестве одного из "неопровержимых" доказательств этой теории рассказчица называла внешний вид казачьих шапок, которые являлись, по ее мнению, точной копией болгарских национальных головных уборов. А как дополнительное доказательство приводилось мнение турок, чье раздражение при виде шапок на головах болгар объяснялось, оказывается, их уверенностью в тождестве казаков и болгар.

Аналогичная мысль проводится и в сказании, записанном Л. Каравеловым в Шипке со слов нищего певца-гуслеяра (1867 г.) Речь в нем идет о некоем герое Беклеше, которого Екатерина II послала вместе с Суворовым и Потемкиным освобождать Болгарию⁷. Судя по контексту, Беклеш был несомненно болгаринном, но прибыл из Московии. Сражался же во главе отряда, состоявшего из русских и казаков. Воином он был беспощадным и даже после смерти не давал покоя туркам. И лишь благодаря вмешательству английской магии с трудом удалось отправить его воинственную душу обратно в Московию.

Можно было бы рассматривать сказанное о Беклеше как отражение в эпосе конкретного эпизода участия болгар в одной из русско-турецких кампаний, однако комментарии гуслеяра свидетельствуют именно о сознательной попытке установления этнического тождества. Комментарий же состоял в том, что певец спокойно пояснил Каравелову, что "московцы - это болгары"⁸, чем вызвал немалое удивление последнего. Однако расспрашивать дальше Каравелов не считал нужным, решив, вероятно, что старик просто заговаривается, имея в

виду, что и русские, и болгары православные.

Можно было бы не придавать сколь-нибудь серьезного значения приведенным свидетельствам, тем более, что они имеют характер единичных. Однако параллельно выясняется, что информация, отчасти сходная с вышеизложенными народными фантазиями, циркулировала и в образованных слоях болгарского общества. И не только циркулировала, но подчас сознательно использовалась в политических целях.

В данном случае речь идет прежде всего о скандально известной брошюре Г. Раковского "Переселение в Россию", изданной им в 1861 г. Цель брошюры состояла в возбуждении антирусских настроений в среде потенциальных болгарских переселенцев, что должно было, по мысли автора, затормозить их отток в Россию и, соответственно, воспрепятствовать приходу на освободившиеся земли татар и черкесов из Крыма и Кавказа. Исходя из поставленной задачи, Раковский не скупился на черную краску в описании истории болгаро-русских отношений. Особый же акцент делался на "разоблачении" ассимиляторской сущности политики России, проводимой по отношению к населению якобы исконно болгарских областей — Малороссии и Волжской Болгарии. В нашем случае исключительный интерес представляет тема малороссийских болгар.

В трактовке Раковского предки современных украинцев являлись никем иным, как этническими болгарами. Их история такова. Оказывается, что области, которые в XIX в. носили название Малороссия, были заселены болгарами еще до правления царя Симеона (X в.) и составляли неотъемлемую часть Великого Болгарского царства. Затем эти земли попали в руки "русских мучителей". Болгары подверглись насильственной ассимиляции, но все же сумели сохранить свою этнокультурную самобытность, о чем свидетельствуют, по мысли автора, язык, песни и обычаи малороссов. И хотя в конечном итоге они все же потеряли свое болгарское самоназвание, однако русским так и не удалось внедрить в их среду свой этноним⁹.

Информация такого рода, активно распространявшаяся в народе представителями патриотически настроенной интеллигенции, независимо от поставленной цели могла иметь своим результатом двоякий эффект. С одной стороны, вызывать недоверие к русскому правительству, а с другой — утверждать во мнении, что Россия действительно этнически родственная страна.

Что же касается народа, то результаты агитации против русского правительства вряд ли оказывали серьезное влияние на отношение рядовых болгар к России в целом и тем более к русскому царю, так как для массового сознания той эпохи было характерно резкое размежевание таких понятий как "царь" и "правительство". Тем более, что в данном случае речь шла не просто о монархе, чья добрая воля обычно искажается чиновниками-лиходеями, а об единственном в мире истинно православном государе. Отношение же к нему болгарского народа было совершенно особенным.

Хорошо известна та чрезвычайная степень популярности, которая сопутствовала на Балканах имени и образу Петра I. Он первым из русских монархов начал открытую борьбу с Портой, первый позволил себе открытые заявления об освободительной миссии русского оружия на православном Востоке¹⁰ и откровенные поиски политических союзников среди подвластных туркам народов; именно под его командованием русские армии впервые появились в непосредственной близости от Дуная (Прутский поход 1711 г.). Неудивительно, что его имя воспевалось южными славянами в песнях (знаменитая сербская песня, известная обычно под названием "Песнь похвальная царю Петру Московскому"), а его образ нашел прямое отражение в болгарском фольклоре, воплотившись, в частности, в фигуру победоносного царя—"рибара"¹¹.

Едва ли не меньшей популярностью пользовалась продолжательница дела Петра императрица Екатерина II (в фольклоре выступающая обычно под именем царицы Катеринь). Вот как, например, описывает отношение к ней в своем дневнике участник русско-турецкой кампании 1806-1812 гг. А.Г.

Краснокутский¹². В 1808 г., будучи отправлен курьером в Стамбул, он остановился в крестьянской семье недалеко от города Сливена. Каково же было его удивление, когда болгарин и члены его семейства начали вдруг с восторгом целовать изображение Екатерины II на серебрянных монетах, которые он раздал детям хозяина. При этом они приговаривали, что давно слышали об этой великой государыне, которая хотела спасти их от жестокого ига.

Судя по многочисленным свидетельствам современников, большим уважением среди болгар пользовался также император Николай I, а позднее Александр II. Любовь простого народа к Николаю I была столь велика, что его имя при жизни превратилось в эпоним — "Дядо Никола", олицетворяя собой надежду на освобождение. Бабушка Неда говорила внуку: "...Дядо Никола хочет прогнать турок и вернуть болгарам царство"¹³. Такая реакция в народе вполне естественна, так как именно во время правления Николая I (1825–1855 гг.) Россия вела на Балканах две крупномасштабные войны (1828–1829, 1853–1854). Известны даже случаи, когда портретами Николая I болгары украшали свои жилища. В качестве классического примера такого рода обычно приводят патетическую сцену из повести И.Вазова "Чичовцы". Среди прочих свидетельств можно назвать наблюдения русского писателя В.В.Крестовского, который в 1877–1878 гг. по своим личным впечатлениям и со слов местных жителей утверждал, что многие болгары в закрытых киотах прячут портреты покойного императора Николая Павловича и Александра II¹⁴. Причем этого "обычая", возможно, не чурался даже кое-кто из интеллигенции. Во всяком случае, судя по одному письму Д.Миладинова (1858 г.), в его доме хранился портрет Николая I¹⁵.

Говоря об отношении болгар к русскому царю, уместно также будет напомнить, что параллельно с фигурами реальных правителей XVIII–XIX вв. в народе пользовался почитанием и собирательный образ освободителя "Дядо Ивана". В литературе давно дискутируется вопрос о времени его возник-

новения. Существует мнение, что, возможно, это XV или XVI в. Эту точку зрения впервые обосновал болгарский ученый Й. Трифонов (1908 г.)¹⁶. Он считал возможным связывать начало формирования этого образа с именами Ивана III и Ивана IV. Факт женитьбы Ивана III в 1472 г. на византийской принцессе Софье Палеолог и признание в 1561 г. царского достоинства ее потомка Ивана IV могли, по его мнению, послужить толчком для активизации устного народного творчества и превращения этого имени в эпоним для обозначения не только русских правителей, но и России в целом. Позднее эта точка зрения была оспорена И. Снегаровым, который был склонен датировать возникновение этого образа серединой или концом XVII в.¹⁷

Как бы то ни было, но в XIX в. он уже прочно утвердился в народном сознании, однозначно ассоциируясь с идеей освободительной миссии России в болгарских землях. Имеется достаточно свидетельств современников о восторженном приеме местными жителями русских воинов в период кампаний 1828-1829 и 1853-1854 гг., когда так или иначе всплывало имя "Дядо Ивана". Этот материал благодаря стараниям советской и болгарской послевоенной историографии стал достаточно хрестоматийным, поэтому вряд ли стоит подробно на нем останавливаться. В качестве примера приведем лишь реакцию на появление русских войск (1854 г.) жителя города Тутракана Ил. Блыскова, вот что записавшего в своих воспоминаниях: "Какая радость для болгарского населения, которое сегодня видит промеж себя русское воинство. То, что предсказывали наши отцы и деды по поводу Дядо Ивана, то, что мы считали сказкой, сном, сегодня это произошло на наших глазах... О радость, радость"¹⁸.

Называя отношение болгар к русскому царю особенным, нельзя не остановиться и на некоторых фантазиях, которые бытовали в народе в связи с этим персонажем и наличие которых превращало отношение к правителю иностранного государства в явление неординарное. В данном случае речь идет о своеобразных болгаро-русских династических контаминациях, наблюдаемых как по материалам фольклора, так и в выс-

казываниях современников.

Что касается памятников фольклора, то они представляют особый интерес, поскольку являются отражением сознания не одного, а сразу многих поколений. И хотя русские сюжеты не занимают в них особо важного места, однако их разработка порой столь тесно переплетена с представлениями болгар о судьбах собственной государственности, что вряд ли это может иметь характер случайности. Прежде всего речь идет об исторических сказаниях о судьбе двух последних (мифических) болгарских царей — Константина и Асеня, записанных русским исследователем В. Качановским в 70-х годах XIX в. на северо-западе Болгарии.

Одно из этих сказаний относится к широко известному песенному циклу о смерти царя Константина¹⁹. В болгарских землях этот образ совместил в себе сразу троих исторических персонажей: Константина Великого, последнего византийского императора Константина Палеолога и последнего тырновского царя Ивана Шишмана. В сказании речь идет о завоевании турками константинова царства, всеобщей гибели (за исключением двух царских сыновей) и разорении. В данном же случае важно то обстоятельство, что наследники царского трона находят себе спасение ни где-либо, а в России. Причем это убежище оказывается предопределенным как бы свыше: накануне роковых событий царице снится вещий сон, предсказывающий гибель царства и падение короны и спасение царевичей в России. Заканчивается песня загадочным пророчеством: "Два ми сина царство земат"²⁰, позволяющим предполагать, что возвращение законного государя, которому суждено возродить царство, следует ожидать с севера.

Другое из интересующих нас сказаний посвящено судьбе болгарского царя Асеня²¹. Речь в нем идет о вынужденной эмиграции Асеня в Россию и о вливании болгарской династии в русскую. События развиваются следующим образом. Хотя вдали от родины Асень проживает инкогнито, однако его сын, рожденный от русской крестьянки, благополучно ста-

новится мужем дочери русского царя. После смерти отца он оказывается обладателем тщательно хранившейся болгарской короны и документов, необходимых для поиска царской сокровищницы. Для их возвращения царевич отправляется в Болгарию. Находит он их под Софией в селе Урвич, после чего переносит в Россию.

Таким образом, согласно логике повествования, Россия – это страна вынужденного проживания прямых потомков болгарских царей, место хранения их царских регалий и казны. Современная же русская династия оказывается как бы прямым продолжением династии болгарской, а следовательно ее миссия в Болгарии не может быть иной, чем освободительная, а статус законным.

При анализе вышеприведенных сказаний возникает вполне понятное искушение объявить их последними рецидивами средневекового мифотворчества, записать в разряд уникальных, т.е. нетипичных, и тем самым предельно локализовать их значение в общей системе менталитета болгар. Однако существуют данные, хотя и сравнительно малочисленные, что представления подобного рода еще не являлись в XIX в. в полном смысле атавистичными, а продолжали развиваться, впитывая в себя политическую конкретику.

Одним из подтверждений может служить информация, приведенная Л.Каравеловым в записках о его путешествии по Болгарии (середина 60-х годов)²². Как уже упоминалось, в Шипке ему довелось повстречаться с низким старцем, зарабатывавшим себе на жизнь исполнением старинных песен и принадлежавшим, как оказалось, к гильдии гуслиров-профессионалов. Их центрами, т.е. пунктами, где они зимовали и обменивались собранными песнями, были город Битоля и село Балдево Татарпазарджикского округа. От этого гуслира Каравелов и услышал еще одно, на этот раз откровенно политизированное, рассуждение о проживании истинных болгарских царей в России. В частности, старик сказал, что помнит еще те времена, когда болгарками правили царица Катерина, царь Павел, а затем Александр, Николай и, наконец, нынешний го-

сударь Александр П. В ответ же на попытку Каравелова возразить, что в Болгарии они никогда не правили и что царями болгар являются султаны, заявил, что его собеседник, видно, еще слишком молод и глуп, раз не знает, что "султаны - это цари турок, а наши цари живут в Московии"²³.

Очевидцем высказывания подобных взглядов стал в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русский писатель В.В.Крестовский. В городе Систове в доме богатого торговца Вылко Павурджиева он неожиданно стал свидетелем пространный рассуждения хозяина на данную тему²⁴. Объясняя присутствие в своем доме и в домах других болгар скрытых портретов русских царей, он отнес это на счет старой традиции, передаваемой из поколения в поколение, согласно которой родители тайно показывали детям изображение того или иного русского царя, поясняя, что это "наш истинный, законный, православный болгарский царь", "которого ожидаем и которому служим"²⁵. Самому Вылко Павурджиеву это говорила в детстве его мать. Сейчас он в свою очередь повторяет то же самое своему сыну, который уже прекрасно усвоил, что хотя в данный момент над болгарями господствует иноверец-султан, однако на севере существует другой царь - истинно законный государь, "который придет и освободит болгарский народ от ига"²⁶. Оправдывая распространение воззрений такого рода, хозяин высказался в том духе, что для народа они жизненно необходимы, так как "царь - это знамя, символ, вековое ясное понятие", что "без царя нельзя"²⁷.

Признавая за объяснениями Вылко Павурджиева право на существование, вместе с тем необходимо отметить, что причины возникновения в сознании народа болгаро-русских династических контаминаций вряд ли можно объяснить лишь желанием народных масс во что бы то ни стало иметь "своего" царя. Не исключено, что не последнюю роль в данном случае сыграли некоторые вполне конкретные события XVI-XVII вв. И одним из них вполне могли стать распоряжения константинопольского патриарха Иоасафа (середина XVI в.), предписавшего

всем епархиям своего диоцеза (куда входили и болгарские земли) регулярно поминать в церковных службах имя московского государя. Это распоряжение сопровождало церемонию признания царского достоинства Ивана IV. Однако в нашем случае особую важность приобретает то обстоятельство, что текст здравицы был составлен таким образом, что мог послужить толчком для возникновения в народе представлений о существовании некой связи между правителями Руси и древними болгарскими царями. Без каких-либо дополнительных пояснений прихожанам приходилось слушать от духовенства призывы к Богу подать "многолетнее здравие благоверному и благочестивому Царю нашему... как и прежним древним царям"²⁸. Сначала это было имя Ивана IV, но существуют сведения, что и после его смерти данная практика сохранялась. Так, например, в XVII в. константинопольский патриарх Константин Дукарис утверждал, что имя Михаила Романова по-прежнему присутствует в текстах церковных служб²⁹.

Другим важным источником народного мифотворчества могла стать информация о судьбе потомка видинской ветви династии Шишмановичей Ростислава Срацимира и потомка тырновской ветви династии, оставшегося в истории под именем Шишмана III. Известно, что после подавления Второго Тырновского восстания (1686 г.) Ростислав Срацимир (один из его непосредственных руководителей) нашел убежище в Московском государстве. Он получил от русского правительства имение в Смоленской губернии и стал родоначальником дворянского рода Ростиславичей Дубровских. О судьбе Шишмана III, провозглашенного участниками Первого Тырновского восстания (1598 г.) новым болгарским царем, историкам ничего достоверно не известно. Сохранились лишь сведения, что после разгрома восстания в народе ходили упорные слухи, что Шишманович не погиб, а бежал в Россию³⁰. Однако независимо от их достоверности память об этом, также как и о реальном спасении Ростислава Срацимира, могла послужить отправной точкой для устного народного творчества.

При этом также необходимо иметь в виду, что трактовка

России в любом качестве, связанном со спасением сакральных для православных христиан ценностей (в данном случае речь идет о династии), облегчалась еще и тем, что могла опираться на традиционно популярные в регионе настроения мессианско-эсхатологического толка, в которых роль России, также традиционно, была достаточно значительной.

Мистические настроения, типичные для христианства в целом и связанные с ожиданием грядущего конца света и приходом Спасителя, получили на Балканах особое распространение начиная со второй половины XIV в. В этом же контексте современниками воспринималось и неудержимое нашествие османов, и последовавшее в 1453 г. падение Константинополя. В регионе появился большой спрос на различного рода толкования и пророчества, в которых с течением времени России отводилось все большее место.

Уже в середине XVI в. александрийский патриарх Иоаким находил предсказания относительно возвышения Руси и наследования ею Византии в самом Апокалипсисе³¹. Большую популярность получило пророчество о неминуемой гибели Османской империи, сделанное еще в XV в. будущим константинопольским патриархом Геннадием Схоларием. По одной из версий, пользовавшейся в XVII-XIX вв. наибольшей популярностью, причиной ее падения уже прямо считалась Россия, народ которой, "соединясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит..."³².

Если же верить сообщениям посещавших Москву греков, то приходится делать вывод, что вера в освободительную миссию России стала на Балканах едва ли не общераспространенным явлением не позднее XVII в.³³ Причем, судя по этой информации, не только православные, но и турки верили, что приход русских и свержение полумесяца предсказаны в священных книгах. В турецкой среде имели хождение апокрифы, приписывающие корану наличие скрываемых от верующих пассажей, в которых содержатся предсказания о гибели мусульманства и, в частности, предупреждение остерегаться народа, имя которого начинается с буквы "р"³⁴.

Наличие в балканском обществе настроений такого рода подтверждается и наблюдениями иностранцев. Так, уже в 1703 г. в своей записке о положении турецкого народа русский посланник граф П.А.Толстой отмечал, что турки больше всего ненавидят и боятся русских, поскольку в их книгах написано, "что держава турецкая будет низвергнута и власть душманская искоренена" именно русскими³⁵. Эта злоба подогревается, по его наблюдениям, также надеждами христианских подданных получить избавление от рабства с помощью России. Аналогичные сведения содержатся и в описании путешествия архимандрита Порфирия Успенского, посетившего Балканы в 1845 г. В частности, он записал, что здесь не только греки и славяне, но и турки имеют "пророческую уверенность" в неизбежности победы русских над исламом и взятии ими Царьграда³⁶.

Итак, если исходить из тезиса о существовании в массовом сознании болгар стереотипов, трактующих Россию не только как единоверную и этнически близкую страну, но и как государство, важной составной частью населения которого являются болгары, государство, правители которого неким таинственным образом связаны с древней болгарской династией, государство, чье мессианское предназначение на православном Востоке предсказано как христианскими, так и мусульманскими пророчествами, то становится понятным, на каком основании в народе могли сформироваться представления об особой миссии России в болгарских землях. Сущность же этой миссии состояла даже не столько в изгнании турок, что считалось само собой разумеющимся, сколько в восстановлении древней болгарской государственности.

Особенно явно эти настроения проявились в канун и в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Но, судя по отдельным уже упоминавшимся высказываниям, не были чем-то особенным и в более ранний период. Причем необходимо отметить, что представления такого рода были, по всей вероятности, настолько распространены, что частично затрагивали даже слои интеллигенции, отнюдь не склонной в ту

эпоху разделять "заблуждения" и "предрассудки" народных масс.

Вот лишь один из ярких примеров. Вскоре после окончания Крымской войны доктор И.Селиминский, один из образованнейших и авторитетнейших в среде болгар деятелей, написал интересную работу, посвященную разоблачению предательской роли соседних христианских народов в исторической судьбе болгар, которая так и называлась "Некоторые моменты отношения болгар к соседним христианским народам"³⁷. Она содержала в себе не только многочисленные претензии в адрес греков, сербов и молдо-влахов, но и упреки русским чиновникам, недостаточно внимательно относящимся к нуждам переселенцев. Другими словами, критический подход вроде бы налицо. Однако в разделе, посвященном внешней политике России, доктор Селиминский начинает вдруг почти дословно цитировать все ту же бабку Неду: русские императоры - наследники Петра Великого приняли наихристианнейшее решение помочь православным народам, подвластным туркам, "вернуть себе свою старую славу"³⁸, т.е. "вернуть царство" (как говорила Неда).

Особенно поражает, что подобные взгляды были распространены не только среди людей, знавших о России главным образом понаслышке, но и среди тех, кто жил в ней и имел возможность сопоставлять самые различные точки зрения. Одним из таких был М.Греков, активный деятель национального движения, родившийся в семье болгарских переселенцев и получивший образование в Николаевской гимназии Минкова. В 1899-1904 гг. он опубликовал в Болгарии свои воспоминания, в которых, в частности, изложил собственное понимание целей и задач внешней политики России³⁹.

Особенно интересны рассуждения М.Грекова относительно особого характера отношения России к болгарам. Выразилось это уже в названии специальной главы, посвященной участию России в болгарских делах - "Войны, которые вели русские ради освобождения болгарского народа". В ней четко проводится мысль, что едва ли не вся военная и политическая ак-

тивность России на Балканах была продиктована стремлением освободить болгар и возродить их царство⁴⁰. По мнению автора, открыто эта задача не провозглашалась лишь из тактических соображений, так как болгары не были сразу готовы к получению свободы по той простой причине, что не имели необходимых кадров. Русское правительство понимало это и взяло на себя миссию подготовки болгарского народа к грядущему освобождению. Греков считал, что именно этим следует объяснять открытие на юге России, т.е. в районе с наиболее благоприятным для болгар климатом, специального учебного заведения - Николаевского пансиона, который лишь из конспиративных соображений был назван не Болгарским, а Южно-славянским. Из этих же соображений параллельно было открыто и военное заведение, однако его деятельность на территории России могла вызвать, с точки зрения автора, преждевременное афиширование замыслов и даже международные осложнения. Поэтому Вторая болгарская легия, призванная, по мнению Грекова, обеспечить будущее болгарское государство необходимыми военными кадрами, была открыта не в России, а в Белграде. Конечным результатом столь продуманных и долговременных действий русского правительства и явилось возрождение болгарского государства.

Даже Хр.Ботев - нигилист, последователь Н.Чернышевского и С.Нечаева, учившийся в России и максимально далекий от идеализации ее правительства и политики, - не был свободен от влияния некоторых, по всей видимости чрезвычайно распространенных в среде болгар установок. Проявилось это, в частности, в статье, напечатанной им в 1874 г. в бухарестской газете "Независимость" по поводу появившихся в австрийской прессе утверждений о возможности сближения России и Турции⁴¹. Ботев дал гневную отповедь апологетам русско-турецкой дружбы, заявляя, что она невозможна в принципе, так как Россия не отречется от "собственных братьев" и "никогда не позволит другим народам втаптывать в грязь имя славян"⁴².

Говоря об устойчивости в болгарском обществе прорусских

установок, необходимо все же иметь в виду, что XIX век явился одновременно и веком их кульминации (особенно, если вспомнить настроения периода 1876–1878 гг.), и веком их эрозии. Эта эрозия имела исторически предопределенный характер, так как была напрямую связана как с общей сменой приоритетов в сфере сознания (несколько запоздавший переход от мифологизированного к политизированному мышлению нового времени), так и с естественной активизацией всевозможных международных связей и средств массовой информации, вымывающих почву из-под предвзятых стереотипов прошлого.

Существование тесной взаимосвязи между территориальной близостью народов и жизнеспособностью идеализированных стереотипов стало очевидным чуть позднее. Когда русские войска все же освободили Болгарию и массовый контакт болгар и русских стал фактором повседневной действительности, легендарные представления о России окончательно ушли в прошлое. Как точно подметил З. Стоянов, после освобождения, а именно в 80-е годы XIX в., ее восприятие получило в различных болгарских землях вполне определенную местную специфику. В Македонии, куда ни разу не вступала нога русского солдата, русский царь продолжал оставаться едва ли не богом, а Россия – "землей обетованной"; во Фракии русский царь стал для населения прежде всего "святым Петром", т.е. потенциальным освободителем; а в княжестве Болгария – "просто царем и человеком"⁴³.

Но если для 80-х годов данное наблюдение было справедливо по отношению к самым широким слоям болгарского общества, то для периода, предшествовавшего Восточному кризису, его можно с некоторыми натяжками использовать лишь по отношению к наиболее политизированной прослойке интеллигенции. Причем даже в этой среде первые отчетливые признаки разрушения мессианского имиджа России можно обнаружить в основном с середины 40-х годов, т.е. со времени начала болгаро-греческой церковной распри, в ходе которой выяснилось, что позиция России вовсе не обязана совпадать

со всеми инициативами, идущими из местных национал-патриотических кругов. Именно тогда Неофит Бозвели подверг резкой критике в своем меморандуме по церковному вопросу политику России, нацеленную на сохранение единства православия в Османской империи. В дальнейшем вал критики постепенно нарастал, распространяясь в конце 50-х – начале 60-х годов также на позицию России в связи с подписанным ею и Турцией соглашением о благоприятствовании встречных миграционных потоках из Северной Болгарии в южнорусские области и из Крыма и Северного Кавказа в Северную Болгарию. Нельзя сказать, что антирусские настроения стали типичными для болгарской интеллигенции, однако именно по поводу этих двух тем ее выступления в печати имели наиболее резкий характер.

Однако здесь начинается уже особая тема: проблема воздействия средств массовой информации и других методов пропаганды на сознание широких слоев населения. С возникновением в Болгарии слоя местных (национальных) политиков она постепенно приобретает все большую остроту. Вместе с тем, вопрос о восприятии обществом того или иного фактора начинает терять смысл, так как само сознание подвергается искусственному форматированию в угоду политическим задачам, амбициям или конъюнктуре. История Болгарии предоставляет богатый материал для изучения данной проблематики, но это тема специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Снегаров И. Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI-XVIII в. С., 1953; Дубовик О. А. Российская проблематика в сочинениях болгарских просветителей XVIII в. // Славяне: адзінства і многастайнасць. Минск, 1990. Секц. 3. С.16-18; Макарова И. Ф. Легендарные представления болгар о России в XV-XVIII вв. // Балканские исследования. Вып.16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. М., 1992. С.130-140; Макарова И. Ф. Болгарские книжники о России (XVIII – начало XIX в.) // Век просвещения, Балканы и Россия (в печати).

2. Флоринский Т. Воззрения южных славян на Русь (по историческим свидетельствам и народным песням) // Славянское обозрение. 1892. № 3. С.196-209; Трифонов Ю. Историческое объяснение на вярата в "Дядо Ивана" (Русия)

у българския народ // Библиотека на Славянска беседа. 1908. Т. I. С. 124-199; Д е р ж а в и н Н. С. "Дядо Иван" (Българска народна историческа легенда) // Племенни и културни връзки между българския и руския народ. С., 1945. С. 103-109; P e t r o v i c h М. В. The Russian Image in Renaissance Bulgaria (1760-1878) // East European quarterly. 1967. N 8. P. 87-105.

3. Факсимилно изображение текста документа см.: История на България. Т. 5. Българското възраждане. С., 1985. С. 180.

4. Публицистика на Любен Каравелов. Статии, дописки, писма. С., 1957. С. 232, 270.

5. С о ъ р о н и й В р а ч а н с к и. Избрани творения. С., 1946. С. 155-167.

6. К а р а в е л о в Л. Избрани произведения. С., 1954. Т. I. С. 188.

7. К а р а в е л о в Л. Записки за България и за българите // Възрожденски пътеписи. С., 1969. С. 227-228.

8. Там же. С. 227.

9. Р а к о в с к и Г. Съчинения. С., 1922. С. 474-475.

10. С о л о в ъ в С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Т. 16. С. 74-77.

11. К а ч а н о в с к и й В. Памятники болгарского народного творчества. Вып. I. Сборник западноболгарских песен. СПб., 1882. С. 213-214.

12. Руски пътеписи за българските земи ХУП-ХІХ в. С., 1986. С. 71-72.

13. К а р а в е л о в Л. Избрани произведения... С. 194.

14. Руски пътеписи... С. 374.

15. Б р а т я М и л а д и н о в и. Преписка. С., 1964. С. 54.

16. Т р и ф о н о в Ю. Указ. соч. С. 32, 48-49.

17. С н е г а р о в И. Указ. соч. С. 16-25.

18. Б л ъ с к о в Ил. Петдесет годишната от руско-турска война в 1854 г., наречена Кримска от моите лични наблюдения // Славянски глас. 1905. № 4. С. 161-162.

19. К а ч а н о в с к и й В. Указ. соч. С. 235-236.

20. Там же. С. 233.

21. Там же. С. 215-217.

22. К а р а в е л о в Л. Записки... С. 227.

23. Там же.

24. Руски пътеписи... С. 374-375.

25. Там же.

26. Там же. С. 375.

27. Там же.

28. М у р а в ъ в А. Н. Сношения России с Востоком по делам церкви. СПб., 1885. Т. I. С. III.

29. С н е г а р о в И. Указ. соч. С. 14.

30. З л а т а р с к и В. Български въстания и опити за въстания до средата на ХІХ в. // България 1000 години. 927-1927. С., 1930. Т. I. С. 711.

31. Муравьев А. Н. Указ.соч. С.89-93,150-151.
32. Мутафчиева В. Предсказанията за края на Османската империя (към въпроса за руско-балканските културни връзки през XIX в.) // *Studia balkanica*. 8. Балкански културни и литературни връзки. С., 1974. С.113.
33. Каптерев Н. Ф. Характер отношения России к православному Востоку в XVI-XVII столетиях. М., 1885. С.352-353.
34. Мутафчиева В. Указ.соч. С.113.
35. Руски пътеписи... С.32.
36. Порфирий Успенский, архимандрит. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г. Киев, 1877-1880. Ч.1. С.3.
37. Селимински И. Съчинения. С., 1989. С.311-350.
38. Там же. С.312.
39. Греков М. Спомени. С., 1971.
40. Там же. С.63.
41. Ботев Хр. Публицистика. М., 1952. С.55-57.
42. Там же.
43. Стоянов З. Съчинения. С., 1966. Т.3. С.151.

А.А.Улунян

РУССКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ
ВОЙНЫ 1853-1856 гг. О БОЛГАРИИ И БОЛГАРАХ

Светлой
памяти моей мамы
Аракси Петровны
посвящается

Военные действия на Балканах и пребывание русских войск на болгарской земле вызывали естественный интерес русской общественности к событиям в Болгарии, к ее истории и культуре. Удовлетворить этот интерес стало возможным благодаря русской периодической печати.

Положение в русской периодической печати значительно осложнилось после революционных событий 1848 г. в Европе. В России начался период реакции, так называемого "мрачного семилетия" (1848-1855 гг.). По указанию Николая I был учрежден негласный Комитет по делам печати, которому вменялось в обязанность, "ввиду серьезных упущений цензуры", проверять содержание изданных книг и опубликованных статей в периодической печати.

Комитет не заменял цензуру, а контролировал выходящую печатную продукцию. Все пожелания и замечания, относившиеся к конкретным печатным изданиям, представленные комитетом, просматривались и утверждались царем и передавались как его личные распоряжения и указания.

Дело доходило до курьезов. В одной из газет была напечатана статья о петербургских извозчиках, которые "брали не по таксе". Цензура незамедлительно сделала строгое внушение редактору газеты: "Не допускать в печать никаких, хотя бы косвенных порицаний действий и распоряжений правительства и установленных властей, к какой бы степени сии

последние не принадлежали"¹.

Прессе до 1866 г. запрещалось непосредственно, прямым путем, получать из-за рубежа политические телеграммы. Все необходимые сведения поступали в редакции из МИДа, где осуществлялась цензура. В начале 50-х годов стало возможным вместо публикации извлечений из иностранной прессы получать сообщения собственных корреспондентов, которые также подвергались строгой цензуре². Отдельные улучшения газетного дела не облегчили положения в отношении цензуры, она оставалась и подвергала досмотру даже заведомо благонадежные издания. Понимая роль прессы как массового вида информации, правительство старалось, чтобы любая новая газета, получившая разрешения на выход в свет, являлась проводником его политики. В то же время оставались сложности с распространением прессы, розничная продажа газет не разрешалась, запрет был снят только в 1865 г.³ Газеты выписывались частными лицами, библиотеками учебных заведений, кабинетами для чтения при редакциях газет, дворянскими и купеческими клубами, ресторанами и трактирами. К концу 40-х – началу 50-х годов газеты, имевшие 2–3 тыс. подписчиков, считались успешными изданиями. К высокотиражным относились газеты, выходящие в количестве от 4 до 9 тыс. экземпляров⁴.

В периодической печати времен Крымской войны следует выделить несколько направлений. Консервативно-монархическое, охранительное, было представлено газетой Ф.И.Булгарина "Северная пчела", официальной газетой военного министра "Русский инвалид", а также "Военным журналом", основанным "по высочайшему соизволению", издаваемым военно-ученым комитетом под руководством начальника Главного штаба. Редакция журнала обращала внимание читателей, что на его страницах не будет места политике, критике как персональной, так и существующих учреждений⁵. И, наконец, журналом "Москвитянин", который начал выходить с 1841 г. при непосредственном содействии министра просвещения графа С.С.Уварова. Лейтмотивом журнала стал тезис о Западе как о "раз-

лагающемся трупе", и он призывал "опереться на русские самобытные начала, которые помогут России спасти мир и повести его за собой"⁶. В "Москвитянине" сотрудничали славянофилы, считавшие этот журнал наиболее близким им по своему направлению.

К либерально-консервативной прессе можно отнести "Московские ведомости", руководимые с 1850 по 1855 г. профессором М.Н. Катковым, находившимся в то время на либеральных позициях, "Санкт-Петербургские ведомости" во главе с либеральным журналистом А.А. Краевским и "провинциальный" "Одесский вестник", который благодаря своей близости с зарубежными и отечественными центрами болгарской эмиграции имел возможность одним из первых получать информацию из Болгарии.

Журнал "Отечественные записки", направление которого в начале 40-х годов было антикрепостническим, демократическим, в период "мрачного семилетия" превратился в "умеренно-либеральный орган"⁷. Литературный ежемесячный журнал "Современник", цензурное давление на который в 1848-1855 гг. небывало возросло, сумел сохранить свои демократические и просветительские позиции, но "в значительной степени потерял свой наступательный, боевой характер"⁸.

Приступая к исследованию интересующей нас темы, нельзя обойти молчанием предысторию русско-турецкого конфликта, вылившегося в войну европейской коалиции против России.

Война со всей наглядностью показала социально-экономическую отсталость Российской империи. Исчезло представление о ее военном могуществе и, как писали впоследствии "Московские ведомости", "рухнула вера в пригодность для России прежней системы ее внутренних порядков. Все заколебалось, все подверглось вопросу. Весь строй старых порядков сделался ненавистен. Необходимость как можно скорее перетряхнуть заржавевшую государственную машину и заменить в ней все гнилое здоровым и крепким сознавалась всеми и каждым"⁹.

Таким печальным и прискорбным для страны оказалось самодержавное правление российского императора Николая Павловича Романова. Все это станет ясным несколько позже, а скоропостижная смерть императора приводила к мысли, что царь, по-видимому, не смог смириться с трагическим результатом своей деятельности.

Как известно, очередной Восточный кризис, возникший в начале второй половины XIX в., привел к русско-турецкой войне 1853–1856 гг., получившей название Крымской. Интересно мнение о Восточном кризисе иностранца, современника событий. Свои соображения он высказал в статье "Восточный вопрос", опубликованной в газете "Ля Ассамбле Националь", извлечения из которой даны в "Русском инвалиде" 26 января 1854 г. "Одна из особенностей Восточного вопроса, — приходил к выводу автор, — заключается в том, что он не только длится бесконечно, но и представляет еще беспрестанно видоизменения, которые кажутся новыми, потому что о них забыли. Едва успеют перестать видеть в нем угрозу войны и революционных смут для Запада, как он является уже вопросом о даровании новых прав восточным христианам".

Официальным поводом к войне послужил спор о "святых местах" и праве России покровительствовать православным подданным султана. В действительности война была продолжением борьбы между западноевропейскими государствами и Россией за влияние в Турции и на Балканском полуострове.

Не умаляя вины и "личной ответственности" Николая I в возникновении конфликта с Портой, вылившегося в войну с западноевропейской коалицией¹⁰, по-видимому, следует учесть некоторые факторы, способствовавшие уверенности императора России в правильности проводимой им внешней политики.

Николай I верил в доброжелательный нейтралитет Австрии как плату за помощь, оказанную ей в 1848 г. в подавлении венгерской революции, и в искренности дружественных русско-английских отношений. Свидетельство тому сткровенные

беседы Николая I с английским послом в Петербурге сэром Гамильтоном Сеймуром, состоявшиеся в январе-феврале 1853 г., о немерении полюбовно разделить турецкое "наследство". Впервые царь заговорил о Турции как об "умирающим человеке" с английским статс-секретарем по иностранным делам лордом Д.Эбердином во время своего визита в Англию 19(31) мая 1844 г.¹¹ В беседе с послом зимой 1853 г. император заверил его в своем "доверии английскому правительству" и просил считать эту беседу "свободным обменом мнениями", без всяких "обязательств и соглашений". Николаю I важно было "в случае необходимости слово джентльмена". "Для нас это достаточно"¹², - резюмировал император свою встречу с послом. И последнее, Николай I был уверен в невозможности англо-французского союза.

Действительно, отношения между Англией и Францией нельзя было назвать союзническими, судя по отношению первого секретаря французского посольства в Константинополе Сабатье к беседе с английским дипломатом, будущим послом Англии в столице Османской империи 25 мая (6 июня) 1853 г. "...Сэр Стратфорд Каннинг был у меня и распространялся о своих симпатиях к Франции и о необходимости придти к соглашению. Я говорил, разумеется, в том же тоне и целый час восторгался англичанами, но я не верю ни слову из всего сказанного им"¹³. Царь еще долго оставался убежденным, что англо-французский союз невозможен и международная обстановка не угрожает России в войне с Портой, хотя сомнения в отношении наполеоновской Франции, которая могла встать на сторону Турции, были¹⁴.

Непомерное честолюбие и чрезмерная самоуверенность Николая I, лишенного в последние годы царствования способности критически оценивать позицию оппонентов, настораживало ближайшее окружение царя. С этим связана и нерешительность сановников, знавших крутой нрав самодержца, высказывать свое мнение, не совпадающее с мнением императора, относительно предпринимаемых им опасных внешнеполитических акций, чреватых негативными последствиями¹⁵.

Расстановка политических сил и общественное мнение в Европе накануне Крымской войны были не в пользу России. Либерально-демократическая общественность западноевропейских стран неприязненно относилась к Николаю I и считала царскую Россию оплотом всемирной реакции.

Николай I не замечал противоречий между Россией и Англией в решении возникшего Восточного кризиса, он не разглядел истинную политику британского правительства¹⁶, считавшего Турцию антирусским форпостом на Востоке для защиты собственных интересов. Ошибочным было и предположение царя о благожелательном нейтралитете Австрии в случае русско-турецкой войны. "Австрийское и прусское правительства, обязанные Николаю своим существованием, с тревогой и завистью следили за ролью России на Востоке, страшась ее гегемонии"¹⁷. Вена стремилась сохранить статус-кво на Балканах, что означало фактически продолжение владычества Турции над славянскими народами полуострова и обеспечивало дальнейшее господство Австрии над славянами, населявшими Габсбургскую монархию. Англия и Франция также не скрывали своей вражды к русской монархии. "...Наполеону нужна была война. Она была необходима, чтобы отвлечь Францию и чтобы запугать Европу. Этот ничем не стеснявшийся игрок был не из тех людей, которые отступают перед подобной авантюрой"¹⁸.

Миссия А.С.Меншикова, прибывшего в Константинополь 16(28) февраля 1853 г., заранее была обречена на провал из-за чрезмерных требований Николая I. Так, например, в случае отказа принять выдвинутые условия царь угрожал Порте признать независимость Дунайских княжеств. Попытка вмешаться во внутренние дела Порты получила резкий отпор турецкого правительства, за спиной которого стояла английская дипломатия, стремившаяся использовать внешнеполитические просчеты царя, чтобы полностью подорвать влияние России на Балканском полуострове и в Турции. Интриги английского посла Стрэтфорда Каннинга, который с 1853 г. стал называться лордом Стрэтфордом-Рэдклиффом, способствовали

приближению войны. Чтобы столкнуть Россию и Турцию он не остановился перед подлогом. Посылая в Лондон копию текста договора между Россией и Турцией, предложенного А.С. Меншиковым, он заменил в предложении "...русское правительство получает право, как в прошлом, д е л а т ь п р е д с т а в л е н и я (турецкому правительству. - А.У.) в пользу церкви и духовенства..." на "д а в а т ь п р и к а з н"¹⁹. Такая поправка вызвала возмущение английского правительства и общественности.

Военные и государственные деятели Англии в войне с Россией рассчитывали уничтожить русский черноморский флот и его главную военно-морскую базу и крепость Севастополь, захватить Крым и установить свое господство в бассейне Черного моря. Об этом плане подробно написал в своих мемуарах А.Кинглейк, офицер штаба главнокомандующего английской экспедиционной армией в Крыму²⁰. В правящих кругах Англии и Франции находились политики, мечтавшие после победы над Россией отторгнуть Прибалтику, Финляндию, Польшу, Украину и Белоруссию, Крым и Кавказ и передать эти территории своим союзникам.

Более двух месяцев миссия А.С.Меншикова находилась в столице Османской империи. Не останавливаясь подробно на всех перипетиях дипломатических переговоров, о которых достаточно подробно и много написано, отметим, что миссия чрезвычайного и полномочного посла, генерала и адмирала А.С.Меншикова закончилась провалом. Объявив Порте о разрыве дипломатических отношений, русская делегация вместе с персоналом посольства 9(21) мая 1853 г. покинула Константинополь и на корабле "Громобой" направилась в Одессу.

14(26) июня 1853 г. Николай I издал манифест о занятии русскими войсками княжеств Молдавия и Валахия. Царь приво-
дил в исполнение свою угрозу Порте. 21 июня (3 июля) 1853 г. авангард русской армии пересек реку Прут и направился в сторону Бухареста - русские войска вошли в Дунайские княжества. Опережая события, следует отметить, что за время пребывания российских войск в княжествах с июня 1853 г. по

июль 1854 г. отношения с властями и населением стали настолько дружественными, что командующий русскими войсками М.Д.Горчаков ходатайствовал о награждении "особенно полезных лиц"²¹.

В связи с вступлением российских войск в Дунайские княжества и боевыми действиями на ее территории с частями турецкой армии в русской периодической печати стали появляться сообщения и обзоры о событиях на Дунайском театре военных действий. Наряду с сообщениями о военных действиях в отечественной периодической печати читатель мог найти статьи и рецензии на книги о вооруженных силах Турции, о современном ее состоянии и историческом прошлом. "Военный журнал" опубликовал рецензию на книгу немецкого автора Губерта Бёна о состоянии турецких вооруженных сил, переведенную на русский язык. Высоко отзываясь о турецкой артиллерии, достигшей успехов благодаря высококвалифицированным европейским инструкторам, автор критически относился к пехоте и кавалерии. Он считал, что от былой славы турецкой кавалерии "прежнего в ней не осталось ничего". По мнению рецензента, труд немецкого офицера "является теперь как нельзя более кстати"²². В одном из номеров "Современник" напечатал "Исторический очерк о вооруженных силах Турции"²³. Представляя читателю недавно вышедшую в Москве книгу о Европейской Турции, содержащую географическое описание "областей", ее составляющих, "Москвитянин" подчеркивал актуальность работы, "вызванной современными политическими обстоятельствами"²⁴. Журнал "Современник" в нескольких номерах опубликовал статьи со сведениями о современной Турции, ее административном управлении и характере султана, о турецких законах и судопроизводстве, политическом значении шейх-уль-ислама и др.²⁵

Знакомясь с воспоминаниями, статьями, рецензиями на книги и брошюры времен Крымской войны, опубликованными в периодической печати, можно констатировать, что представление Николая I о Турции как о "больном, умирающем человеке" находило отклик среди некоторой части русского об-

щества. Участник войны штабс-капитан И. Корвин-Павловский в своих воспоминаниях писал о "друзьях и опекунах разлагающегося трупа Турции"²⁶. Неизвестный русский, долго живший на Востоке и "превосходно" его знавший, в своей работе, написанной в виде писем из Парижа, сообщал важные данные о "государственном управлении некогда Блистательной, теперь померкающей Порты"²⁷. В рецензии на небольшую брошюру с неуказанным автором, представленной в "Москвитянине", содержались четыре предсказания о падении Турецкой империи. Об этом же писал в "Обзрении Оттоманской империи" Е. Сречевский²⁸. Анализируя все предшествовавшие деяния турецких завоевателей, Е. Сречевский поддерживал мнение царя об "умирающем человеке". Свой вывод он мотивировал, кроме прочего, оживлением интереса в последнее время к истории и географии Турции как государства, которое в ближайшее время будет в историческом прошлом. Размышления автора сводились к следующему: "В то время, когда турки, неправом силою вдвинувшиеся в Европу, заняли юго-восточную ее оконечность, образовали у себя империю и, страшные своим варварством, имели некоторое значение в системе европейского государства, тогда никто не думал писать их историю. В настоящее время, когда этот народ доживает последние дни свои, на всех языках появляются книги, занимающиеся историей и географией Турции. Это отчасти понятно. Как ни малозначителен народ этот, как ни ничтожны примеры, которые оставит он в истории, но целые четыре столетия он жил в семье государств европейских, наделал столько зла нашим христианским братьям, что надо же дать и ему хотя не белую страницу в истории ... Легче говорить о народе в последние минуты его жизни, нежели писать его историю, руководствуясь посмертными памятниками его существования, которых к тому же и останется очень мало...".

Критике подверглось и само название Европейская Турция. 30 марта 1854 г. "Московские ведомости" опубликовали статью С. Правдина "Что такое Европейская Турция", в которой автор выражал несогласие именовать Балканы Европей-

ской Турцией. Свое отрицательное отношение к такому названию С.Правдин мотивировал существованием на Балканском полуострове независимого Греческого королевства и имевших свою политическую самостоятельность Дунайских княжеств, Сербии и Черногории. Остальные земли, находившиеся под турецким владычеством, приходил к выводу автор статьи, не могли называться Европейской Турцией, так как турки находились в меньшинстве по сравнению с народами, населявшими эти земли. Из 11.970 тыс. населения Балканского полуострова славяне составляли 6.240 тыс. человек, этнических турок было всего 700 тыс. и принявших ислам славян, греков и др. 1.250 тыс.

Выражая на страницах периодической печати свое негативное отношение к Турции и предвещая ей гибель в ближайшем будущем, пресса выдавала желаемое за действительное.

Иллюзии Николая Павловича о быстрой и легкой победе в войне с Турцией, о чем он писал в конце 1852 г., рассчитывая занять Константинополь одним ударом — высадкой десанта в количестве двух дивизий при 62 орудиях²⁹, привели к очередному политическому просчету самоуверенного царя. Россия оказалась на грани войны. "Если война все же вспыхнет, — писал 21 июня 1853 г. современник событий К.Маркс, — это, по нашему мнению, произойдет оттого, что Россия зашла слишком далеко для того, чтобы пойти назад без ущерба для своей чести. И, кроме того, мы полагаем, что Россия только потому была так чрезмерно смела, что все время рассчитывала на попустительство Англии"³⁰. Высказывания Маркса свидетельствуют, что даже постороннему наблюдателю было ясно, на кого рассчитывала Россия в своих действиях.

31 июля (12 августа) 1853 г. была сделана последняя попытка предотвратить назревавший военный конфликт. По предложению австрийского министра иностранных дел Буоля фон Шауэнштейна с согласия правительств Англии, Франции и Пруссии в Россию и Турцию была направлена Венская нота, суть которой состояла в том, что Порта обязывалась соблюдать все условия Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров

об особых правах и преимуществах православной церкви³¹. В иной международной обстановке Николай I навряд ли согласился бы с вмешательством западной дипломатии в вопрос, относящийся непосредственно к внешнеполитическим проблемам самой России. Но в Петербурге наконец поняли, к чему могло привести дальнейшее обострение отношений с Портой, и Николай I дал положительный ответ на ноту. Английский посол в Константинополе Стрэтфорд-Рэдклиф, узнав о возможном примирении, невзирая на подпись представителя английского правительства под Венской нотой приложил максимум усилий и использовал все свое влияние на правительство Турции, чтобы не допустить мирного исхода русско-турецкого диалога. В итоге Порта отклонила Венскую ноту. Страна, в дружбе и поддержке которой царь был уверен, не оправдала его надежды. Судя по последствиям, английская дипломатия создавала видимость стремления к миру, иначе посмел бы чиновник не выполнить решения правительства и остаться безнаказанным.

22 сентября (4 октября) 1853 г. Турция объявила войну России. 26 сентября (8 октября) 1853 г. главнокомандующий турецкой армией на Дунайском театре военных действий Омер-паша* предъявил ультиматум русскому главнокомандующему М.Д.Горчакову: в течение 15 дней вывести русские войска из княжества, в случае невыполнения турецкая армия начнет военные действия. Не дожидаясь истечения срока ультиматума, 27 сентября (9 октября) турецкая артиллерия обстреляла проходившую вверх по Дунаю русскую флотилию. 16(28) октября 1853 г. турецкий отряд численностью 7 тыс. человек начал боевые действия на Закавказском участке фронта, напав ночью на таможенный пост св. Николая (Кобулет), расположенный вблизи "маленького гурийского городка" Озургети (Махарадзе). Охрана поста состояла из двух рот Черноморского линейного батальона, двух орудий и нескольких

* Омер-паша (Михаил Лотош) — родился в Хорватии, служил в Австрии, позже приехал в Турцию и принял ислам.

милиционеров, всего в количестве 255 человек во главе с капитаном Щербаковым. Пользуясь фактором внезапности и своим численным превосходством, турки перебили защитников таможни, спаслось около 10 человек. "Их зверства в Николаевске, — по словам генерал-адъютанта князя Э.Витгенштейна, — ... не имеют имени! Они распяли управляющего таможней... и обратили его в цель для своих практических выстрелов; они раскаленными клещами до смерти истерзали доктора; они распилили священника между двумя досками и забили ужасными способами всех женщин и детей; они вырезали ребенка у одной беременной женщины еще живого и разорвали его на части на глазах умиравшей матери"³².

21 октября (2 ноября) 1853 г. Николай I обнародовал манифест о начале войны с Турцией. 18 (30) ноября 1853 г. русская эскадра черноморского флота под командованием адмирала П.С.Нахимова разгромила в Синопской бухте турецкую эскадру из 16 боевых и транспортных кораблей, готовившихся продолжить путь из Константинополя в Батум с воинскими грузами³³. Лишь одному, самому мощному и быстроходному пароходу "Тайф", на борту которого находился Мушавер-паша — принявший ислам англичанин Слейд, — удалось спастись и доставить в столицу известие о разгроме турецкой эскадры. Блестящая победа русских моряков, не потерявших ни одного корабля, вызвала растерянность и озлобление среди сторонников Турции в Западной Европе. После Синопского сражения Порты обратилась к Австрии с нотой, в которой выражала согласие восстановить мир с Россией на условиях, близких с Венской нотой. Такой поворот событий не устраивал Англию и Францию, они не придали значение турецкой ноте и, в нарушение Лондонской конвенции 1840—1841 гг., ввели свои корабли в Черное море³⁴. Действия английского и французского правительств, пренебрегавших желанием Порты мирно урегулировать начавшийся военный конфликт, со всей очевидностью подтвердили, что Турция оказалась заложницей англо-французской дипломатии, направленной против России. Незвестный рецензент брошюры, автор которой не указан, писал на стра-

ницах "Современника", что война России с Турцией и ее союзниками, как она представлялась в самом начале, фактически стала войной "... между Россией и двумя западными державами, которые оттолкнули Турцию на второй план и на военном, и на дипломатическом поприще..."³⁵.

15 (27) февраля 1854 г. Англия и Франция предъявили России ультиматум с требованием покинуть Дунайские княжества.

18 февраля 1854 г. "Московские ведомости" опубликовали речь графа Грея в Палате лордов, выступившего с резкой критикой английской политики на Балканах и в Турции. Не останавливаясь подробно на содержании его речи, характеризующей лицемерие английской дипломатии в ее стремлении защитить суверенитет Османской империи, Грей заметил: "... Кто читал собрание дипломатических актов и видел, как тянули несчастного султана то в ту, то в другую сторону по вопросу о святых местах, тот согласится со мною, что говорить о независимости Оттоманской империи было бы горькою насмешкой". Напоминая членам Палаты о турецкой тирании в Болгарии, граф Грей обратился к ним с вопросом, о какой независимости Османской империи может идти речь "без достаточного рассмотрения характера и существа этой державы". Далее, раскрывая перед собравшимися историческое прошлое турок, он констатировал: "Что такое турки и турецкое владычество? Мы знаем происхождение этого владычества; знаем, что орды диких варваров ... силою меча завоевали одну из прекраснейших стран света; знаем, что в течение четырех веков турки топчут ногами жителей этой страны и что самовластное их угнетение остановило просвещение народа. Нам говорят теперь, что в Турции произошли большие улучшения, что характер турок совершенно изменился и что они совсем не те, какими были прежде. Не вижу доказательств этих слов... Как и прежде, видим мы, что завоевательное племя не изменило первобытного своего варварства, а у просвещения заняло одни лишь пороки, как и прежде, видим мы, что покоренное племя страдает под жестким и унижительным угнетением".

Выступая в защиту славянских народов Балканского полу-

острова, Грей предвидел их победу, предупреждал, что в случае войны христианские народы полуострова выступят на стороне России, и призывал правительство воздержаться от всякого вмешательства в конфликт. В заключение своего выступления он обратился с вопросом к членам Палаты лордов: "Я спрашиваю у тех, которые теперь подстрекают Турцию к сопротивлению, чтоб остановить распространение влияния России, что мы выиграем от нашей политики? Христианские державы, которые возникнут в турецких провинциях, будут почитать Россию своей союзницей, а Англию и Францию союзницами турок".

13 марта 1854 г. "Санкт-Петербургские ведомости" напечатали краткое изложение брошюры, изданной в Эдинбурге, в которой неизвестный автор выступал в защиту России. С критикой в адрес покровителей Турции, восхвалявших ее "преуспевание" и суливших ей "блистательную будущность", выступила французская газета "Ля Ассамбле Националь". Перевод упоминавшейся статьи "Восточный вопрос" 26 января 1854 г. опубликовал "Русский инвалид". Ее неизвестный автор обращался к сторонникам Порты с вопросом, кто конкретно отвечает за это "преуспевание" и можно ли верить "этой будущности"? На поставленные вопросы автор сам же ответил. "Там, где вы показываете мне начинающееся просвещение, я не вижу ничего, кроме ... четырехвекового варварства! Там, где вы хотите заставить меня благоговеть перед праводушным и расположенным к добру султаном, я вижу только главу улемов, которые завтра же могут продиктовать ему какую-нибудь ф е т ф у старого фанатизма...". Продолжая далее о перспективах "преуспевания" в будущем, автор статьи ссылаясь на результаты Гюльханского хатти-шерифа 1839 г., гарантировавшего сохранность жизни, чести и имущества подданных султана. Все эти обещания, как известно, остались на бумаге, так как одним из главных противников реформ был сам султан Абдул-Меджид.

Французская газета разоблачала ложь о якобы "преуспевающих" реформах в Турции, публикуя выдержки из книги фран-

цузского ученого, профессора Ж.-А.Бланки, посетившего Болгарию в 1841 г., о дикости и жестокости турок по отношению к христианскому населению. "Европа, справедливо принимавшая столь живое участие в деле негров, — писал Бланки, — не совсем знает, что у ворот ее и, даже можно сказать, в ее недрах, существует с лишком семь миллионов людей, таких же христиан, как и мы, которых правительство, имеющее при себе аккредитованных посланников от всех христианских держав, называет собаками, и м е н н о п о т о м у , ч т о о н и х р и с т и я н е!". Правящие круги Англии и Франции, на словах выступавшие защитниками балканских христиан, в действительности покровительствовали Турции, сохраняя ее господство на Балканах.

28 февраля (12 марта) 1854 г. союзники заключили с Турцией военный союз. 15(27) марта 1854 г., не получив ответа на свой ультиматум, Англия и Франция объявили войну России.

Английский генерал Дж.Бургойн, находившийся в то время в Париже, в письме своему другу вынужден был признать: "Я чрезвычайно удивился, узнав здесь, что война с Россией из-за Восточного вопроса не популярна... во Франции"³⁶. Супруг английской королевы Виктории, принц Альберт "с тревогой писал о недовольстве, с которым было встречено известие о войне в английской армии и флоте"³⁷. Если принц был озабочен неприятными известиями, то английские владельцы мануфактурных фабрик не теряя времени решили воспользоваться возможностью получить очередную прибыль. Как сообщали "Московские ведомости", ссылаясь на английскую газету "Атлас", в турецкой армии большой популярностью пользовались "корановые рубахи" — английские хлопчатобумажные рубашки с набивкой на них "главных правил Корана голубыми буквами. За эти рубахи платят вдесятеро, потому что турецкие солдаты приписывают им непроницаемость от пуль и сабель... Из этого видно, — резюмировала московская газета, — как англичане умеют соединять безопасность турок с своими торговыми выгодами"³⁸.

Война в самый начальный период, судя по воспоминаниям

современников, не была популярна и в России, не вызвала воодушевления идти на жертвы, "...войска собирались равнодушно, по привычке безусловно повиноваться — и только..."³⁹. Апатия, с которой многие офицеры отнеслись к началу войны, объяснялась отсутствием конкретных причин, вызвавших войну, "...кроме каких-то отвлеченных политических соображений, нам совершенно чуждых и непонятных"⁴⁰, — писал участник войны П.Алабин. Некоторая часть офицеров откровенно высказывала свое недовольство. В неопубликованных записках о войне офицер И.С.Вдовченко вспоминал: "... война, в которой я, признаюсь, участвую с отвращением. Чтобы воевать усердно, надобно иметь идею, за что охотно пожертвовал бы жизнью, а так, по прихоти деспота, подставлять лоб, право никому нет охоты"⁴¹.

Как свидетельствуют секретные жандармские донесения из разных губерний России в Третье отделение накануне разрыва отношений с Турцией, население войны не хотело и желало мирного исхода переговоров⁴². Совершенно по-другому проявилось отношение к войне, "... как только европейская коалиция окончательно образовалась, когда со всех сторон приходилось ожидать вторжение врага... Необходимость обороны стала всем понятна и все, что мыслило и могло действовать в России, сосредоточилось на этой цели"⁴³.

16 марта, на следующий день после объявления войны России союзниками, в "Московских ведомостях" профессор С.М.Соловьев выступил со статьей "Начало борьбы России с Турцией", в которой проводил аналогию борьбы русского народа с чужеземным нашествием во второй половине XV в. В приводимом автором отрывке из летописи тех времен говорилось о летописце, призывавшем, "увещавшем" соотечественников к мужественной борьбе с иноземным завоевателем, чтобы их не постигла печальная участь греков и славян Балканского полуострова, потерявших свою государственность и попавших под турецкое иго.

Борьба с вражеской коалицией вызвала подъем патриотических настроений. В Москве и Петербурге было издано множест-

во агитационных брошюр лубочного типа, сборников стихов, песен, эпиграмм про солдат союзной армии, например: "Заморские гости", "С нами Бог. Вперед! Ура!", "Сборник патристических стихотворений русских поэтов про турок, англичан и французов" и др.⁴⁴

Желание помочь России в тяжелое для нее время проявили иностранцы, жившие в Петербурге. Весной 1854 г. к правительству России обратились уроженцы Швейцарии художник Немере и Конрад Ислер (последний жил в России с 1833 г. и служил в конторе купца 2-й гильдии Понжиса) с просьбой разрешить сформировать стрелковый батальон из немцев, проживавших в Петербурге. С аналогичным предложением обратился купец Бурден, пожелавший сформировать французский стрелковый батальон. Правительство поблагодарило за проявленную благожелательность к России, но от услуг отказалось, мотивируя отсутствием необходимости в этом⁴⁵.

Ввиду сосредоточения армии на левом берегу Дуная внимание русского командования было привлечено к его правому берегу – к Болгарии. Мысль о том, как болгарский народ встретит русские войска и окажет ли он ей содействие, беспокоила представителей коалиции. Их также интересовало политическое сознание и активность болгар в их антагонизме с турками. Английские и французские дипломаты, аккредитованные в Константинополе, вели активную антирусскую пропаганду. Разъезжая по городам Болгарии, они старались убедить болгарское население, что только при содействии Англии оно сможет улучшить свое положение и получить привилегии от султана. Однако все попытки убедить болгар, что союзники сочувствуют их положению, не увенчались успехом. Болгарское население негативно относилось к их прояскам, а болгарские учителя из Рушук (Русе), к которым обратился английский дипломат, чтобы они внушили народу преданность Англии, ответили, "что народ, издревле признательный к благодеяниям России, не может изменить постоянной привязанности своей к ней, тем более, что от Англии он никогда не видел никакой для себя пользы"⁴⁶.

Не менее интересные сведения о попытке французских дипломатов, Лонжевиля и Бертеми из посольства в Константинополе, привлечь болгарское население на свою сторону и реакции болгар на их действия, представлены в письме Н.Герова Н.Хр.Палаузову в Одессу: "... Англичане и французы такие же притеснители, как и турки, с тем только различием, что они, будучи образованнее и умнее, знают, как связать язык народа, чтобы нельзя было жаловаться на притеснения. Тщетны их старания очернить перед нами русских; напрасно они доказывают нам, что мы страдаем чрез русских. Мы судим просто: турки наши тираны; кто с ними, тот против нас, а кто за нас, тот против них..."⁴⁷.

Красноречивое свидетельство отношения болгарского народа к России со всей очевидностью было продемонстрировано во время приезда русской миссии в Константинополь. "Когда прибыл князь Меншиков, - писал Г.С.Раковский, - всеобщий восторг охватил болгарский народ и каждый болгарин с радостью ожидал своего освобождения"⁴⁸. Пребывание чрезвычайного посла и полномочного представителя русского царя в столице Османской империи вселяло надежду и вызывало оживление среди местной болгарской колонии. Видные общественные деятели болгарской колонии обратились к А.С.Меншикову с просьбой принять их. Не жалея обострять отношения с Портой, он отказал в приеме болгарской делегации, но согласился передать царю прошение, в котором выдвигались требования к турецкому правительству. Главным из них было предоставление независимости болгарской церкви и право иметь свои училища, чтобы "собразовать своих детей на природном болгарском языке"⁴⁹.

В связи с обострением Восточного кризиса в 50-е годы XIX в. болгарские патриоты стали вести деятельную подготовку к вооруженному восстанию. К этому времени уже появляются политические организации болгарской буржуазии, и особенно в период Крымской войны, когда оживились надежды на освобождение Болгарии. В 1853 г. в Бухаресте видные деятели болгарской эмиграции - банкир Хр.Георгиев, купцы

Хр.Мустаков, И.Бакалоглу и врач В.Берон создали комитет "Эпитропию" ("Настоятельство"). Однако он вскоре распался, и при содействии русского военного командования было образовано Болгарское центральное попечительство (БЦП), состав которого значительно расширился. В задачу БЦП входило представлять через своих уполномоченных болгарский народ в Главной квартире русских войск и заниматься вербовкой добровольцев⁵⁰.

Болгарская политическая организация на юге России была одной из самых крупных эмигрантских политических организаций в России. Идейным руководителем и организатором болгарской буржуазии в Одессе являлся Н.Хр.Палаузов, известный общественно-политический деятель болгарской эмиграции. В июле 1853 г. он представил князю М.Д.Горчакову, главнокомандующему русской армией, записку "О нынешнем положении болгар в Европейской Турции", в которой говорилось о политических взглядах болгарских буржуазных кругов Одессы. В январе 1854 г. Н.Хр.Палаузов в "Записке о Болгарии", представленной русскому командованию, утверждал, что в случае военных успехов русских войск на Балканах в Болгарии вспыхнет всеобщее восстание и тысячи патриотов встанут в ряду повстанцев⁵¹.

В феврале 1854 г. в Одессе болгарские эмигранты основали Одесское болгарское настоятельство (ОБН) для связи с зарубежными болгарскими и помощи им в деле образования. 4 апреля 1854 г. Н.Хр.Палаузов, состоявший при командующем Южной армии уполномоченным по делам болгар, подал записку о "Формировании болгарских волонтеров"⁵². Болгарская эмиграция в Одессе и Бухаресте организовывала добровольческие отряды, которые принимали участие в войне.

В Болгарии в то время под руководством Г.Раковского, родоначальника болгарских революционеров, основоположника четнической (партизанской) тактики в болгарском национально-освободительном движении, велась подготовка к вооруженному восстанию. Организованное им "Тайное общество" должно было поднять восстание в момент вступления русских войск

на территорию страны и совместно с русской армией добиться освобождения Болгарии от иноземного ига. Практически же во время Крымской войны Г.Раковскому удалось собрать небольшой отряд, с которым он направился навстречу русским войскам, но отступление последних не позволило им соединиться.

II-13(23-25) марта 1854 г. русские войска успешно форсировали Дунай в трех пунктах: от Браилова, Измаила и Галаца, и в первые же дни были освобождены города Северо-Восточной Болгарии - Мачин, Тульча, Изакача, Бабадаг и очищена от противника Бабадагская область. "Неудивительно поэтому, - писал в "Одесском вестнике" 29 апреля 1854 г. историк-краевед Ф.К.Брун, подписавший статью "Нечто о Добрудже" инициалами Ф.Б.⁵³, - что журналы сообщают своим читателям подробное описание той части нынешней Болгарии, которая обыкновенно означаетя под именем Добруджи или Добрицы...".

Блистательная переправа через Дунай открыла путь в сердце Турции и была поводом к счастливым надеждам, которым не суждено было сбыться. Турецкие части отступили в сторону Базарджика, Варны и Шумлы. Командующий турецкими войсками Омер-паша, обеспокоенный слабой обороноспособностью Шумлы, заметил, что защитники крепости не в состоянии будут выдержать более двух суток и с горечью добавил: "К сожалению, надобно ожидать всеобщего восстания между болгарами, если русские двинуться вперед"⁵⁴.

Опасения Омер-паши не были лишены основания. Через неделю после высадки русских войск на болгарский берег, 20 марта 1854 г. "Московские ведомости", ссылаясь на немецкую газету "Альгемайне Цайтунг", сообщили, что в Болгарии "заметно сильное волнение", в Эски Загре (Стара Загора) произошло восстание, подавленное после сильного кровопролития. Турецкие солдаты произвели там "ужасные насильства над женщинами, девами и отроками". Карателями являлись солдаты из армии Омер-паши. Жители Эски Загры обратились с прокламацией на сербском языке к "своим

единоверцам". По сведениям газеты, в Сербии сформировано ополчение, правительство передало добровольцам 20 тыс. ружей. В ближайшее время, отмечала газета, должны начаться учения этого войска, количество которого составит 60 тыс. хорошо вооруженных человек.

Турецкие власти жестоко расправлялись с болгарами и другими христианскими народами Балканского полуострова за сочувствие к России. По сообщению немецкой газеты "Ное Пруссияе Цайтунг", которое перепечатали "Московские ведомости"⁵⁵, в Шумле турки учредили военно-полевой суд над христианами, проявлявшими сочувствие к России. 16 февраля 1854 г. в Шумлу привели 16 болгар, половина из них была расстреляна, другая отправлена на заточение в Малую Азию.

27 апреля 1854 г. "Московские ведомости" сообщали, что доведенные до отчаяния болгары и греки "образуют отряды гверильсов". Руководитель одного из партизанских отрядов, некто Илья Булюкбаса, с 200 болгарами преследует "дикие турецкие шайки", а монахи монастыря Рильчи (по-видимому, Рылского монастыря) набрали "храброе войско", которое возглавил всевода Злачан, и "делают чудеса". "Одесский вестник" и "Русский инвалид" в статьях, посвященных освящению знамени 2-го Дунайского казачьего полка, вспоминали об участии болгарских, сербских, греческих и албанских добровольцев в русско-турецких войнах 1807-1811 и 1828 гг.⁵⁶

Болгарское население освобожденных районов Болгарии встретило русские войска "с хоругвями и знаменами, они благословляли своих избавителей"⁵⁷. Участник военных действий на Дунайском театре, офицер П.Боровский выражал сожаление, что одна из переправ не состоялась в районе Видина; где русские части могли бы легко найти "связь с сербами и болгарами, на спокойствие которых теперь, кажется, турки перестали рассчитывать", и в случае успеха военных действий можно было бы поднять на вооруженную борьбу славян, находившихся по ту сторону Балканских гор. По словам П.Боровского, в апреле 1854 г. в Молдаво-Валахский отряд,

находившийся в то время на левом берегу Дуная, прибыл сербский капитан с "каким-то особым поручением" к начальнику отряда генерал-майору князю В.И.Васильчикову. Гости радушно встретили и познакомили "с нашим бытом, и наш соплеменник мог воочию убедиться в прекрасном состоянии войск". В период пребывания в Дунайских княжествах, писал П.Боровский, в крупных городах Молдавии и Валахии формировались отряды добровольцев из болгар, сербов, греков. Эти формирования назывались милицейскими отрядами, но из-за креста на головных уборах их прозвали крестоносцами, обучением их занимались русские офицеры и унтер-офицеры. Впоследствии они в количестве четырех батальонов вошли в состав Молдаво-Валахского отряда. По утверждению П.Боровского, во время нахождения русских войск на левом берегу Дуная к генералу П.П.Липранди приезжали делегации балканских славян и выражали желание оказать содействие русской армии в случае ее переправы на территорию Болгарии. "Действуют ли там наши агенты, чтобы поднять славян против турок, я не знаю, но являющиеся сюда представители славян обещают свое полное содействие и готовность к восстанию, коль скоро мы перейдем Дунай"⁵⁸.

Турецкое командование, как видим, имело все основания опасаться выступления болгар. На вопрос, интересовавший П.Боровского, относительно русских агентов, можно ответить отрицательно, так как ни в отечественной, ни в болгарской историографии он не получил подтверждения. По всей видимости, это действовали представители Болгарского центрального попечительства, основанного в Бухаресте видными деятелями болгарского национально-освободительного движения в связи с началом войны⁵⁹.

Наряду с основной переправой русских войск состоялась и незапланированная переправа у города Туртукая (Тутракан). Военная часть, расположенная в городе Олтенице на левом берегу Дуная, заняла небольшой остров, оставленный турками. Как только болгары увидели, что на острове русские, к острову на небольшой лодке приплыл "болгарин Ганю и от имени

всех жителей Туртукай, упав в ноги командиру Охотского егерского полка полковнику Бибикову, бывшему на острове, просил немедленно переправиться к ним, чтобы защитить их от турецких мародеров. ... Ганю заклинал ради Христа не пренебрегать их просьбам и занять Туртукай, где наше войско будет встречено как братья и избавители". Получив разрешение начальства, полковник Бибиков с солдатами на трех лодках направился в Туртукай. Жители встретили их "с распростертыми объятиями, священник вышел с крестом в облачении, старики поднесли хлеб-соль. Встреча была полна восторга; болгары целовали наших солдат, как родных братьев, угощали вином, хлебом, рыбой, кричали, что настал их час освобождения от проклятого ига... Болгары только просили ружей, пороха и свинца и предложили помогать нам в занятии передовых постов ... (выделено автором). Каждого из нас здесь встречают как друга, как гостя дорогого. Старики, дети с гордостью и торжеством нашили себе на грудь и на шапки бумажные кресты, другие, менее осторожные, выстригли это... святое знамение на своих бараньих шапках. Мы понимали речь здешних жителей, они понимают нашу, ... на всяком шагу видишь, что это искренние наши друзья, готовы с нами и за нас положить свой живот"⁶⁰.

Братская встреча со стороны болгарского населения глубоко тронула русского офицера и заставила задуматься о судьбе единокровного славянского народа, находившегося под жестоким иноземным игом. Не лишены интереса его размышления о нравственном и моральном долге России перед болгарским народом. "Болгария - колыбель нашей народности, - писал П. Алабин, - колыбель нашей веры, бросившей из Болгарии первые лучи на нашу землю, колыбель нашего языка. Не обязаны ли мы отплатить ей восстановлением ее народности, возвращением ее языку и ей должных прав, воскрешением ее веры в первобытном облике и животворной лучезарности?"⁶¹.

Успешно начатые боевые действия на территории Болгарии

против турецких войск приостановились из-за нерасторопности командования николаевских генералов. "Во всех бывших до сих пор сражениях на Дунае, — писал участник войны офицер П.Боровский, — каждый раз обнаруживался какой-либо существенный недостаток: или запоздалые распоряжения до начала боя, или раздробление сил, или несвоевременный приход подкреплений, или излишняя самоуверенность в действии штыком. Во всех почти встречах мы были малочисленнее турок, ходили в атаку против сильных позиций, не заботясь о подготовке их действием артиллерии. По-видимому, все это простые истины; но у нас имели, как кажется, неверное мнение о турках и особенно об их начальниках"⁶².

Эти слова можно полностью отнести к сражению за город-крепость Силистрию. Удачно форсировав Дунай в середине марта 1854 г., авангард русских войск сходу освободил города Северо-Восточной Болгарии. Численность войск вскоре достигла 45 тысяч. С таким количеством военной силы при умелом командовании, учитывая панику среди противника, застигнутого врасплох и не успевшего еще полностью закончить все укрепления крепости, можно было быстро с незначительными потерями овладеть Силистрией. Однако приказ о наступлении на Силистрию войска получили лишь к середине мая 1854 г., время было упущено, противник успел укрепиться. Началась осада крепости. 9(21) июня 1854 г. за час до начала штурма крепости прибыл курьер от фельдмаршала И.Ф. Паскевича с секретным приказом немедленно снять осаду крепости и начать срочную эвакуацию войск на левый берег Дуная. Изменения в планах русского командования произошли ввиду опасности нападения Австрии на тылы российских войск. Австрийские войска в количестве 150 тыс. стояли на границе Дунайских княжеств⁶³.

Заклучив договор с Портой, австрийское правительство взяло на себя охрану Дунайских княжеств, тем самым создавая Турции и ее союзникам благоприятные условия войны против России. Своими действиями Австрия изменила ход войны в пользу антирусской коалиции. Габсбургская монархия, обязан-

ная России целостью своего государства, оплатила ей черной неблагодарностью. Николай I негодовал: "Император австрийский не перестает поворачивать нож в моем сердце"⁶⁴. Безграничная самоуверенность царя, которую угодливо поддерживал граф К.В.Нессельроде, приносила свои печальные плоды.

Русская армия начала возвращаться на левый берег Дуная и временно дислоцироваться в Дунайских княжествах. Турецкие части преследовали отступавшие российские войска "на довольно солидном расстоянии", писал штабс-капитан И.Корвин-Павловский⁶⁵. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, созданной позицией Австрии, турецкие войска начали спешно занимать придунайские города, оставленные русской армией: Особое значение турецкое командование придавало Рушуку (Русе), сосредоточив там значительный воинский контингент. Готовилось форсирование левого берега Дуная для нанесения удара по русским войскам, находившимся на противоположном берегу у города Журжево (Гюргево).

20 июня 1854 г. 14-летний болгарский мальчик, обучавшийся в период Крымской войны в Рушуке скорняжному ремеслу, совершил патристический подвиг. Он решил предупредить русское командование о готовившемся нападении противника. Ночью, при помощи сосудов из бутылочной тыквы, с риском для жизни, он должен был проплыть более одного километра (500 сажень). Турецкие солдаты охраняли подступы к берегу, и чтобы отвлечь их внимание, Райчо с ведром для воды спустился к Дунаю, сбросил одежду и вошел в воду. Когда солдаты заметили его, он уже плыл к противоположному берегу, темнота спасла от вражеских пуль, пущенных вдогонку смельчаку. Русские солдаты и казаки, увидев приближавшегося пловца, почти голого мальчика, были удивлены и сразу не могли понять, в чем дело. Райчо, подходя к ним, начал осенять себя крестом и читать вслух "Отче наше", доказывая, что он христианин⁶⁶. Райчо был доставлен к генерал-адъютанту князю М.Д.Горчакову, которому доложил о составе турецких войск и их намерении напасть на русские войска.

Вскоре сведения, доставленные Райчо Николовым, полностью подтвердились. За свой смелый поступок, согласно указу императора, он был возведен в потомственное дворянство и награжден серебряной медалью "За усердие" на Анненской ленте^{*}. (Аналогичный поступок совершил в то время и 16-летний Ангел Тодоров). Более 10 лет Р.Николов провел в военных училищах, в рядах русской армии. Во время сербско-турецкой войны 1876 г. капитан Р.Николов командовал русско-болгарским батальоном добровольцев, в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. находился в составе Болгарского ополчения. Награжден орденом св.Анны 2-й степени. Погиб в Пловдиве в день воссоединения Северной и Южной Болгарии 6 сентября 1885 г.

Благодаря переходу российских войск за Дунай в Болгарии стало возможным восстановление храмов и снова начал "раздаваться отрадный церковный благовест, которого тамошние христиане не слышали в продолжении нескольких столетий"⁶⁷. Вступление российских войск на территорию Болгарии русская общественность восприняла как начало освобождения болгарского народа.

Российские солдаты были приятно удивлены схожестью болгарского и русского языков. По воспоминаниям участника войны, русским солдатам была понятна речь местных жителей, а те понимали своих освободителей⁶⁸. Однако русское командование не надеялось на славянское языковое родство и распространяло в армии изданные в Петербурге в 1854 г. русско-болгарские словари и разговорники, составленные О.Сенковским и воспитанником Московского университета болгаринном С.Филаретовым⁶⁹.

Отступление русской армии из Болгарии вызвало панику среди болгарского населения Добруджи и Бабадагской области. Старосты многих болгарских сел являлись к генерал-адъютанту князю М.Д.Горчакову с просьбой разрешить желающим уйти с русской армией "под крест единой верной с

^{*} В русскую периодическую печать сообщения о подвиге Р.Николова сделали Н.Хр.Палаузов и С.В.Филаретов.

ними России", иначе "все они погибнут жертвой мести и изуверства турок". Русское командование в лице М.Д.Горчакова оказало содействие и покровительство болгарским переселенцам.

II июня 1854 г. армия должна была вступить в Дунайские княжества, к этому дню на правом берегу Дуная собрались болгары из 29 сел со всеми своими вещами, скотом и домашней птицей. Для приема и сопровождения болгарских переселенцев, которых было более 900 семейств (около 6 тыс. человек), при 1.600 подводках и 45 тыс. мелкого и крупного рогатого скота, командование назначило действительного статского советника А.П.Озерова и в помощь ему состоявших при Главной квартире двух болгар, двоюродных братьев Н.Хр. и С.Н.Палаузбых. По приказу князя Горчакова было выдано 5.681 руб. серебром для заготовки пшеничной муки, 2 тыс. руб. серебром на пособие бедным и 1.500 руб. на заготовку фуража для скота. Наряду с официальным обеспечением переселенцев им была оказана и добровольная материальная помощь военными действующей армии, собрано 400 полуимпериалов и роздано бедным болгарам. "Многие генералы и офицеры дарили беднейшим переселенцам коров и буйволов" и просили отдать им на воспитание сирот⁷⁰. Вступив в пределы России болгарские переселенцы после карантина были расселены в болгарских колониях Бессарабии.

В связи с этими событиями внимание русской прессы было привлечено к истории переселенческого движения болгар. Эмиграция болгар в соседние страны началась вскоре после османского завоевания Балкан в конце XIV в. Болгарское население бежало "с родимых мест своих, спасаясь от огня и меча свирепых притеснителей", в Валахию, Молдавию, Венгрию. В России первые болгарские переселенцы, как писали "Московские ведомости", ссылаясь на неопубликованное сочинение П.И.Коплена "Болгары в Бессарабии", появились в царствование императрицы Елизаветы Петровны. 620 болгарских семейств поселились "в так называемой Новой Сербии, которая тогда была одной из пограничных об-

ластей русского государства"⁷¹. Особенно участились переселения болгар в Россию в результате русско-турецких войн в XVIII в. и начале второй половины XIX в. По данным И.П.Кеппена, напечатанным в "Русском инвалиде", к 1850 г. в Бессарабии в 83 болгарских колониях население доходило до 85.461 человек. Болгарским переселенцам принадлежали 596.693 десятины и 1.251 сажень земли "удобной почвы"⁷².

Тема освобождения болгарского народа от турецкого ига еще до форсирования Дуная российскими войсками присутствовала в патриотических стихотворениях, представленных на страницах периодической печати и поэтических сборников. В стихотворении М.Стаховича "Повесть о войне турецкой", написанном 28 февраля 1854 г. и опубликованном в "Московских ведомостях" 15 марта 1854 г., поэт с болью говорил о злосчастной судьбе славянских народов, страдавших от иноземного господства, о братском болгарском народе, издавна связанном с русским народом узами племенного родства, религиозного единства и культурно-исторической близости.

"...Пострадало много наших братьев
Однокровных с нами, соплеменных,
Все славяне бедствуют и гибнут,
Речью русской Бога призывая.
От болгар дунайских, наших братьев,
Мы приняли и язык церковный
И писанья древняя, и книги,
А теперь у них и церкви запирают,
Слово Божие читать не дозволяют.
Запрещают языком славянским
Отправлять служенье, славить Бога".

Участник войны офицер П.Боровский, о котором упоминалось выше, в своих воспоминаниях с грустью писал о судьбе балканских народов, находившихся под турецким гнетом, и задавался вопросом, кто и когда заставит турок признать "равноправность свою с сербами, болгарями, румынами". По убеждению поэта М.Стаховича, только Россия сможет помочь

балканским народам сбросить чужеземное ярмо.

"... И кому же за братьей остается

Против турок бранью ополчиться..."

Удачному форсированию Дуная посвятил стихотворение "Русские воины при переходе через Дунай" С.Шевырев⁷³.

Автор обращался к Дунаю как к старому знакомому, который давно не видел на своих берегах российских солдат, поэт уверял своего аллегорического собеседника, что жестокого врага ждет возмездие за его злодеяния.

"... Веселись Дунай знакомый!

Русских воинов встречай!

Быстро нас и наши громы

По волнам передвигай.

Мы несем освобождение

Нашим братьям; мы несем

... суд и мщение,

На коварных меч и гром"

В другом своем стихотворении "Христос воскрес! Православным братьям на Востоке"⁷⁴ С.Шевырев дружески приветствовал балканских славян.

"...Братья, братья! где вы? где вы?

Здравствуй, храбрый черногорец!

Здравствуй, брат. Христос воскрес!

Руку, болгарин страдалец.

Здравствуй, брат. Христос воскрес" и т.д.

На страницах периодической печати получили отражение и военные действия, развернувшиеся на территории Болгарии. Желая познакомить читателя с местностью, где непосредственно проходили события, "Санкт-Петербургские ведомости" опубликовали две статьи под названием "Театр нынешней войны", не указав автора. В первой давалось топографическое описание Южной Валахии и Северной Болгарии, подчеркивалось значение Дуная в экономической жизни народов, населявших берега великой европейской реки, а также говорилось о крепостях, воздвигнутых на его правом берегу⁷⁵.

"Булгария, Молдавия, Валахия!... как эти имена знако-

мы нам с детства! Здесь каждая крепость, которыми унижены берега Дуная, испытала силу русского оружия, и не одна из них не могла долго противиться мужественным усилиям нашей армии", — писал полковник Лебедев, опубликовав в "Русском инвалиде" рецензию на 31-й номер "Русского художественного листка" — иллюстрированного издания, выпускаемого в Санкт-Петербурге художником В.И.Тиммом. Озаглавив свою рецензию "Воспоминания о Булгарии, Молдавии и Валахии", рецензент напоминал, что поля этих издавна знакомых стран орошены русской кровью, "пролитой за великое и святое дело". По словам полковника, всякое новое известие об этих странах воспринимается русской общественностью с особенным вниманием, даже повторные описания одних и тех же мест всякий раз "представляли какую-либо особенность". Лебедев с похвалой отзывался о путевых очерках по Балканскому полуострову ученого и путешественника А.Демидова, о "метких наблюдениях" из жизни балканских народов писателя А.Ф.Вельтмана, участника русско-турецкой войны 1828-1829 гг., и этнографа В.И.Даля. В последнее время, отмечал Лебедев, появляются статьи под псевдонимом П.А.-нъ, дополняющие "этот колейдоскоп известий о странах, где постоянно в течении полутора веков раздавался звук русского оружия"⁷⁶.

О Северной Болгарии, ее многонациональном населении, проживавшем в Добрудже, речь шла во второй статье — "Театр нынешней войны", опубликованной в "Санкт-Петербургских ведомостях". Перечисляя национальный состав Добруджи, неизвестный автор отмечал, что наряду с болгарским населением жителями Добруджи являлись "частью болгарские турки (туркмены)*, частью татары, османы, греки, армяне и евреи"⁷⁷. Далее автор статьи знакомил русского читателя с городами Северной Болгарии, расположенными у берегов Дуная или поблизости от Балканских гор. Городское население большей частью, по его наблюдениям, состояло из мусульман, в селах основное население было болгарским и частично грече-

---

* По-видимому, речь идет о потурченцах, ассимилированных болгарях.

ским. Заканчивалась статья "Театр нынешней войны" сообщением о проживании в окрестностях Бабадага (Сев.Добруджа) некрасовцев (потомков донских казаков), выехавших из России во времена Петра I и вновь принявших российское подданство в 1828 г. при атамане Льве Полежаеве. В том же году восстановили свое подданство жившие недалеко от Бабадага казаки части Запорожской Сечи со своим атаманом Иосифом Гладким.

На страницах периодической печати появлялись очерки, статьи, заметки о городах Болгарии, известных в историческом прошлом как крупные общественно-политические центры страны или связанных с трагическими событиями в истории болгарского народа. В январе 1855 г. "Одесский вестник" напечатал исторический очерк болгарина М.Момчилова "Терново и развалины Трапезицы", который вскоре был перепечатан "Русским инвалидом"⁷⁸. Автор подробно описывал историю некогда величественного царского дворца в Тырнове, бывшей столицы болгарского государства. Царский дворец возвышался над городом, расположенным амфитеатром по всему "пригорью". Местонахождение дворца на совершенно ровной, плоской вершине горы получило название Трапезица от греческого слова трапеза – стол, "впоследствии название престола, или стола царского, в уменьшительном виде от слова трапеза, перешло к самому месту". Царский дворец и терем царицы, расположенные по обеим сторонам пропасти, соединял одноарочный мост длиной "почти 20 сажень", опиравшийся на уступы двух противоположных скал, от которого остались одни следы. Из прежнего великолепия на вершине Трапезицы сохранились "дивные" развалины царских палат и прекрасные фонтаны в окрестностях города – свидетели высокого уровня архитектурно-инженерного искусства средневековой Болгарии. В 1845 г. пастух среди груды камней на месте дворца совершенно случайно нашел "огромной величины" золотой крест, судя по надписи, принадлежавший дворцовой церкви. Впоследствии крест хранился в домашней церкви Тырновского митрополита.

Очерк о дворце в Тырнове напоминал о былом величии болгарского царства, а заметка о Варне в "Киевских губернских ведомостях" рассказала читателям о печальном событии в истории болгарского народа.

Весной 1444 г. под Варной войска крестоносцев во главе с королем Венгрии и Польши Владиславом III потерпели сокрушительное поражение от турецких полчищ султана Мурада II. В сражении погиб король Владислав. Победе турок способствовало предательство венецианцев и генуэзцев, которые на своих кораблях перебросили турецкие войска из Малой Азии в Болгарию. Поражение крестоносцев под Варной решило исход борьбы за Балканы. В период русско-турецкой войны 1828-1829 гг., сообщал неизвестный корреспондент "Киевских губернских ведомостей", Варна была освобождена 11 октября 1828 г. После Адрианопольского договора, которым признавалась законность покровительства России христианам, находившимся в границах Османской империи, русские войска 11 сентября 1829 г. оставили город. В мирное время, говорилось в заметке, Варна являлась одним из центров торговли Болгарии и Валахии с Константинополем "в продаже и покупке зернового хлеба и прочих жизненных припасов"⁷⁹.

О болгарях как о народе, наиболее успешно занимавшемся земледелием, рассказал кандидат историко-филологического факультета Московского университета А.Н.Костылев в статье "Оттоманское государство", опубликованной с продолжением в нескольких номерах "Московских ведомостей". А.Н.Костылев отмечал трудолюбие болгар и писал, что где появлялся болгарский земледелец, там возникали "цветущие оазисы". Он восхищался их умением производить орошение земли с удивительным знанием "естественных законов" природы, внимание уделяется каждой борозде, и "ни один ручеек, ни одна капля воды не пропадает даром". Высоко оценил ученый моральные и нравственные черты болгарского народа. "Этот народ терпеливый и воздержанный, но веселый; народ, сохраняющий первобытную чистоту нравов и семейные добродетели до такой степени, что разводы, повторяющиеся

ежедневно в Дунайских княжествах, принадлежат здесь к явлениям почти неслыханным⁸⁰. С ним солидарен и неизвестный автор "Санкт-Петербургских ведомостей", который подчеркивал, что отличительной чертой болгарского характера является "трудолюбие, бережливость и набожность". Принадлежит к славянскому племени и исповедует православие, "греческую веру", болгары "питают столько же любви к русским, сколько ненависти к своим притеснителям"⁸¹.

Несчастье болгар и остальных славянских племен, занимавших территорию от Дуная до берегов Адриатики, состояло в том, писал неизвестный автор статьи "Дунайские земли"⁸², что они в свое время не смогли "объединиться и образовать сильное государство", а мужественно, каждый в отдельности противостояли османскому вторжению. В итоге первыми пали болгары, за ними сербы, босняки, а позже и другие балканские народы. Многовековое турецкое иго не смогло духовно сломить болгар. "Исламизм, — считал автор, — имел мало влияния на славяно-греков и никакого на румын".

О "плачевном состоянии" болгарского народа, находившегося более четырех с половиной веков под османским игом, рассказал в форме писем на страницах "Одесского вестника" Найден Геров — поэт, публицист, филолог, впоследствии один из видных общественно-политических деятелей болгарского Возрождения*. Письма Н.Герова были написаны и отправлены в период с октября по декабрь 1853 г. из целого ряда болгарских городов. Свою корреспонденцию он направлял в Одессу Н.Хр.Палаузову, который после перевода четырех писем передал их весной 1854 г. в редакцию газеты, предпослав следующими словами: "Из этого очерка можно будет составить достаточное понятие о том, каковы повелители наши, которых мнимое человеколюбие выхваляет ныне Западная Европа, и которые ни в чем не уступают предкам своим, сподвижникам Магомета П"⁸³.

---

* С 1857 по 1877 г. Н.Геров вице-консул России в Филиппополе (Пловдиве).

Письма с некоторыми сокращениями были перепечатаны в "Киевских" и "Таврических губернских ведомостях" и в журнале "Москвитянин"⁸⁴, редакция которого, обращаясь к своим читателям, писала: "Мы надеемся, что читатели нашего журнала не попеняют на нас за перепечатание этих любопытных писем... Письма его (Н.Герова. — А.У.), представляя плоды не только собственного наблюдения, но они и опыт, дают ясное понятие о веротерпимости христианству, о том, какой вес можно придавать обещаниям турок в пользу христиан". В своих письмах Н.Геров рассказал российской общественности о всей Болгарии со дня ее порабощения турецкими полчищами. О том, как болгарский народ лишился "цвета своего населения" и как были истреблены "все именитые люди", юноши отуречены, девушки взяты в гаремы, а оставшиеся "были удручены самыми страшными страданиями"⁸⁵.

В своем первом письме из Разлога от 3 октября 1853 г. Н.Геров выражал сожаление об отсутствии в Болгарии русской прессы, из-за чего болгары не знали, как относились к ним русское правительство и общественность. В то же время, по мнению автора писем, события свидетельствовали, что Россия, "требуя от Порты верного ручательства ненарушимости священных прав православной церкви на Востоке, достаточно знает о тех бедствиях и угнетениях, которые претерпевают христиане в Турции". Болгары, отмечал далее Н.Геров, не могут понять, почему западноевропейские государства так несправедливы к ним. "Оправдывая варварское обхождение притеснителей наших, они тем самым дают повод с новой силой нас угнетать"⁸⁶.

Повествуя о коррумпированности чиновников, произволе в судопроизводстве, о тех "ужасах" и "злодеяниях", которые турки совершают над болгарским народом, ассимиляторской политике властей, о притеснениях православной церкви и запрещении ввозить из России церковные книги для совершения богослужения, Н.Геров выражал надежду болгар, что только Россия сможет им помочь. Одно тревожило его — чтобы недруги не оклеветали болгар перед русским прави-

тельством и не преуспели во внушении болгарам недоверия к России. Но врагам не удастся осуществить свои коварные замыслы, приходил к заключению Н.Геров. "Слава русских так высоко гремит в мире, что никакая клевета не помрачит ее в глазах наших; а мы, будучи удалены от наших еди-новерных братьев, не можем поведать им о своей тяжелой участи. Теперь нам осталось одно только, единственное, утешение - слезно умолять Всевышнего да благославит оружие русское..."⁸⁷.

В защиту исторического прошлого Болгарии и славян, участвовавших в греческом национально-освободительном движении, выступил в "Северной пчеле" со статьей "Пояснения" А.Филалифин⁸⁸. В сообщениях иностранных корреспондентов, говорилось в статье, западные журналисты нередко "по неотчетливости и пристрастию" смешивали "греческое православие с греческой народностью". Чтобы не быть голословным, автор ссылаясь на сражавшегося в 20-х годах XIX в. на стороне греков и пославившегося героическими подвигами против турецких войск "славянина Марко Бочара, родом из Водена", переименованного европейской прессой в грека Боцариса, а известные своей храбростью "майноты и сулитоты по происхождению славяне", утверждал А.Филалифин. Далее он ссылаясь на статистические данные о демографии Балканского полуострова и отмечал преобладание славянско-го населения над греческим. Приводимые А.Филалифиним цифры относительно общего количества населения Балканского полуострова, в том числе славян и греков, в основном совпадали с опубликованными в статье С.Правдина "Что такое Европейская Турция?"⁸⁹. Особо подчеркивалось численное преимущество болгарского населения по сравнению с греческим. Болгары составляли главное население "собственной Болгарии, Румелии и Македонии", всего на Балканах численность болгарского населения составляла от 3,5 до 4,5 млн человек, писал А.Филалифин, ссылаясь на сведения видных ученых - известного слависта первой половины XIX в. словака П.Шафарика и француза Ами Буэ, посетившего Болгарию в 1828 г.⁹⁰

А.Костылев в статье "Оттоманское государство"⁹¹ несколько расширял ареал проживания болгарского населения вне пределов своей этнической родины. Частично болгары были расселены в Фессалии, Албании и Южной Сербии. Общее число болгарского населения, по А.Костылеву, доходило до 4,5 млн человек, а в самой Болгарии – до 2,5 млн.

Назвав статью "Пояснение", автор старался в популярной форме изложить некоторые сюжеты из истории Болгарии. Принятие болгарам христианства – православия – от греков в IX в. при князе Борисе (Михаиле) объяснялось как результат тесных торговых, культурных и военных связей с Константинополем. "Болгары, как славяне, – писал А.Филалифин, – переимчивые и сметливые, соприкасаясь беспрерывно с просвещеннейшим народом тогдашнего мира, должны были заимствовать его образованность, искусство и постепенно его веру, тем более, что еще в VI в. восседал на Константинопольском престоле славянин Упривда, под именем Юстиниана I, законодатель империи и Европы, покоритель Италии и Африки чрез славянина же Велисария. Другие болгарские династии Василия Македонянина управляли империей лучше многих иных..."⁹². Во времена царствования Симеона и Самуила европейские владения Византийской империи "стеснялись едва ли не до стен Константинополя". Действительно, в IX–X вв. болгарское царство достигло своего могущества, став одним из крупнейших государств феодальной Европы.

К этому времени относится принятие христианства на Руси при великом князе Владимире (988–989 гг.). В статье "Петербургская летопись", подписанной инициалами В.П., неизвестный автор писал, что с христианской верой было перенесено на Русь греками и болгарам церковное пение. "Вместе с первыми пастырями нашей церкви прибыли в Россию и уставщики церковного пения". Первыми уставщиками церковного пения на Руси, по мнению автора статьи, были задунайские болгары, "имевшие много общего в языке и характере с нашими предками, они ввели у нас болгарское пение". До великого князя Ярослава Владимировича церковное пение на Ру-

си более походило на чтение нараспев⁹³.

Многовековой истории южных славян посвятил серию научных статей видный русский ученый-славист, впоследствии дипломат и общественный деятель, А.Гильфердинг. Свое исследование "Письма об истории сербов и болгар" он изложил в форме писем к другу, опубликовав их в "Московских ведомостях". Издание девяти писем (или статей) длилось с перерывами почти год - с 1 июля 1854 г. по 17 мая 1855 г. В начале первой статьи неизвестный друг автора сетовал на отсутствие обстоятельных сведений по истории южных славян и просил по возможности представить "в общих чертах судьбу их до покорения турками"⁹⁴. Он писал, что "есть больше средств познаться с историей древних мексиканцев или ассирийцев, нежели сербов и болгар, наших соседей и братьев...". Вполне понятно было желание русского общества ознакомиться с историей болгар и сербов до нашествия турецких завоевателей. Взоры всей Европы в то время были обращены в сторону дунайских славян, о которых прежде мало что было известно, только в "православной России" они возбуждали "братское участие" и, по словам А.Гильфердина, "получили вдруг огромное значение". Автор "Писем" согласился с просьбой друга, но при этом заметил, что задача эта не из легких из-за "скудности и безжизненности источников и недостатка предварительных работ...". На основании собственных поисков, изучения источников, обнаруженных им лично, А.Гильфердинг дал достаточно полную картину жизни болгарского и сербского народов эпохи средневековья. В своих "Письмах" автор знакомил читателя с историей южных славян с самого раннего периода, начиная с их заселения Балканского полуострова. Восьмое письмо было озаглавлено "Святослав. Первое падение Болгарского царства", девятое - "История сербов в X веке".

Подробно описав историю сербов и болгар, А.Гильфердинг посвятил пятое письмо авторам славянской письменности, братьям Кириллу и Мефодию, озаглавив его "Переход учеников Кирилла и Мефодия в Болгарию"⁹⁵, подчеркнув при этом, что

в последней четверти IX в. наследие Кирилла и Мефодия "перешло к болгарам и они сделались главными хранителями и деятелями славянского просвещения".

"Письма об истории сербов и болгар" являлись совершенно новым для своего времени исследованием в историографии южных славян. Впоследствии автор их дополнил и издал отдельной книгой, получившей высокую оценку в славянских странах и в Европе⁹⁶.

В эпоху национального Возрождения в Болгарии развитие просвещения способствовало формированию значительной прослойки патристически настроенной интеллигенции. В этом отношении особенно важную роль сыграли болгарские школы. Невзирая на тяжелые условия иноземного ига, болгары сумели организовать школы почти в каждой деревне. Процесс национального Возрождения был направлен прежде всего на подготовку народа к завоеванию национальной независимости. Существенную роль в пробуждении национального самосознания сыграла болгарская периодическая печать, сведения об этом появлялись и в российской периодике.

В январе 1854 г. "Санкт-Петербургские ведомости" опубликовали статью Я. Опмянцова "Славянские газеты и журналы в Турции"⁹⁷, в которой автор подробно и компетентно ознакомил русскую общественность с историей южнославянской периодической печати. Переходя к болгарским периодическим изданиям, Я. Опмянцов выступил в защиту болгарской журналистики с критикой американского ученого Тэлви⁹⁸, утверждавшего, что "у болгар нет даже следа ни древней, ни новой словесности". На большом фактическом материале автор статьи опроверг необоснованные выводы Тэлви. Начало болгарской периодической печати, как справедливо отметил Я. Опмянцов, было положено К. Фотиновым, выпустившим в 1842 г. в Смирне первый номер журнала "Любословие". С 1844 по 1846 гг. журнал выходил ежемесячно. Содержание его составляли статьи самого редактора об образовании болгарской молодежи, о вновь открытых на родине, благодаря пожертвованиям соотечественников, училищах, извест-

тия из Болгарии, переводы с русского трудов Ю.Венелина и переводы других работ с иностранных языков. В 1850 г. Ив.Добрович (Добровский) начал издавать в Вене на болгарском языке журнал "Мирозрение", содержание которого редактор старался сделать разнообразным и занимательным. Болгарский читатель на его страницах мог познакомиться с бытом австрийских славян, с биографиями видных политических деятелей, со статьями на исторические и языковедческие темы. Журнал прекратил свое существование в 1851 г.

В своей статье Я.Ошмянцов подробно остановился на издательской деятельности Ив.Богорова, выпустившего в 1846 г. в Лейпциге первую болгарскую газету "Болгарский орел", а в 1848 г. начавшего издавать в Константинополе еженедельную политическую и литературную газету "Цариградский вестник", которую в 1851 г. возглавил А.Экзарх. В газете сотрудничали и представители болгарской эмиграции из России. На страницах "Цариградского вестника" публиковались материалы о внешней и внутренней политике, известия из болгарских провинций, сообщения о бедственном положении болгарского народа. Единственная выходившая в то время болгарская газета, благодаря смелости своего редактора А.Экзарха, сообщала читателям о всех перипетиях дипломатических переговоров в России накануне войны, а впоследствии о вступлении русской армии в Дунайские княжества, о военных действиях русских войск на территории Болгарии и на Кавказе. В газете наряду с политическими обзорами читатель мог найти этнографические и биографические заметки и статьи из иностранной прессы, рецензии на книги и брошюры, тематически относившиеся не только к истории Болгарии. Редакция газеты информировала читателей о выходе в Петербурге на болгарском языке повести А.Вельтмана "Райна българска царкня" в переводе Е.Мутъевой, в Одессе - "Жизнеописания Ю.Венелина", "Нравоучения за децата" в переводе Н.Х.Палаузова и первого тома "Изысканий" Ю.Венелина в переводе Ботю Петкова (отца Хр.Ботева). Сообщалось также о выходе в Константинополе "Всеобщей истории" и "Малой эн-

циклопедии". "Цариградский вестник" уделял внимание и отечественной литературе, на его страницах выступали болгарские писатели и поэты. Особым успехом среди читателей пользовались стихи и песни П.Р.Славейкова и Н.Катранова.

В статье со ссылкой на немецкий источник говорилось, что один из авторов недавно изданной болгарской грамматики Д.Цанков* намерен открыть в болгарском городе Сისტове типографию для издания новой газеты, так как "Цариградский вестник" "не может удовлетворить всем национальным потребностям".

Заканчивалась статья пожеланием Я.Опмянцова молодым образованным болгарам не увлекаться переводами с французского, а заняться составлением руководства для своих училищ "в духе народности, обращая пока посредством своей газеты внимание учителей на русские сочинения и издания, которые прямее могут вести к высокой цели — самостоятельного народного образования. Иначе не скоро образуется такое молодое поколение, которое по прекрасному выражению проф. Срезневского одинаково любило бы и образование, и народность"⁹⁹.

Можно констатировать, что представленные в русской периодической печати материалы о Болгарии и болгарях времен Крымской войны довольно подробно и в основном компетентно знакомили русскую общественность с историей и культурой болгарского народа. Но они не отличались необходимой полнотой. Так, например, к сожалению, отсутствовали материалы о непосредственном участии болгар в Крымской войне. По-видимому, это можно объяснить слабой организацией корреспондентской службы, запрещением корреспондентам находиться в действующей армии. Об участии болгарских добровольцев в Крымской войне имеется немало исследований отечественных и зарубежных ученых, основанных на архивных документах¹⁰⁰.

---

* Свою мечту Д.Цанкову удалось осуществить через несколько лет после Крымской войны. В 1859 г. в Константинополе под его редакцией вышел первый номер газеты "България".

Нам остается привести выдержки из речи, произнесенной высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, в одесском Преображенском соборе 17 января 1855 г. по случаю возвращения отряда болгарских добровольцев в Болгарию.

"Мужественные и христоролюбивые болгары! Не смущается ли кто-либо из вас духом от того, что желание ваше быть и сражаться против общих врагов наших под стенами Севастополя не исполнилось и вам, с половины пути вашего туда, должно возвратиться теперь-таки к берегам Дуная?... Вы исполнили свой долг и достигли своей цели, показав перед лицом России и всего света, что Вера и Отечество для вас дороже всего, что Россия, пока будет угодно Богу, занимает для вас место вашего собственного отечества... Возвращайтесь к соплеменникам вашим, не забудьте громко возвестить им, что православная Россия твердо помнит, от кого приняла она некогда на родном языке своем слово Божье, никогда не забудет древнего святого союза своего со страной Болгарскою, и во время благопотребно не пожалует ничего для уплатить с ласкою своего долга душевного..."¹⁰¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История русской журналистики XVIII-XIX веков. М., 1973. С.285-286.
2. Е с и н Б. И. Русская дореволюционная газета 1702-1917. Краткий очерк. М., 1971. С.26; О н ж е. Путешествие в прошлое (Газетный мир XIX века). М., 1983. С.28.
3. Е с и н Б. И. Путешествие в прошлое... С.135.
4. Е с и н Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981. С.18, 21.
5. Русская периодическая печать (1702-1894 гг.). М., 1959. Т. I. С.193.
6. Там же. С.296.
7. Там же. С.274.
8. Там же. С.244.
9. Московские ведомости. 1878. 8 дек.
10. В и н о г р а д о в В. Н. О личной ответственности императора Николая I за развязывание Крымской войны // Россия и славяне. Балканские исследования. М., 1992. Вып.15. С.87-107.
11. История дипломатии. М., 1959. Т. I. С.423-424.
12. Там же.

13. Тимошук В. В. Дипломатические переговоры перед Восточною войною 1853-1856 гг. // Русская старина. 1902. Т. III. С. 126.
14. Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 421.
15. Виноградов В. Н. О личной ответственности императора Николая I... С. 87, 92.
16. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. II. С. 88.
17. Чулков Г. Императоры. М., 1991. С. 217.
18. Дебидур А. Указ. соч. С. 90.
19. История дипломатии. Т. I. С. 648.
20. Kinglake A. W. The invasion of the Crimea. Edinburg and London, 1863. Vol. II. P. 70-71.
21. Бестужев И. В. Крымская война 1853-1856 гг. М., 1956. С. 17; Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 99-100; Никитин С. А. Очерки по истории южных и западных славян и русско-балканских связей в 50-70 годы XIX в. М., 1970. С. 119.
22. Бён Г. Состояние Турции в многозначительном 1853 году. Берлин 1853 // Военный журнал. 1854. № I. С. 143-144.
23. Современник. 1854. № 7. С. 1-42.
24. Москвитянин. 1854. Т. 4. Отд. 4. С. 26.
25. Современник. 1854. № 4. С. 7-23; № 5. С. 1-54.
26. Корвин-Павловский И. Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. Т. 2. № 12. С. 322.
27. Рец. на кн.: Письмо из Парижа о нынешнем состоянии Турции и политическом кризисе на Востоке. СПб., 1854 // Москвитянин. 1854. Т. 3. Отд. 4. С. 131.
28. Рец. на кн.: Падение Турции. М., 1854 // Москвитянин. 1854. Т. 2. Отд. 5. С. 170; Рец. на кн.: С р е ч е в с к и й Е. Обзорение Оттоманской империи, Молдавии, Валахии и Сербии. СПб., 1854 // Москвитянин. Т. 3. Отд. 4. С. 143.
29. Горев Л. Война 1853-1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. С. 58-59.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Турция и Россия. М., 1957. Т. 9. С. 149.
31. История дипломатии. Т. I. С. 442-443.
32. Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1848, 1853, 1854-56, 1874-78 годах. Восточная война 1853-1854. Самара, 1888. Ч. II. С. 150-151.
33. Бескровный Л. Г. Русское военное искусство в Крымской войне. М., 1953. С. 240-241.
34. Киняпина Н. С. Вышната политика на Русия през XIX век. София, 1980. С. 223.
35. Рец. на кн.: Восточная война, ее причины и последствия. М., 1855 // Современник. 1855. № 8. С. 41.
36. Р. Принц Альберт в интимной переписке // Русский вестник. 1878. № 3. С. 219.
37. Бестужев И. В. Указ. соч. С. 42.
38. Московские ведомости. 1854. I апр.

39. А л а б и н П. Указ.соч. С.9.
40. Там же. С.10.
41. Цит. по: Б е с т у ж е в И. В. Указ.соч. С.43.
42. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Ш отд. № 109. 1853. Оп.1. Д.353. Ч.2. Л.7.
43. Р а к о в В. С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны. Евпатория, 1904. С.52.
44. С м и р н о в - С о к о л ь с к и й Ник. Русские литературные альманахи и сборники ХУШ-ХІХ вв. М., 1965. С.248-249; С т а х о в и ч М. Повесть о войне турецкой (стихотворения о войне). М., 1854; Голос Патриот - ки. Киев, 1854; Турецкий султан и его союзники (Драматические сцены). Киев, 1854.
45. ГАРФ. Ф. Ш отд. № 109. Оп.29. I экспедиция. 1854. Д.219. Л.24-25.
46. Н и к и т и н С. А. Указ.соч. С.121.
47. Письмо из Преславля от 15 дек. 1853 г. // Одесский вестник. 1854. 13 марта. Письмо такого же содержания Н.Герова Н.Хр.Палаузову, но от 18 ноября 1853 из Адрианополя, напечатано в приложении к Таврическому губернским ведомостям за 1854 г. № 34.
48. Архив на Г.С.Раковски. София, 1952. Т.1. С.491.
49. К о н о б е е в В. Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853-1854 гг. // Ученые записки Института славяноведения (УЗИС). 1965. Т.29. С.137.
50. К о с е в Д. Новая история Болгарии. М., 1952. С.217.
51. Б а р с о в Н. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854-1884 гг.) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895. С.30-50; Г л у ш к о в Х р. Дейността на българската емиграция във Влашко и Молдова през Кримската война (1853-1856) // Известия ИИ-Институт за Военна история. Военноисторическо научно дружество. София, 1979. С.97-115.
52. Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф.ВУА. Д.8799. Л.75-78.
53. М а с а н о в И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т.ш. С.190; М., 1960. Т.IV. С.83.
54. Московские ведомости. 1954. I мая.
55. Московские ведомости. 1854. 18 февр.
56. Одесский вестник. 1855. 29 ноября; Русский инвалид. 1855. 15 дек.
57. "Отставной", Воспоминания о войне на Дунае в 1853 и 1854 годах // Военный сборник. 1880. Т.14. № 8. С.420.
58. П. Б. Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае в 1853 и 1854 годах. Из дневника // Русский вестник. 1887. № 5. С.240, 258, 240, 263.
59. К о с е в Д. Указ.соч. С.217.
60. А л а б и н П. Указ.соч. С.226.
61. Там же. С.227.
62. П. Б. Воспоминания... // Русский вестник. 1887. № 6. С.759.
63. Международные отношения на Балканах 1830-1856. М., 1990. С.309.

64. Т а р л е Е. В. Крымская война. М., 1950. Т.2. С.359.
65. К о р в и н - П а в л о в с к и й И. Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. Т.82. № 12. С.296.
66. Н. Х. П. Поступок тринадцатилетнего болгарина // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 24 окт.; Ф и л а р е т о в С. В. Болгарин Райчо Николов в Москве // москвитянин. 1855. Т.2. № 5. Кн. I. С.163-136; Х а д ж и - И с к а н д е р. Райчо Николов (Эпизод из Крымской войны) // Русский архив. 1897. № 6. С.174.
67. Москвитянин. 1854. Т.2. № 6. Кн.2. С.49.
68. А л а б и н П. Указ. соч. С.227.
69. С е н к о в с к и й О. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. СПб., 1854. Ч. I-2; Ф и л а р е т о в С. Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям. СПб., 1854.
70. Л о р а н Н. Переселение болгар // Одесский вестник. 1854. 29 июля.
71. Московские ведомости. 1854. 8 апр.
72. Русский инвалид. 1854. 11 авг.
73. Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 9 апр.
74. Москвитянин. 1854. Т.2. № 7. Кн. I. С.121.
75. Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 9 апр.
76. Русский инвалид. 1854. 3 ноября.
77. Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 5 мая.
78. Одесский вестник. 1855. 22 янв.; Русский инвалид. 1855. 18 февр.
79. Киевские губернские ведомости. 1854. 10 июля.
80. Московские ведомости. 1855. 3, 17 июля.
81. Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 5 мая.
82. Русский инвалид. 1856. 17 мая.
83. Одесский вестник. 1854. 6 марта.
84. Киевские губернские ведомости. 1854. 26 июня; Таврические губернские ведомости. 1854. № 25, 34; Москвитянин. 1854. Т.2. Отд. 8. С.85.
85. Одесский вестник. 1854. 9 марта.
86. Одесский вестник. 1854. 6 марта.
87. Одесский вестник. 1854. 11, 13 марта.
88. Северная пчела. 1854. 3 июня.
89. Московские ведомости. 1854. 30 марта.
90. Северная пчела. 1854. 3 июня.
91. Московские ведомости. 1855. 3 июля.
92. Северная пчела. 1854. 3 июня.
93. Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 6 марта.
94. Московские ведомости. 1854. 1 июля.
95. Московские ведомости. 1854. 9 сент.
96. Л а п т е в а Л. П. Гильфердинг А.Ф. // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С.123.
97. Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 13 янв.
98. Talvi. An historical view of the languages and literature of the Slavic Nations with a sketch of their popular poetry. New-York, 1850.

99. Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 13 янв.

100. Ч а к ъ р о в С т. Български волонтерски отряд 1853/1856 години // Илюстрация светлина. 1908. Кн. III-У; Г е о р г и е в Х р. Българския отряд "Греческий во- лонтийрски батальон" в Кримската война 1853-1856 гг. // Военно-исторически сборник. 1938. Кн. 36. С. 51-63; Б о е в Р. Още за участие на българии в Кримската война (1853- 1856) // Исторически преглед. 1968. Кн. I. С. 90-94; У л у н я н А. А. Документи об участии болгар в Крымской войне и национально-освободительной борьбе в 60-е годы XIX в. // В памет на академик М. Димитров. София, 1974. С. 735-750; Т о д о р о в а М. Българските доброволци в Кримската война // Известия на Българско историческо дружество. 1985. Кн. 37. С. 391-439; З а б у н о в И. Д. Болгарские волонтеры в Крымской войне (1853-1856) // Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев, 1983. С. 73-90 и др.

101. Одесский вестник. 1855. 29 янв.

Г.Л.Арш

АЛЕКСАНДР ИПСИЛАНТИ И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИИ
(новые архивные данные)

Короткий жизненный путь Александра Ипсиланти был ярким и в то же время трагическим. Посвятив всю свою жизнь делу освобождения Греции, он никогда не ступал на ее землю. Родившись в Константинополе, Александр Ипсиланти умер в Вене вскоре после освобождения из заключения в Австрии, прожив всего 35 лет. Между двумя этими крайними вехами жизни был 14-летний период пребывания в России: участие в качестве офицера русской армии в Отечественной войне 1812 г., высокое положение в армии, большие связи при дворе и одновременно руководство деятельностью греческого тайного общества. Затем короткая кампания в Дунайских княжествах и более шести лет тяжелого заключения в австрийских крепостях. Но и после того, как А.Ипсиланти навсегда покинул территорию России, его по-прежнему связывали с ней прочные узы: в России оставалась его мать и другие родственники, сам он рассматривал свою дальнейшую судьбу как неразрывно связанную с Россией. Указанные обстоятельства жизни А.Ипсиланти объясняют наличие в российских архивах большого числа его писем. Особенно много материалов о нем имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) начиная с 1816 г., когда после смерти его отца — Константина Ипсиланти¹ он стал главой семьи. Эти материалы, в значительной мере до сих пор неизвестные, позволяют пополнить и уточнить имеющиеся сведения о жизни и патриотической деятельности национального героя Греции, его взаимоотношениях с российским правительством².

Александр Ипсиланти родился 13(24) декабря 1792 г. в

Константинополе³. Его жизненные обстоятельства были неотделимы от перипетий политической карьеры его отца Константина Ипсиланти, принадлежавшего к одной из самых видных семей Фанара. Ловкий и умелый политик, К.Ипсиланти пользовался в последние годы XVIII и в первые годы XIX столетия большим влиянием в Османской империи, занимал важные государственные должности. В 1796–1799 гг. он служил драгоманом Порты и играл первостепенную роль в сношениях османского государства с европейскими державами. В 1799–1801 гг. К.Ипсиланти был господарем Молдавии, а в 1802–1806 гг. – господарем Валахии.

О детских годах Александра Ипсиланти, проведенных в Константинополе, Яссах и Бухаресте, почти ничего не известно. Есть основания считать, что начальное образование будущий вождь греческих патриотов получил у домашних учителей. И несомненно, что огромную роль в образовании и воспитании А.Ипсиланти сыграл его отец. К.Ипсиланти был широко образованным человеком, которого отличали широта и разнообразие интересов. Он занимался и литературным трудом, в частности переводил древнегреческих классиков, имел большую библиотеку. В такой атмосфере формировался духовный облик юного Александра. Свое образование сын валашского господаря смог продолжить в России.

В конце XVIII – начале XIX в. резко обострился внутренний кризис Османской империи и усилилось соперничество держав, в первую очередь России и Франции, за влияние на ее политику. В это время среди значительных семей Фанара образовались группировки, ориентировавшиеся на ту или другую из этих держав. К.Ипсиланти принадлежал к прорусской группировке, и французская дипломатия делала все возможное, чтобы подорвать его положение. В августе 1806 г. К.Ипсиланти был низложен с валашского престола, и, как стало известно опальному господарю, Порта собиралась учинить расправу над ним и его семьей. Покинув Валахию, фанариотский политик в ноябре 1806 г. прибыл вместе со старшим сыном в Петербург. Отсюда, по рекомендации Александра I,

он ненадолго вернулся в Дунайские княжества, чтобы в августе 1807 г. навсегда их покинуть и постоянно поселиться в Киеве. А 14-летний Александр Ипсиланти в ноябре 1806 г. остался в Петербурге для получения образования.

К сыну дружественного господаря российской правительство проявило большое внимание. Он был помещен для обучения в Педагогический институт, для содержания юного князя правительство назначило 12 тыс. рублей в год, для проживания в Петербурге ему была нанята квартира. Обучение А.Ипсиланти в Педагогическом институте – предшественнике основанного в 1819 г. Петербургского университета – продолжалось немногим более года и было прервано в связи с его поступлением на службу в русскую армию⁴. В формулярном списке А.Ипсиланти – своего рода анкете, которая заполнялась в России на каждого офицера и чиновника, – о его образовании было сказано, что он "по-русски, по-немецки, по-французски и по-молдавански читать и писать умеет и алгебры знает"⁵. Таковы были результаты домашнего воспитания и короткого обучения в русском учебном заведении юного грека. Но на этом образование и воспитание будущего национального героя Греции не завершилось. Ему предстояло пройти трудную и славную школу русской военной службы и участия в Отечественной войне 1812 г.

12(24) апреля 1808 г. 15-летний Александр Ипсиланти был зачислен в чине корнета, что соответствовало чину прапорщика в пехоте, в Кавалергардский полк – самый аристократический из полков императорской гвардии. Военная служба отвечала наклонностям и складу характера молодого греческого аристократа, отличавшегося с детства большой храбростью. К.Ипсиланти писал 1(13) сентября 1812 г. своей родственнице Р.Стурдзе об Александре, что он "обладает храбростью и горит желанием проявить ее, и я убежден, что если у него представится к этому случай, он его не упустит"⁶. Слова эти, написанные уже после начала Отечественной войны 1812 г., полностью оправдались.

С июля 1812 г. поручик А.Ипсиланти находился со своим эскадром на фронте в составе корпуса П.Х.Витгенштейна и участвовал во многих сражениях с Наполеоном, проявив в них большую храбрость. Об этом свидетельствуют полученные им боевые награды: ордена св. Владимира 4-й степени и св. Анны 2-й степени, прусский орден "За заслуги", золотая сабля с надписью "За храбрость". Производство в очередные чины для офицера значительно ускорилось. В июле 1813 г., уже будучи подполковником, он был переведен в Гродненский гусарский полк. В его составе А.Ипсиланти участвовал в сражении при Дрездене (14-15 (26-27) августа 1813 г.), где ядром ему оторвало правую руку.

Получив тяжелое ранение, А.Ипсиланти долго лечился: сначала в Киеве, а весной 1814 г. на чешском курорте Тёплиц (совр. Теплице). После этого он совершил поездку в Германию, а затем побывал в Вене, где в это время проходил знаменитый дипломатический конгресс.

И после ранения А.Ипсиланти остался на военной службе и продолжал успешно продвигаться по служебной лестнице. Молодость, романтическая наружность, тяжелое увечье, полученное в боях за Россию, вызвали к нему всеобщий интерес и сочувствие. 1 (13) января 1816 г. Александр I присвоил полковнику А.Ипсиланти звание флигель-адъютанта, т.е. причислил его к своей свите. Успешная карьера А.Ипсиланти, его близость к императору благоприятно сказались на положении всего его семейства.

В начале 1815 г. К.Ипсиланти прибыл в Петербург. Здесь за полтора года он смог решить все семейные проблемы. Царь согласился принять на русскую военную службу с офицерскими чинами его братьев - Дмитрия, Георгия, Николая. Кроме того, он добился принятия решения о значительном увеличении денежного содержания, которое семья Ипсиланти получала от русского правительства. Назначенному в Константинополь летом 1816 г. новому российскому посланнику барону Г.А.Строганову было дано указание поддерживать имущественные претензии бывшего господаря к Порте.

К.Ипсиланти скоропостижно скончался в Киеве 27 июня (9 июля) 1816 г., через несколько часов после возвращения из Петербурга. Но и после смерти главы семьи она продолжала пользоваться покровительством российского правительства и лично императора. Наследники К.Ипсиланти получили из государственных имуществ сроком на 50 лет (1817-1867) в аренду несколько сел в Ямпольском и Балтском уездах Подольской губернии с годовым доходом 10117 рублей серебром⁷.

Сам А.Ипсиланти продолжал пользоваться большим расположением царя. 12(24) декабря 1817 г., в возрасте 25 лет, он был произведен в генерал-майоры и назначен бригадным командиром в 1-ю кирасирскую дивизию. После того, как А.Ипсиланти стал генералом, министр финансов Д.А.Гурьев решил, что пришла пора прекратить выплату ему того ежегодного пособия в 12 тыс. рублей, которое Александр I назначил в 1806 г. на "содержание и воспитание" малолетнего сына валахского господаря. Однако попытка министра финансов "сэкономить" на пенсии для новоиспеченного генерала из греческой эмигрантской семьи не удалась. А.Ипсиланти подал жалобу на его действия царю. В своей петиции он просил продолжить выплату этой субсидии, так как их семейный бюджет отягощен долгами и он живет только на свое жалованье. Получив это прошение, Александр I в августе 1818 г. отменил распоряжение Д.А.Гурьева и приказал 12 тыс. рублей А.Ипсиланти по-прежнему "производить ежегодно в виде пенсионна со дня прекращения выдачи сих денег"⁸.

Большое значение для семьи Ипсиланти имела и поддержка русского правительства в ее имущественных делах, связанных с Османской империей. Как уже говорилось, Александр I предоставил наследникам К.Ипсиланти в аренду поместье с годовым доходом более 10 тыс. рублей серебром. Кроме того, семья Ипсиланти имела в Черниговской губернии и собственное поместье с 1200 крепостными крестьянами, купленное в свое время К.Ипсиланти у графа Разумовс-

кого за 380 тыс. рублей. К наследникам бывшего господара перешла и значительная земельная собственность, приобретенная К.Ипсиланти и его отцом различными способами во время их правления в Дунайских княжествах.

В Валахии князю К.Ипсиланти принадлежали имения: Зимница, Улуица, Мойси-мара, Афумацы, Мирчешти, Албешти, в Молдавии — поместье Вранца и загородный дворец Галата близ Ясс. Все поместья К.Ипсиланти в Дунайских княжествах оценивались в 1812 г. в 77 тыс. дукатов и до русско-турецкой войны 1806—1812 гг. приносили господарю в год 6 тыс. дукатов⁹.

После 1812 г. Порта наложила фактический секвестр на земельную собственность семьи Ипсиланти в Дунайских княжествах, которая должна была служить залогом уплаты значительных сумм, которые К.Ипсиланти якобы остался должен оттоманской казне. В результате доходы семьи Ипсиланти от ее имений в Дунайских княжествах существенно сократились. "Верно, — писал 16 (28) февраля 1819 г. А.Ипсиланти Г.А. Строганову, — что мы получаем ежегодно некоторый доход с этих земель, но мы получаем только то, что наши арендаторы сообразоволят нам назначить, и тем способом, который им угодно нам указать: они знают, что мы вынуждены согласиться на все в стране, в которой по ряду причин мы перестали иметь друзей". Вообще, добавлял А.Ипсиланти, если бы не покровительство генерального консула России в Дунайских княжествах А.А.Пини, их собственность там давно была бы расхищена¹⁰. Хотя денежные поступления семьи Ипсиланти от собственности в Дунайских княжествах значительно уменьшились после 1812 г., в целом ее доходы от земельной собственности в двух империях — Российской и Оттоманской — составляли значительную сумму — 120 тыс. рублей. Однако большая часть этих денег уходила на оплату долгов, оставшихся после К.Ипсиланти в России, которые превышали 500 тыс. рублей¹¹.

Большие имущественные претензии предъявляли бывшему валахскому господарю его родственники Мано, жившие в Кон-

стантинополе. Сестра К.Ипсиланти Ралу требовала от своего брата и его семьи возмещения более 300 тыс. пиастров, внесенных ее мужем Александром Мано, агентом валашского господаря в Константинополе, в его тюрьму османской казне. Кроме того, Ралу Мано претендовала на поместье Зимница в Валахии, которое, по ее утверждению, принадлежало ей по наследству отца. По смерти в 1818 г. Р.Мано эти претензии к семье Ипсиланти поддерживали ее сыновья Иоанн и Георгий¹². Основные надежды на освобождение от долговой кабалы семья Ипсиланти связывала с удовлетворением ее имущественных претензий к Порте. Неизвестная до этого переписка А.Ипсиланти с посланником Г.А.Стреганевым, а также другие документы АВПРИ позволяют уточнить характер этих претензий и ход несостоявшихся им русско-турецких переговоров.

В октябре 1817 г. Стреганев предложил Порте приступить к переговорам о претензиях к ней российских подданных, в том числе семьи Ипсиланти, изложенных в свое время самим К.Ипсиланти в его записках русскому правительству. В эти претензии входило возмещение сумм в 1520275 пиастров, которую господарь, по его утверждению, должен был заплатить Блистательной Порте по ее требованиям сверх тех обязательных платежей, которые полагалось ему платить в соответствии с султанскими указами и договорами. Были предъявлены также требования возмещения имущества, принадлежавшего жене К.Ипсиланти и конфискованного Портой в 1806 г. В это имущество входил дом в Терапии, в окрестностях Константинополя, с земельным участком и виноградником, который Порта передала французскому посольству, а также другой дом в самом городе, в Фанаре. К.Ипсиланти требовал также возмещения в натуре или возмещения стоимости конфискованного имущества его отца, казенного Портой после бегства валашского господаря в Россию, и отмены секвестра Порты на собственность его семьи в Молдавии и Валахии¹³.

Переговоры российского посольства в Константинополе с Портой об имущественных претензиях семьи Ипсиланти шли весьма туго. Их итоги к началу 1821 г. подвел в своем от-

чете М.Я.Минчаки, российский представитель в смешанной комиссии, созданной для рассмотрения этого вопроса¹⁴.

Единственно, чего удалось добиться М.Я.Минчаки — это признания прав Е.Ипсиланти на принадлежавший ей дом в Терапии вместе с виноградником и земельным участком. После того, как российский дипломат представил османскому комиссару соответствующие турецкие юридические акты, тот должен был признать законность требования о возвращении этого имущества в натуре или эквивалентной денежной форме после произведения оценки его стоимости. Однако начавшаяся через полтора месяца греческое освободительное восстание, возглавленное А.Ипсиланти, помешало довести это дело до конца.

Таким образом, продолжавшиеся более трех лет русско-турецкие переговоры об имущественных претензиях семьи Ипсиланти к Порте не дали каких-либо реальных результатов¹⁵. Переписка А.Ипсиланти с Г.А.Строгановым носила деловой характер и касалась имущественной стороны жизни семьи.

К сожалению, очень мало известно о частной жизни выдающегося греческого патриота в России — его интересах, занятиях, друзьях. Определенный свет на эту сторону жизни А.Ипсиланти проливает два его письма к П.Д.Киселеву, относящиеся к 1818–1820 гг.¹⁵ Дружеский круг общения А.Ипсиланти в России после Отечественной войны 1812 г. составляли главным образом русские офицеры, отличившиеся, как и он, в войне и рано получившие генеральские чины. Упомянем прежде всего братьев А.Ф. и М.Ф.Орловых. М.Ф.Орлов с 1817 г. являлся начальником штаба 4-го пехотного корпуса, находившегося в Киеве, где жила и семья Ипсиланти. Адресат же писем А.Ипсиланти — генерал-майор (впоследствии генерал от инфантерии) П.Д.Киселев был, как и его греческий друг, флигель-адъютантом Александра I, а с 1819 г.

¹⁵ Утверждение И.Филимона (Φιλίμωνος Ι. Β. α. Τ. 1. Σ. 100) о том, что Порта в конце концов признала свое обязательство возместить семье Ипсиланти 2 млн пиастров, не соответствует действительности.

служил начальником штаба 2-й армии. А.Ипсиланти и его русских друзей, прошедших через тяжелую войну и уцелевших в ней, привлекали все радости бытия, интересовали все его разнообразные проявления. Это видно и по данным письмам А.Ипсиланти, где речь идет и о политике, и о литературе, и о любовных увлечениях его друзей. Сам Ипсиланти серьезно увлекался литературой, писал стихи. О его литературных интересах и вкусах говорит критический отзыв в одном из его писем Киселеву о витиеватости стиля французских писателей де Сталь и Шатобриана.

Последние годы пребывания А.Ипсиланти в России, перед началом греческой революции 1821 г., совпали с подъемом общественного движения, направленного против феодально-монархического строя. Оппозиционные настроения охватили часть русского офицерства, главным образом из военных состояли возникшие уже тайные декабристские организации. Из известных нам русских друзей А.Ипсиланти все (кроме А.Ф.Орлова, в будущем одного из столпов николаевского режима) выступали в той или иной форме за проведение в России общественных преобразований. М.Ф.Орлов — видный декабрист, с 1818 г. член декабристского "Сюза благоденствия", позднее руководитель киевской организации декабристов. П.Д.Киселев, хотя и не связанный с декабристами, был противником крепостничества. В 1816 г. он представил Александру I записку о постепенном освобождении крестьян от крепостной зависимости. Позднее, будучи министром Николая I, провел реформу управления государственными крестьянами, которая должна была подготовить постепенную отмену крепостного права¹⁶. Входивший также в дружеский круг А.Ипсиланти Денис Давыдов хотя и не принадлежал к декабристскому движению, но относился весьма критически к тогдашней российской действительности и, несомненно, был человеком свободомыслящим. В своем письме П.Д.Киселеву от 31 марта (12 апреля) 1818 г. А.Ипсиланти сочувственно цитирует ироническое высказывание Дениса Давыдова об известной проповеднице религиозного мистицизма Саронессе

Кришнер, пользовавшийся большим влиянием на Александра I. Все эти вольные разговоры велись на вечере в одном киевском доме, хозяина которого А.Ипсиланти обозначает латинскими буквами "G.R."¹⁷. Речь, несомненно, идет здесь о прославленном герое Отечественной войны 1812 г. генерале Н.Н.Раевском, командире 4-го пехотного корпуса. Для молодого поколения этой семьи были характерны свободомысленные настроения: два сына генерала Раевского привлекались к следствию по делу декабристов, а дочери его были замужем за декабристами С.Г.Волконском и М.Ф.Орловым. Следует отметить, что между семьями Ипсиланти и Раевского существовали дружеские отношения. Об этом свидетельствует тот факт, что братья Александра Ипсиланти Дмитрий и Николай по их желанию служили адъютантами генерала Н.Н.Раевского.

Живя и дыша воздухом русской офицерской среды, где сильны были свободомысленные настроения, Александр Ипсиланти и его братья несомненно восприняли и некоторые прогрессивные общественно-политические воззрения этой среды. Недаром, как позднее вспоминал сам А.Ипсиланти, ему предлагали вступить в одну из тайных декабристских организаций¹⁷. Однако он не принял этого предложения. Как и его друзья-декабристы, он готов был пожертвовать карьерой, состоянием, если необходимо, самой жизнью, но ради другого дела, не менее благородного и святого — дела освобождения Греции от тяжкого иноземного рабства.

Любовь к Греции, которую он считал своей настоящей родиной, А.Ипсиланти усвоил с детства. Как пишет биограф будущего борца за независимость Греции, его патристические чувства питали частые посещения родительского дома в Киеве, "изучение греческой истории и переписка отца", а также сознание принадлежности к знаменитому роду, который вел свои корни с византийских времен¹⁸. Влияние К.Ипсиланти, который в последние годы своей жизни из фанариотского политика превратился в убежденного греческого пат-

¹⁷ Письма А.Ипсиланти российским адресатам написаны по-французски.

риота¹⁹, на формирование патриотического мировоззрения его сына было действительно огромным. И не случайно свое решение возглавить национально-освободительное восстание греков А.Ипсиланти объяснял позднее в письме Александру I желанием выполнить последнюю волю покойного отца.

Большое влияние на выбор А.Ипсиланти своего жизненного пути оказала встреча еще в довоенные годы в Петербурге со своим выдающимся соотечественником Иоанном Каподистрией. Бывший государственный секретарь Ионической республики в 1809 г. поступил на российскую дипломатическую службу. Два греческих патриота - гвардейский офицер и дипломат, встречаясь в доме родственницы А.Ипсиланти Р.Стурдзы, нередко обращались к судьбам Греции. "Надежда, что греческий народ некогда будет свободен, являлась нам радужным сном", - вспоминала об этих беседах Р.Стурдза (Эдлинг)²⁰.

После окончания наполеоновских войн А.Ипсиланти все чаще приходила в голову мысль посвятить оставшуюся часть жизни делу освобождения Греции. Его друг, французский дипломат де Лагард, встречавшийся с А.Ипсиланти в Вене весной 1815 г. во время работы европейского конгресса, вспоминал позднее, что тот говорил ему тогда, что настал момент перейти от слов к делу и что он будет трудиться ради того, чтобы разбить цепи Эллады и вернуть ей то место, которое она некогда занимала среди народов²¹. Но А.Ипсиланти предстояло еще найти свое место в рядах греческого национально-освободительного движения. С детских лет сын господаря знал историю жизни и мученической смерти его основоположника Ригаса Велестинлиса, восхищался его пламенным "Военным гимном". После трагической гибели этого поэта и революционера центром притяжения всех греческих патриотов стала тайная национально-освободительная организация Филики Этерия. Основанная в 1814 г. в Одессе, она к 1819 г. распространила свою сеть на Грецию и греческие зарубежные колонии. В начале 1819 г. в Филики Этерию вступил Николай Ипсиланти, а вслед за ним его братья Дмитрий и Георгий. Александр же, с 1817 г. знавший о существовании тайного

общества, воздержался от вступления в него. Вполне сознавая свое общественное положение и обладая нормальным честолюбием, молодой греческий аристократ не мог согласиться на роль рядового члена организации, которому полагалось послушно исполнять приказы его строго засекреченного верховного органа — Архи.

Неосуществленное стремление активно действовать ради освобождения Греции отрицательно влияло на душевное состояние Александра Ипсиланти. Сказывалась и неудовлетворенность характером своих служебных обязанностей в I-й кирасирской дивизии, расквартированной в северо-западных губерниях России, вдали от крупных городов. Прибыв в Петербург в начале 1820 г. или в конце 1819 г., он в письме П.Д.Киселеву от 2(14) февраля 1820 г. жаловался на угнетающую его тоску и плохое состояние здоровья. Из письма явствовало также, что А.Ипсиланти собирался через два месяца выехать из Петербурга в Киев²². Однако через два месяца в Петербурге произошло событие, изменившее планы А.Ипсиланти и определившее его дальнейшую судьбу.

По мере того, как Филики Этерия расширяла свою деятельность, она наталкивалась на все более серьезные проблемы и трудности. Большую опасность для самого существования тайной организации представлял назревающий кризис руководства. Он был вызван проявившимся уже недоверием верхов греческого общества к руководителям Филики Этерии, главным образом заграничным греческим купцам, не имевшим сколько-нибудь значительного влияния и авторитета в Греции. В этой обстановке руководящий комитет Филики Этерии решил привлечь к руководству обществом какого-либо авторитетного греческого деятеля, связанного с Россией, на помощь которой в деле освобождения греческий народ издавна возлагал большие надежды. Естественно, что взоры руководителей этеристов обратились к И.Каподистрии, ставшему в 1815 г. статс-секретарем Министерства иностранных дел России и доверенным советником Александра I. Для переговоров с этим деятелем, пользовавшимся огромным авторите-

том во всем греческом мире, в Петербург в январе 1820 г. прибыл член Архи Э.Ксантос. Однако Каподистрия, считавший вооруженное освободительное восстание преждевременным и относившийся отрицательно к тайным обществам, отклонил предложение руководства этеристской организации.

Тогда этеристский эмиссар решил обратиться к А.Ипсиланти. В установлении контактов с генералом помощь ему оказал двоюродный брат А.Ипсиланти этерист И.Мано, прибывший в Петербург для разрешения имущественного спора между семействами Ипсиланти и Мано. А.Ипсиланти с энтузиазмом и без колебаний согласился связать свою судьбу с тайным обществом. 12(24) апреля 1820 г. в Петербурге был подписан официальный акт о принятии Александром Ипсиланти верховного руководства Филики Этерией в качестве "генерального инспектора"²³.

Можно без преувеличения сказать, что принятие А.Ипсиланти руководства Филики Этерией имело решающее значение для успеха ее деятельности. Грекам очень немного было известно о нем. Однако они знали, что он имеет чин генерала русской армии, что он служил адъютантом царя и пользуется его большим расположением — это создавало видимость того, что деятельность тайного общества и его руководящего комитета — Архи поддерживается и поощряется петербургским двором. В результате авторитет Архи, уполномоченным которого выступал А.Ипсиланти, был восстановлен, вокруг Филики Этерии и ее целей объединились различные слои греческого общества. В своей неопубликованной записке о греческой революции, написанной в 1822 г., известный деятель национального движения митрополит Игнатий отмечал, что принятие А.Ипсиланти руководством тайным обществом не только покончило со всеми сомнениями его членов, но и привело к увеличению их числа "из людей видных классов и уверило их, что этот пресловутый комитет (Архи. — Г.А.) существовал в России под покровительством его величества императора Александра"²⁴. В действительности царское правительство, несколько не заинтересованное

в тот период в каких-либо освободительных выступлениях на Балканах, никак не было связано с греческим тайным обществом и не поощряло его деятельность²⁵. Однако убеждение, что единоварная Россия военной рукой поддержит борьбу греков за освобождение, основанное на традициях многовековых русско-греческих связей, глубоко укоренилось в общественном сознании греков, и принятие русским генералом А.Ипсиланти руководства Филики Этерией еще более укрепило это убеждение или, говоря точнее, веру.

После того, как А.Ипсиланти принял на себя руководство греческим патриотическим обществом, его планы, о которых он в свое время известил П.Д.Киселева, изменились. Пробыв в Петербурге до конца июня 1820 г., А.Ипсиланти, чтобы посвятить себя полностью делам Филики Этерии, взял отпуск для поездки за границу на минеральные воды, мотивировав его открытием раны, которая действительно доставляла ему большие страдания. Выехав из столицы, он проехал через Москву, Киев, Одессу и в середине октября 1820 г. прибыл в Кишинев. По дороге он проводил сбор средств в греческих общинах России на освободительное восстание, встречался с прибывшими из Греции видными этеристами, посылал инструкции греческим военачальникам о подготовке к вооруженному выступлению. Вся эта кипучая деятельность велась в глубокой тайне от российских властей и стала известна лишь сорок лет спустя из опубликованных И.Филимоном материалов из архива Ипсиланти. Однако изменившееся настроение А.Ипсиланти после принятия им руководства тайным обществом почувствовал, хотя и не зная его причины, российский посланник в Константинополе Г.А.Строганов.

Особого внимания заслуживает письмо А.Ипсиланти Г.А.Строганову от 20 ноября (2 декабря) 1820 г. по вопросу об имущественных претензиях его семьи к Порте. Своим содержанием и тоном письмо это значительно отличалось от предыдущих писем А.Ипсиланти посланнику на эту же тему. Помимо конкретных предложений о решении этого имущественного спора А.Ипсиланти дает весьма резкую оценку системы

правления Порты в Дунайских княжествах и вообще этому правительству, которое "убивает, грабит, все присваивает". В письме явственно чувствуются те личные мотивы, которые побудили потомка знатных фанариотов стать на путь решительной борьбы против османского государства. С возмущением он пишет о жестоком преследовании со стороны Порты, жертвой которого стало его семейство. По словам А.Ипсиланти, после того, как казнили деда и ограбили сына, это преследование уже "распространилось на третье поколение, обрекая на нужду маленьких детей"²⁶. "Личный счет" к Порте, который имелся у Александра Ипсиланти и его братьев, помогает понять ту решительность, твердость и самоотверженность, которую все они проявили в борьбе за национальное освобождение.

Резкий, требовательный тон письма А.Ипсиланти от 20 ноября (2 декабря) 1820 г. не мог не обратить внимания Г.А.Строганова. Посланник почувствовал в нем и скрытый упрек в том, что он не очень энергично защищает интересы семейства Ипсиланти и недостаточно тверд в отношениях с Портой. Хотя в своем ответном письме А.Ипсиланти от 16(28) декабря 1820 г. он игнорировал этот упрек²⁷, посланник не мог скрыть своей обиды и раздражения в частном письме И.Каподистрии от 14(26) декабря 1820 г. "Если бы князь Александр Ипсиланти, - писал Г.А.Строганов, - мог представить себе все то беспокойство, которое доставляют мне его дела, он не написал бы мне письма, способного меня оскорбить..." "Ипсиланти, - продолжал посланник, - потерял руку на службе императора; хочу надеяться, что если его собственные дела не заставят его потерять голову, то он придет к заключению считать меня не таким уж адвокатом турок, как он это полагает, когда он получит результат моих хлопот и моей настойчивости"²⁸.

Однако А.Ипсиланти не довелось познать результаты этих усилий российского посланника по урегулированию его имущественных дел: через два с небольшим месяца началась возглавленное им вооруженное восстание греков против осман-

ского владычества.

Вечером 22 февраля (6 марта) 1821 г. А.Ипсиланти вместе с братьями Георгием и Николаем прибыл в Яссы, столицу Молдавии. На следующий день молдавский господарь М.Суццо сообщил Г.А.Строганову, что, вступив в город, А.Ипсиланти объявил, что "он прибыл для того, чтобы, будучи сам греком, избавить греческую нацию от ига оттоманов и завоевать ее свободу посредством оружия этой самой нации, собравшейся воедино во всех частях турецкого господства"²⁹. В Яссах, где господарская стража находилась под командованием людей Филики Этерии, в тот же день произошло нападение на местных турок. За два дня до этого подобные события имели место и в Галаце.

26 февраля (10 марта) 1821 г. в Яссах, в церкви Трех Святителей, состоялось торжественное богослужение и освящение греческих знамен. Александр Ипсиланти, его братья, все воины поклялись на иконе Христа не вкладывать свои сабли в ножны до тех пор, пока Греция не станет свободной³⁰. До начала этой торжественной церемонии провозглашения греческой революции глава Филики Этерии отправил письма и обращения представителям правительства России, видным греческим деятелям, своим друзьям и единомышленникам. Эти важные документы, оказавшиеся в копиях в архиве российского посольства в Константинополе³¹ и по большей части неопубликованные, позволяют дать достоверное объяснение мотивам действий и планам начавшегося в Молдавии национально-освободительного восстания греков, роли России в этом событии. Остановимся подробнее на этих вопросах.

Как известно, Филики Этерия намеревалась сделать основным центром восстания Пелопоннес, где борьбу должен был лично возглавить Александр Ипсиланти. Поэтому решение вождя Филики Этерии начать борьбу за освобождение Греции на территории Молдавии стало неожиданностью даже для некоторых его ближайших сподвижников. Сам А.Ипсиланти объяснял свое решение тем, что планы этеристов были раскрыты

Портой и это сделало невозможным его приезд в Грецию, а дальнейшее промедление с началом восстания могло иметь губительные последствия для всего греческого дела. В письме И.Каподистрии от 24 февраля (8 марта) 1821 г. он писал: "Вся нация могла бы погибнуть, если бы я не решился начать. Мои приметы были даны во все части Греции, и меня подстерегали как на Адриатике, так и на Черном море и в Архипелаге. Вот причины, вынудившие меня начать в этой стране"³².

Следует сказать, что сведения, полученные А.Ипсиланти о раскрытии его планов Портой, которая готовится подавить в зародыше освободительное выступление греков, соответствовали действительности. С конца 1820 г. Порта с разных сторон начала получать сведения о подготовке греками восстания, а в самый канун выступления А.Ипсиланти произошло трагическое и опасное для Филики Этерии происшествие: был схвачен, по-видимому, в начале февраля 1821 г. при переправе через Дунай, видный этерист А.Паппис, которого руководитель тайного общества отправил к вождю сербов Милошу Обреновичу с предложениями о сотрудничестве между греками и сербами в освободительной борьбе. Из захваченных у этеристского эмиссара документов Порта получила информацию о готовящемся против нее восстании. 27 февраля (11 марта) 1821 г. близкий к оттоманскому правительству человек сообщил Г.А.Строганову, что "Портою открыт обширный заговор с целью всеобщего восстания христианских подданных Оттоманской империи и возрождения Греции". За несколько дней до этого оттоманские министры поставили в известность о перехваченных письмах Ипсиланти к Обреновичу и сербскую делегацию, находившуюся тогда в Константинополе³³.

В этой обстановке А.Ипсиланти, находясь в Килинине, менее чем в ста километрах от границы Оттоманской империи, решил, что у него нет другого выхода, как начать свое восстание в Молдавии. Разумеется, он начал здесь действовать не на пустом месте: Филики Этерия ранее вов-

лекла в свое движение командиров господарской стражи Валахии и Молдавии, сотрудничавших с вождем начавшегося в январе 1821 г. в Валахии крестьянского восстания Тудором Владимиреску. Но подчеркнем, что решение зажечь огонь восстания не в Пелопоннесе, а в Молдавии было не результатом свободного выбора, как считают некоторые историки³⁴, а вынужденным.

Не вызывает сомнения, что А.Ипсиланти намеревался с армией, сформированной в Молдавии, пройти как можно быстрее через княжества, пересечь Дунай и пробиться с боем в Грецию – главной цели и главного театра борьбы за освобождение. В своем письме этеристскому эмиссару Х.Перревосу, находившемуся в Греции, он сообщал: "Я спешу пересечь эти провинции для того, чтобы прибыть на землю Греции и соединиться со всеми теми, кто готовится свергнуть ужасное иго, которое их гнетет"³⁵.

А.Ипсиланти рассчитывал, что его выступление в Яссах послужит сигналом к всеобщему восстанию в Греции, центром которого станет Пелопоннес. В обращении А.Ипсиланти к эфорам Патр – руководящему ядру этеристов Пелопоннеса – говорилось: "Призовите в помощь Бога и смело беритесь за оружие против тиранов. Обратитесь с призывом ко всем нашим храбрым соотечественникам, которые находятся в Пелопоннесе, воодушевите их своим собственным примером"³⁶.

А.Ипсиланти направил также обращение к этеристам Константинополя. Он призывал их немедленно начать вооруженное выступление в столице империи в соответствии с ранее разработанным им планом³⁷. Этеристы Константинополя вместе с командами стоявших здесь на рейде греческих судов должны были овладеть арсеналом, захватить самого султана и водрузить "христианское знамя" над храмом Св.Софии³⁸.

Таким образом, план освободительного восстания, намеченный А.Ипсиланти, выходил за чисто национальные рамки. Он содержал идеологические моменты, восходящие к предыдущей эпохе, когда борьба за освобождение поработанных оттоманами народов имела форму противоборства кре-

ста полумесяцу. Существование подобных настроений у А.Ипсиланти подтверждают и направленные им одновременно обращения к некоторым высшим иерархам греческой церкви. В письме к иерусалимскому патриарху Поликарпу А.Ипсиланти, напоминая о том, что завоеватели стремились уничтожить православную религию, призывал одного из духовных руководителей православного мира внушать "сынам вашей церкви рвение к вере и свободе". "Ваши проповеди против общего врага, — говорилось в его послании, — прозвучат для соотечественников, дальних и близких, подобно звонкой трубе, страшной для нашего трусливого врага"³⁹. Подобные же послания вождь этеристов направил константинопольскому патриарху Григорию У и митрополиту Деркон (Фракия) Григорию.

Естественно стремление А.Ипсиланти использовать духовный авторитет православной церкви, чтобы повлиять на умы верующих и побудить их активно участвовать в борьбе за освобождение. Но руководитель Филики Этерии не учитывал, что высшие структуры православной церкви в Османской империи зависели от Порты и находились под ее контролем. Характерно, что все три представителя высшего духовенства, к которым обратился А.Ипсиланти, поставили подписи под окружным посланием, которым Константинопольская патриархия по требованию Порты предала анафеме А.Ипсиланти и М.Суццо⁴⁰. Однако такая покорность воле Порты не спасла патриарха Григория У и митрополита Деркон Григория от жестокой казни, жертвами которой они вскоре стали.

Учитывая эту позицию константинопольской церкви, а также то, что в столице были сосредоточены отборные вооруженные силы империи, а греки составляли хотя и значительную, но меньшую часть ее населения, замысел А.Ипсиланти поднять восстание в Константинополе выглядит явной авантюрой.

Знало ли царское правительство о подготовке А.Ипсиланти освободительного выступления? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ, хотя на этот счет в литературе есть и другое мнение⁴¹. Он основывается не только на об-

шем направлении политики петербургского кабинета в тот период, о чем говорилось выше, но и на конкретных свидетельствах, относившихся непосредственно к выступлению Ипсиланти. К числу наиболее важных свидетельств относится письмо самого А.Ипсиланти от 24 февраля (6 марта) 1821 г. Александру I. Письмо это хорошо известно с тех пор, как австрийский историк А.Прокеш-Остен опубликовал копию его французского текста⁴², оригинал которого хранится в Архиве внешней политики Российской империи⁴³. В письме греческий патриот, носивший форму российского генерала, извещал о своем решении встать во главе освободительного восстания, подготовленного тайным греческим обществом. А.Ипсиланти призывал российского монарха стать "освободителем Греции". В письме нет даже намёка на то, что планы главы тайного общества были заранее известны и получили одобрение императора — в противном случае не было бы вообще смысла в этом письме.

Действия его бывшего адъютанта стали для Александра I полной неожиданностью и сразу вызвали его резкое осуждение. Об этом свидетельствует первая неофициальная реакция самодержца на письмо А.Ипсиланта, полученное им в Лайбахе на конгрессе Священного союза 7(19) марта 1821 г. 10(22) марта 1821 г. царь сообщал в частном письме своему доверенному корреспонденту, министру духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицыну: "Мы только что получили известие, что князь Ипсиланти, тот самый, у которого оторвана рука и кому я предоставил около года назад отпуск для лечения раны, которая открывается, внезапно появился в Яссах и заявил господарю, что он был призван греками Эпира и Морей, своими соотечественниками, чтобы освободить их от владычества Порты, и что он собирается встать во главе их". В том же письме Александр I выразил резко отрицательное отношение к действиям А.Ипсиланти, вставшего во главе восстания, которое организовало тайное общество Император высказал свою навязчивую идею, что все такие общества примыкают к некоему центральному комитету, находящемуся в Париже, и что сама акция Ипсиланти являлась дивер-

сией, предпринятой им по внушению указанного комитета, чтобы спасти революцию в Неаполе, которую готовились подавить державы Священного союза⁴⁴.

И по другим письмам А.Ипсиланти из Ясс, адресованным его друзьям и единомышленникам, можно также вполне определенно утверждать, что свою освободительную акцию руководитель Филики Этерии начал без какого-либо ведома и согласования с царским правительством и не имел каких-либо оснований рассчитывать на его поддержку.

В то же время в своих публичных обращениях вождь восстания давал понять, что Россия готова оказать помощь повстанцам. Так, в его известной печатной прокламации к греческому народу "В бой за веру и отечество" от 24 февраля (8 марта) 1821 г. имелась фраза: "Поднимайтесь друзья, и вы увидите, как могущественная сила защитит наши права"⁴⁵. (Следует сказать, что в греческом оригинале утверждение А.Ипсиланти о помощи повстанцам со стороны России звучало более определенно, так как греческое слово "δύναμις" означает не только "сила", но и "держава").

О том, что его акция пользуется поддержкой правительства и лично императора, А.Ипсиланти довольно определенно давал понять и при сношениях в первые дни восстания с представителями российской власти на местах. Но если публичные заявления такого рода были призваны поднять дух греков, опираясь на их традиционные надежды на помощь России в деле национального освобождения, то подобные утверждения при контактах с российскими властями имели вполне прагматическую направленность — обеспечить беспрепятственное развитие начатого в Дунайских княжествах греческого освободительного восстания хотя бы на его первом этапе.

Успех первых шагов А.Ипсиланти во многом зависел и от реакции российских дипломатов в Османской империи. Следует иметь в виду, что Дунайские княжества — арена освободительных действий А.Ипсиланти — имели автономный статус и находились под особым "покровительством" России. Учитывая это, вождь восстания в своих сношениях с россий-

скими дипломатами старался дать понять, что он действует в княжествах с санкции петербургского кабинета. Такой намек довольно прозрачен в его письме Г.А.Строганову от 23 февраля (7 марта) 1821 г.⁴⁶, а в письме генеральному консулу России в Дунайских княжествах А.А.Пини от того же числа он прямо уже дает ему инструкции и подчеркивает, что выполняя их, "Вы тем самым будете действовать в интересах России"⁴⁷. Эти "коварные" действия главы греческих революционеров, объяснявшиеся теми условиями, в которых началось его выступление, достигли своей цели. При появлении А.Ипсиланти в Яссах местный российский консул А.Н.Лизани не только не арестовал его и не передал властям Бессарабии, даже не заявил какого-либо протеста против его действий, — как он должен был поступить по мнению Г.А.Строганова⁴⁸, — но по его поручению срочно отправил пакет в Константинополь на имя российского посланника.

На юге же России этеристы могли по крайней мере еще целый месяц после начала восстания действовать беспрепятственно и отправлять добровольцев в повстанческую армию Ипсиланти. Разумеется, такая благоприятная для греческих борцов за освобождение обстановка сложилась и благодаря тому, что некоторые русские официальные лица испытывали определенные иллюзии относительно реакции Александра I на события в Молдавии. Иллюзии эти рассеялись, когда стал известен ответ императора его бывшему адъютанту и соответствующие инструкции, посланные из Лейбаха гражданским и военным властям России.

А.Ипсиланти, выйдя из Ясс и пройдя Молдавию и Валахию, 27 марта (8 апреля) подошел к Бухаресту и остановился в его предместье Колентина. К этому времени его войско, частично пополнившееся за счет учащейся греческой молодежи из России, насчитывало около 3000 человек. В Колентине командующий повстанческой армией получил ответ на свое письмо Александру I, написанное по получении царя И.Каподистрией 14(26) марта 1821 г. Восстание, начатое А.Ипсиланти, осуждалось. Глава Филики Этерии обвинялся в том, что он обма-

нул своих соотечественников, обещав им помощь России. Император, говорилось в письме, не окажет Ипсиланти никакой поддержки, "так как было бы недостойно его подбивать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества".

В письме содержался и упрек личного порядка А.Ипсиланти в том, что он напал на Порту в тот самый момент, когда в результате переговоров российского посольства в Константинополе "претензии Вашей семьи должны были быть удовлетворены, когда султан, как Вы знаете, собирался полностью восстановить справедливость в отношении Вас"^ж. Распоряжением Александра I А.Ипсиланти и его братья исключались из императорской службы, а А.Ипсиланти запрещалось возвращение в Россию^{жж}. Однако княгиня Ипсиланти, говорилось в письме, будет по-прежнему пользоваться покровительством императора.

Несмотря на безоговорочное осуждение выступления Ипсиланти, в ответе Александра I на его обращение присутствовали некоторые моменты, дававшие надежду на начало диалога с восставшими греками. Говорилось, в частности, о готовности императора, в случае если сам Ипсиланти укажет способ "прекратить беспорядки", "вмешаться перед турецким правительством, для того чтобы побудить его принять разумные меры, которые могли бы восстановить в Молдавии и Валахии спокойствие, в котором эти страны испытывают столь настоятельно необходимость". Александр I убеждал также вождя повстанцев следовать тем советам, которые даст ему барон Строганов⁴⁹.

Указанные положения в ответе петербургского кабинета на обращение вождя греческих повстанцев имели для него огромное значение. В это время для А.Ипсиланти стала очевид-

^ж Это утверждение не соответствует фактическим итогам переговоров об имущественных претензиях семьи Ипсиланти к Порте (см. выше).

^{жж} Позднее это запрещение было распространено и на братьев А.Ипсиланти Георгия и Николая.

ной невозможность осуществления его первоначального плана, предусматривавшего форсирование Дуная и переход через Балканы в Грецию: повстанческая армия была слабой, надежд на получение содействия в Болгарии и Сербии было мало, а между тем турки успели подтянуть к южной стороне Дуная значительные силы. В созданном для него трудном положении руководитель восстания решил воспользоваться предложением российского правительства и попытаться посредством переговоров обеспечить мирный путь его армии из Валахии в Грецию.

31 марта (12 апреля) 1821 г., всего через три дня после прибытия в Колентину, А.Ипсиланти снял свой лагерь и двинулся на север, в сторону австрийской границы. Как свидетельствуют документы, этот неожиданный маневр был непосредственно связан с получением командующим повстанческой армией письма И.Каподистрии и изменением в связи с этим его плана действий. В день выступления из Колентины, Ипсиланти сообщил Г.А.Строганову, что он уходит сразу же после получения письма Каподистрии. И далее вождь повстанцев продолжал: "Я направляю чаяния и пожелания греков его величеству императору, и я ожидаю с нетерпением советов вашего превосходительства"⁵⁰.

Заняв позиции в горном районе Тырговиште-Кымпулунг и ожидая результатов переговоров Г.А.Строганова с Портой, в ходе которых, как надеялся А.Ипсиланти, будут учтены пожелания восставших греков, командующий повстанческими силами решил придерживаться строго оборонительной тактики. Через каймакамов (заместителей) назначенного Портой нового валахского господаря С.Каллимахи он известил турецких дунайских пашей, что прекращает военные действия, но в случае турецкого вторжения в Валахию и нападения на него будет защищаться до последней крайности⁵¹.

Из лагеря Ипсиланти в Тырговиште Александру I были посланы "чаяния и пожелания греков", о которых говорилось в письме А.Ипсиланти Г.А.Строганову от 31 марта (12 апреля) 1821 г. В прошении "начальников вооруженных греков" российскому императору от 9(21) апреля 1821 г.⁵² от-

мечалось, что греки всегда надеялись на помощь "могучей единой им державы, православных монархов почитаемой России" в деле освобождения. Греческие капитаны напоминали, что как только Россия выступала против "врагов христианской веры", вместе с ней и "греческая нация спешила с большим рвением пролить последнюю каплю своей крови".

Как в свое время и А.Ипсиланти в письме к Александру I, греческие военачальники призывали царя стать "спасителем греческой нации". В то же время, учитывая ненависть царя к революционным движениям и тайным обществам, проявившуюся в его ответе на обращение А.Ипсиланти, командиры повстанцев стремились представить освободительное восстание греков как чисто религиозное, основанное на тех же принципах, которые исповедует сам Александр I. Рост надежд греков на освобождение связывался с образованием Священного союза. Происхождение же тех обществ, которые возникли в Греции и сыграли роль организатора восстания, рассматривалось в их обращении как результат деятельности библейских обществ, которым покровительствовал Александр I. Что же касается роли А.Ипсиланти, то в обращении говорилось, что "некоторые уполномоченные" избрали его "генеральным уполномоченным Греции" для того, чтобы предотвратить анархию, в которую попадает "нация, освободившаяся от тирании". Представленная в этом документе версия истории Филики Этерии расходится с ее действительной историей: командиры греческих повстанческих сил стремились повлиять на Александра I, побудить его отнестись более благосклонно к восстанию греков. В начале апреля 1821 г. перспективы для греческого дела из лагеря Тырговиште выглядели достаточно безрадостно: общевалканское восстание, на которое рассчитывал А.Ипсиланти и его сподвижники, не произошло, а вести о начавшемся в Пелопоннесе в конце марта 1821 г. восстании до них еще не дошли. В письме греческих командиров создававшаяся ситуация рисовалась в весьма мрачных тонах: "В то время, как мы надеялись на всеобщий взрыв, ужасная измена расстроила наши великие замыслы. Тираны нас опередили, они

разоружают наших братьев в Греции и держат уже обнаженной саблю, чтобы по первому знаку деспота начать резать миллионы людей". Они обращались к заступничеству императора, чтобы предотвратить эту резню.

Изолированные от поднимавшегося в Греции мощного национально-освободительного восстания командиры греческой повстанческой армии в Валахии не выдвигали в своем обращении к императору России конкретных предложений о новом политическом статусе греческих областей, ограничившись общей декларацией о целях своего выступления. "Мы взялись за оружие, — писали они, — не для того, чтобы победить турецкую нацию, не для того, чтобы захватить территории, но для того, чтобы заставить власти дать нам законы, открыть нам путь к благоденствию, позволить нам свободно поклоняться сыну и слову Божию, для того, чтобы на нас не смотрели больше как на скотов и зачислили наконец нас в разряд людей".

Что же касается будущего самой греческой повстанческой армии в Валахии, то командиры ее, чтобы избежать превращения Дунайских княжеств в театр войны, выражали готовность покинуть их без борьбы, если им будет указан безопасный путь в Грецию. Обращение "начальников вооруженных греков" к Александру I было получено в Петербурге лишь в конце мая 1821 г. К этому времени ситуация для этеристского войска в Валахии катастрофически ухудшилась.

Как уже говорилось, уходя из Бухареста в Тырговиште, А.Ипсиланти написал Г.А.Строганову, прося его советов. Но советов этих он не получил, в чем руководитель повстанцев упрекал позднее посланника в записке для российского правительства о своем заключении в Австрии⁵³. Молчание российского дипломата объяснялось теми непреодолимыми препятствиями, с которыми он столкнулся в своих попытках восстановить спокойствие в Дунайских княжествах, не прибегая к силе. По получении сообщения А.Ипсиланти о том, что он прекращает военные действия в ожидании исхода переговоров, Строганов немедленно известил об этом Порту. Рос-

сийский представитель предпринял затем большие усилия, чтобы предотвратить вторжение турок в княжества. Для этого он предлагал вывести повстанческие силы Ипсиланти из Валахии и Молдавии и интернировать их в Бессарабии или Трансильвании. Для самого же А.Ипсиланти посланник стремился обеспечить беспрепятственный выезд из Валахии через австрийские владения на любой континент, исключая Европу⁵⁴. Однако предложения Строганова натолкнулись на жесткую бескомпромиссную позицию Порты, не желавшую ни в какой форме вести переговоры с "мятежником" Ипсиланти, а также на сопротивление венского двора, считавшего его "опасным революционером".

В начале мая 1821 г. значительные турецкие силы вторглись в Дунайские княжества. Положение повстанцев Ипсиланти, значительно уступавших неприятелю по численности и вооружению, стало крайне серьезным. Исход борьбы решила битва при Драгешани 7(19) июня 1821 г., в которой армия Ипсиланти потерпела тяжелое поражение и начала быстро распадаться.

Участь самого А.Ипсиланти была трагической. По разработанному лично Меттернихом плану он и его братья были заманены на австрийскую территорию и подверглись жестокому заключению, продолжавшемуся более шести лет. Заключение это разделили ближайшие друзья и сподвижники А.Ипсиланти⁵⁵.

Александр I одобрил репрессивные меры, принятые австрийскими властями в отношении греческих революционеров. Новый же император Николай I после подписания 6 июля 1827 г. в Лондоне представителями Англии, России и Франции известного договора, завершившего эволюцию политики петербургского кабинета в греческом вопросе — от осуждения освободительного восстания к признанию права греческого народа на самостоятельное существование, — решил предпринять демарш с целью освобождения А.Ипсиланти и его братьев. Соответствующая депеша была направлена 9(21) августа 1827 г. послу России в Вене Д.П.Татищеву, о чем тот известил А.Ипсиланти.

Австрийский император Франц I дал согласие на освобождение греческих узников, но не желая выпускать из-под своей власти этих, с его точки зрения, "опасных бунтовщиков", оговорил условие, что братья Ипсиланти останутся жить в австрийских владениях под полицейским надзором⁵⁶.

25 ноября 1827 г. (н.ст.) узники покинули крепость Терезиенштадт (Терезиен) в Чехии, место их последнего заключения. Путь А.Ипсиланти и его братьев лежал в Верону, город в австрийских владениях в Италии, который они избрали для своего жительства. Но прибыв 9 декабря 1827 г. в Вену, бывшие узники должны были прервать свой дальнейший путь из-за плохого состояния здоровья Александра. В Вене имели место последние контакты вождя греческих революционеров с посольством России.

Еще находясь в Терезиенштадте, А.Ипсиланти написал письмо Д.П.Татищеву (2 (14) ноября 1827 г.), в котором протестовал против условий его освобождения, поставленных австрийским императором, и не признавал какого-либо права за ним отдавать ему приказы, так как "мой покойный отец, вся моя семья и я всегда рассматривали себя как российских подданных"⁵⁷. Когда Николаю I было сообщено, что братья Ипсиланти продолжают считать себя российскими подданными, его реакция была резко отрицательной: хотя российский самодержец и дал согласие на освобождение А.Ипсиланти, он продолжал видеть в нем носителя революционного духа, с которым в царствование Николая I велась беспощадная борьба. Как говорилось в депеше К.В.Нессельроде Д.П.Татищеву от 9(21) декабря 1827 г., "покинув Россию, князья Ипсиланти добровольно первали узы, которые их связывали с ней", и поэтому император не может считать их российскими подданными. Послу поручалось сообщить об этой "высочайшей воле" А.Ипсиланти и его братьям⁵⁸. По поручению Д.П.Татищева А.Ипсиланти посетил 7 января 1828 г. (н.ст.) советник посольства барон П.К.Мейендорф. Он был одним из немногих людей, видевших греческого революционера в последние недели его жизни. В своем отчете послу, представляю-

чем большую историческую ценность, П.К.Мейендорф писал об этом посещении: "Я отправился 7-го числа этого месяца к князю Александру Ипсиланти, чтобы сообщить ему в соответствии с указаниями вашего превосходительства решения императора на его счет, но при первом же взгляде я обнаружил, что он так болен, что будет не в состоянии перенести спокойно сообщение столь тягостного характера. Врачи заявили, что органический дефект сердца делает бесполезным все усилия искусства и может в любой момент вызвать его смерть, но возможно также и то, что его страдания позволят ему прожить еще некоторое время. Так как его болезнь согласно им была вызвана долгой и сильной печалью, я не считал себя по совести возможным усугублять причину его болезни и сделать еще более горестными последние моменты столь несчастного существования. Сам больной, хотя его душил частый и мучительный кашель, казалось, не считал свое состояние столь опасным. Он говорил мне почти исключительно о своем горячем желании получить свою свободу, реабилитировать свое имя и облегчить свою судьбу и одновременно – судьбу своих братьев. Он показал мне прошение, которое он подготовил для его величества императора и в котором он открывает ему все! мотивы своего предприятия в марте 1821 г. и отрицает, что когда-либо пренебрегал своими обязанностями российского подданного и офицера"⁵⁹. Прочитав это прошение, П.К.Мейендорф посоветовал А.Ипсиланти сослаться как на свидетеля точности его рассказа на И.Каподистрию, с чем тот и согласился. 13 января 1828 г. П.К.Мейендорф снова посетил А.Ипсиланти, и тот подписал в его присутствии текст своего письма Николаю I, переписанный на бело его братом⁶⁰.

Это письмо – источник большой важности для истории греческого национально-освободительного движения, заслуживающий специального рассмотрения. Коснемся лишь одного утверждения А.Ипсиланти, непосредственно связанного с содержанием данной публикации. Касаясь отношения Александра I

к начатой им освободительной акции, руководитель Филики Этерии утверждал, что "если его величество был осведомлен о подробностях только в момент взрыва, то определенно, что он был согласен в принципе". Данное утверждение противоречит не только существу балканской политики России в тот период, но и конкретным действиям самого А.Ипсиланти в период восстания и реакции царя на эти действия, как свидетельствуют приведенные здесь документальные материалы. Можно только догадываться, чем было вызвано это не соответствующее действительности утверждение А.Ипсиланти. Возможно, что, когда прошло семь лет после событий 1821 г., греческий революционер по-другому, более расширительно воспринимал действительно имевшие место неопределенно благожелательные высказывания Александра I, адресованные грекам. Другое объяснение, более вероятное, состоит в том, что, зная безнадежность собственного положения, он стремился оправдаться в глазах нового царя, с тем чтобы облегчить возвращение его братьев в Россию и их воссоединение с другими членами семьи Ипсиланти.

31 января 1828 г. (н.ст.) посол Д.П.Татищев послал в Петербург следующее сообщение: "Князь Александр Ипсиланти скончался сегодня утром вследствие своей долгой и мучительной болезни"⁶¹. Короткая жизнь национального героя Греции трагически оборвалась в Вене, столице враждебной греческому делу меттерниховской Австрии. Братьям же его Георгию и Николаю царь, по ходатайству их матери Е.Ипсиланти, разрешил вернуться в Россию, где они провели последние годы своей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Некоторые материалы о пребывании семьи Ипсиланти в России при жизни Константина Ипсиланти содержит его переписка с видным государственным деятелем России А.А.Чартовым. См.: Panaitescu P. *Correspondența lui Constantin cu guvernul rusesc, 1806 - 1810*. București, 1933.

2. До сих пор не написана научная биография А.Ипсиланти. Существующие биографии руководителя Филики Этерии, носящие популярный характер, имеют существенные пробелы,

особенно в части пребывания А.Ипсиланти в России и его взаимоотношений с русским правительством. См.: Γατοπούλου Δ. Αλέξανδρος Υψηλάντης, ο εθνικός ήρωας του Βικιοσιένα. Αθήνα, 1941; Καλαντζή Κ. Αλέξανδρος Υψηλάντης. Αθήνα, 1941; Μωραϊτίνης-Πατρεαρχέας Ε. Αλέξανδρος Υψηλάντης. Αθήνα, 1977.

В значительной степени все эти работы основываются на известном труде видного греческого историка и участника революции 1821-1829 гг. И.Филимона (Φιλίμωνος Ι. Δοκίμιον ιστορικόν περί της Ελληνικής Επανάστασεως. Αθήνα, 1859-1861. Т.1-4). В этом исследовании использовано и опубликовано много ценных документов из несохранившегося семейного архива Ипсиланти, в том числе личных документов А.Ипсиланти. В то же время изучение хранящихся в российских архивах документов показывает наличие ряда неточностей в документальном материале, опубликованном И.Филимоном.

3. См.: Сборник биографий кавалергерцов. 1801-1806. СПб., 1906. С.194.
4. А р ш Г. Д. Ипсиланти в России // Вопросы истории. 1985. № 3. С.90.
5. Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т.8.С.127.
6. А р ш Г. Д. Ипсиланти... С.91.
7. Там же. С.93. (Один рубль серебром приблизительно равнялся в это время четырем рублям ассигнациями).
8. А р ш Г. Д. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. Вып.8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII - начале XX в. М., 1982. С.66-67.
9. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д.1991. Л.75-76. (В начале XIX в. один голландский дукат соответствовал 10-11 рублям ассигнациями).
10. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д.4302. Л.192.
11. А р ш Г. Д. Материалы... С.66.
12. АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. Д.36. Л.1; Ф. Претензии разных лиц к Османской Порте. Д.124. Л.39.
13. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1817. Д.2316. Л.113-114; Ф. Посольство в Константинополе. 1821. Д.3462. Л.16-17 (В 20-х годах XIX в. 1 пиастр был равен 60-70 коп.).
14. АВПРИ. Ф. Претензии разных лиц к Османской Порте Д.124. Л.201-205.
15. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф.958. Оп.1. Д.236. Л.1-2.
16. См.: Д р у ж и н и н Н. М. Государственные крестьяне и реформы П.Д.Киселева. М.;Л., 1946-1958. Т.1-2.
17. Т h u r h e i m L.Mein Leben.Munchen, 1914. Bd. IV. S.205.
18. Φιλίμωνος Ι. Ё.α.Τ.2Σ.75.
19. Подробнее см.: А р ш Г. Д. Ипсиланти... С.92-93.
20. Из записок графини Эделинг // Гусский архив. 1887. Кн.1. № 2. С.206.
21. L a G a r d e A.Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne.Bruxelles, 1843.V.III.P.226-227.

22. РГИА. Ф.958. Оп. I. Д.236. Л.2.

23. Текст его см.: Φιλῆμονος Ι. Β.α. Τ.Ε.33.

24. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1822. Д.4903. Л.20.

25. Подробнее см.: Арш Г. Л. Русское правительство и Филлики Этерия в 1820-1821 гг. // Etudes balkaniques. Sofia, 1969. №1; Он же. Греческий вопрос во внешней политике России (1814-1820) // История СССР. 1978. № 3.

26. АВПРИ. Ф. Претензии разных лиц к Османской Порте. Д.124. Л.125-126.

27. Там же. Л.302.

28. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821. Д.2333. Л.357.

29. Там же. Л.302.

30. Βακαλοπούλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη. 1980. Τ.5.Σ.201.

31. См. подробнее: Арш Г. Л., Пятигорский И. Г. М. Некоторые вопросы истории Филлики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. Вып. II: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX-XX вв) М., 1989. С.37-38.

32. Арш Г. Л. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809-1822 гг. М., 1976. С.307.

33. Арш Г. Л., Пятигорский И. Г. М. Указ. соч. С.35.

34. См., например: Dakin D. The unification of Greece, 1770-1923. L., 1972. P.37; Jelavich Ch. and B. The Establishment of the Balkan National States, 1804-1920. Seattle and London, 1977. P.40-41.

35. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821. Д.2333. Л.310.

36. Там же. Л.308.

37. См.: Φιλῆμονος Ι. Β.α. Τ.1. Σ.59-68.

38. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821. Д.2333. Л.309-310.

39. Там же. Л.306.

40. Текст послания см.: Τριχούλη Σ. Ιστορία της Ελληνικής Επανάστασης. Αθήναι, 1925 (4 έκδοσι). Τ.1. Σ.231-236.

41. См., например: O f e t e a A. L'Hétairie d'il y a cent cinquante ans // Balkan Studies. 1965. V.6. N2.

42. P r o k e s h - O s t e n A. Geschichte des Abfalls der Griechen von Turkische Reiche. Wien, 1867. Bd.3. S.61-62.

43. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821. Д.12373. Л.24.

44. Николай Михайлович (Романов), великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. I. С.558.

45. Βρανούσης Α., Καπαριανός Ν. Αθανάσιου Ζοβίλου. Η Εταιρεία των Φιλικών και τα πρώτα συμβάντα του 1821. Αθήναι, 1964. Σ.25.

46. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополь. 1821. Д.2563. Л. I

47. АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. Д.315. Л.143.
48. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821. Д.2333. Л.346.
49. Prokesh-Osten A.Op.cit.Vd.3.S.65-67.
50. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1821.
Д.2563. Л.6.
51. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1821. Д.12373. Л.21-22.
52. Там же. Л.12-19.
53. См.: АВПРИ. Ф. Административные дела. П-П. 1826.
Д.120. Л.85.
54. Corivan H. La captivité d'Alexandre Ypsilanti // Balkan Studies.Thessaloniki,1967.V.8. N1. P.89.
55. Подробнее см.: Арш Г. Л. Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2.
56. Там же. С.144.
57. АВПРИ. Ф. Административные дела. П-П. 1826.
Д.120. Л.83-84.
58. Там же. Л.91.
59. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Д.11877. Л.41-42.
60. См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Д.4978. Л.1-4.
Ранее был известен лишь не совсем точный перевод письма на новогреческий с французского оригинала. См.: Филиповс Г. Е.а. Т.2. С.224-228.
61. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Д.11877. Л.85.

В.Н.Виноградов

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА: ОТ ОРИЕНТАЦИИ НА РОССИЮ
К ОРИЕНТАЦИИ НА ЗАПАД

XIX век Дунайские княжества встретили с традиционной ориентацией на Россию. Ветры Великой французской революции ее не изменили и даже не поколебали в сколько-нибудь значительной степени. Идеи Просвещения стали достоянием принадлежавшей почти без исключения к крупному боярству немногочисленной элиты. По понятным причинам, она восприняла в первую очередь гуманную и национально-освободительную, а отнюдь не социальную часть французского наследия. Антифеодалное направление общественной мысли в княжествах еще не оформилось, руссоистские идеи эгалитаризма не могли возбудить симпатий у "книжников", принадлежавших, как правило, к сословию феодалов. Масса же народная, пребывавшая в состоянии поголовной неграмотности, внимала проповеди сельского священника и воспитывалась на заповедях Евангелия; ей еще предстояло освоить букварь, на что, как показало время, понадобилось полтора столетия.

И в то же время явно наступала пора судьбоносных перемен. Молдавия и Валахия занимали особое место в системе Османской империи, они сохранили свою государственность и право управлять внутренними делами, являясь вассалами султанского престола. Зависимость от Турции отнюдь не была фиктивной: тяжелая дань, поставки продовольствия и сырья для Стамбула, снабжение турецких войск, запрет на самостоятельное ведение внешних сношений, включая торговые, отсутствие собственной денежной системы, утверждение и смещение господрей (князей) Высокой Портой — все это грозило увековечить отсталость княжеств и обрекало их на прозябание в феодальном застои, притом в это наилучшем

варианте в силу подчинения самой косной в Европе державе. В начале ХУШ в., после попытки господара Дмитрия Кантемира освободить Молдавию с помощью Петра I, Порта перешла к назначению в Яссы и Бухарест своих прямых ставленников из числа греков-аристократов, проживавших в стамбульском квартале Фанар (отсюда и название режима - фанариотский).

Молдавия и Валахия как бы отдавались на откуп пришельцам - те за свое назначение вносили астрономические по тем временам суммы не только в казну, но и рассыпали золото перед вельможами и обитательницами сераля. Поскольку предоставление княжения стало выгодной финансовой операцией, наступила господарская чехарда: в 1774-1821 гг. в Молдавии и в Валахии сменилось по 16 монархов. Прибыв в княжество, каждый стремился побыстрее и с лихвой возместить затраты; налоги и поборы росли как на дрожжах.

В этих условиях вступление русских войск воспринималось как приход долгожданных избавителей. Во время войн 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг. в храмах возносились молитвы в честь избавителей, а отряды молдо-валахских добровольцев сражались в рядах русской армии. Кючук-Кайнарджийский (1774) и Ясский (1791) договоры устанавливали российское покровительство над княжествами. Их жителям разрешалось свободно исповедовать христианскую религию; туркам запрещалось селиться на их территории; султан обязывался не смещать господарей без особых с их стороны провинностей и мог это совершать лишь с согласия российского двора. Автономные права Молдавии и Валахии, почти исчезнувшие в фанариотскую эпоху, стали приобретать реальное содержание. Опора на Россию мыслилась как залог окончательного освобождения и представлялась единственно реальным путем избавления от "ига агарянского".

"Книжники" той поры не уединялись в башне из слоновой кости, а прочно стояли на земле; это была своя земля, и они жаждали содействовать ее освобождению. Идеи Французской революции процеживались через двойной фильтр - национального сознания и классовых интересов. Принцип священ-

ности и неприкосновенности частной собственности приветствовался, на щит была поднята идея национального суверенитета как наиболее отвечающая стремлению возродить государственность во всей ее полноте. Но лозунг "Свобода, равенство и братство", как и большая часть социального багажа революции, оказался не востребовавшимся и был оставлен для потомков.

И, наконец, дым с полей победоносных для российских армий сражений туманил умы, кружил головы, побуждал принимать желаемое за действительность и ожидать избавления если не с часу на час, то уж с десятилетия на десятилетие. В то время в Дунайских княжествах соединилось как бы несоединимое: ориентация, опора на царскую Россию и приверженность к ценностям западной цивилизации, правда, распространенная в узком кругу интеллектуальной элиты.

Этому способствовали и иллюзии, питаемые в среде боярства и духовенства относительно России. В глазах умеренных идеологов освободительного движения автократический российский режим выступал в розовом свете, чему способствовали заигрывания Екатерины II с просветителями. Уж если в представлении великого Вольтера Россия, "бывшая еще семьдесят лет назад варварской страной, сейчас стала страной такой просвещенной и такой непобедимой"¹, то простительно было впасть в заблуждение и молдавским боярам и епископам. В декабре 1772 г. в очередном прошении они взывали к императрице: "Воззрите на всю нацию, пришедшую в крайнее разорение", которая чаёт "видеть себя освобожденною от несносного Порты Оттоманской ига и присовокупленною к счастливейшим областям всероссийским"². Это говорилось о той самой России, которая всего через год стала ареной величайшего в истории крестьянского восстания Емельяна Пугачева, сравниваемого современниками с французской Жакерией и Войной башмака в Германии! Впрочем, учитывая принадлежность просителей к высшим сферам феодального общества, можно предполагать, что твердость (жестокость!) российских властей в расправах с повстанцами служила в их глазах лучшей рекомен-

дацией. Социальных перемен они не желали и в опоре на крепостническую Россию усматривали своего рода гарантию сохранения своих привилегий.

О прочности ориентации на Россию писал в 1837 г. молодой Михаил Когэлничану, позднее один из основателей единой Румынии: "В течение веков в Молдавии и Валахии существует традиция, гласящая — наше избавление придет с Севера. Все привязывает нас к России, она наша мать. Прошло время, когда мы одни могли обороняться от турок, поляков, венгров, татар; мы слишком слабы, мы ничего не можем сделать без России, которая всегда была нашим благодетелем, которая дала нам наши права и наши свободы, которая вновь вписала нас в ряды наций и дала нам немного цивилизации, которой мы обладаем"³. Налет идеализации в этом высказывании очевиден, но оно же свидетельствует о силе и прочности связей с северным соседом и о возлагавшихся на него надеждах.

В начале XIX столетия ориентация на Россию продолжала оставаться доминирующей. В июне 1807 г. высшее духовенство и боярство Молдавии обратилось к Александру I с красноречивым призывом: "Твои есмь великий Государь император, и не имеем к кому иному в полной надежде простерти руки и возвести очи наши... Не оставь избавить от бывшего на нас тиранского ига, от суровости иноверцев и опасности от мятежников, истреби нечеловеческое правление, дышащее угнетением бедному сему народу, присоедини правление земли сей с богохранимой державою Твоей с полезными преимуществами, которые Твоя ж воля земле сей утвердила. Да будет одно стадо и один пастырь. И тогда да наменуем сей есть златый век состояния нашего"⁴.

Картина совершенно изменилась в сороковые годы, когда влияние самодержавной России было размыто. Соблазнительно приписать это конкретным и довольно мрачным проявлениям политики царизма. В 1821 г. в княжества из России вступили отряды греков под водительством князя Александра Ипсиланти, собиравшиеся оттуда двинуться на освобождение своей родины. Тогда же в Валахии вспыхнуло восстание Тудора Владимиреску.

Исходя из охранительных принципов Священного союза, Александр I санкционировал карательные акции войск Высокой Порты, подавивших и греков, и румын с традиционной жестокостью. Но этот печальный эпизод не омрачил российско-румынские отношения в такой степени, чтобы можно было говорить о переломе, а завершивший очередную войну с Турцией Адрианопольский мир 1829 г., казалось, должен был открыть перед ними радужную перспективу.

Подписанный в Адрианополе трактат для Дунайских княжеств, как, впрочем, и для всех балканских государств, имел значение эпохальное. Их автономия в системе Османской империи была упрочена и расширена, договор открыл в Юго-Восточной Европе эпоху реформ. Он установил пожизненное правление господарей в Яссах и Бухаресте, что ослабило их зависимость от Высокой Порты. Смешать их разрешалось лишь за очень крупные провинности, притом с санкции царского двора. Мусульмане подлежали выселению из княжеств с продажей принадлежавшего им имущества. Турецкие крепости — Браила, Джурджу, Турну-Северин были срыты, окружавшие их земельные анклавы возвращены Валахии. В княжествах возрождались национальные вооруженные силы — важнейший атрибут государственности. По границе создавались санитарные кордоны, что образovalo своего рода демаркационную линию между Молдавией, Валахией и Турцией и явилось определенной гарантией от прежде постоянно повторявшихся вторжений султанских войск и полубандитских, а то и просто бандитских, формирований непокорных пашей, последнее из которых произошло в 1821 г. Выдворить незваных гостей стоило российской дипломатии больших усилий и заняло пять лет. Важным по своим экономическим последствиям явился пункт, освобождавший княжества от обязательных поставок Турции продовольствия, леса и сельскохозяйственного сырья (понятно, по заниженным ценам). Подтверждалось право свободы торговли и плавания молдаван и валахов по Дунаю на собственных судах. Предусматривалась реформа внутреннего управления в соответствии с пожеланиями "почтеннейших обитателей" края. Обя-

зательства в отношении Турции ограничивались фиксированной данью, некоторыми другими платежами и отказом от определенных атрибутов государственного суверенитета (права иметь свою монету, вводить паспорта, устанавливать дипломатические отношения).

В течение пяти лет после заключения мира Молдавией и Валахией управлял просвещенный российский вельможа Павел Дмитриевич Киселев, в молодости близкий к декабристам, а позднее один из немногих умеренно-либерально настроенных советников Николая I. Ему пришлось столкнуться с немалыми трудностями в разоренном войной крае. На Молдавию и Валахию обрушилась эпидемия чумы. Второй чумой являлось всепроникающее взяточничество и казнокрадство. Киселев создал санитарную службу для борьбы с эпидемией, образовал специальную ревизионную комиссию, обнаружившую 200 тыс. налогоплательщиков, не числившихся в списках, с которых мздоимцы аккуратно взимали поборы в свою пользу. С чумой медицинской справиться удалось, хуже обстояло дело с чумой административной. Взамен отстраненных и наказанных казнокрадов пришел легион новых.

При Киселеве была реорганизована полиция, отменены пытки и смертная казнь. В 1831-1832 гг. в Валахии и Молдавии вошли в силу Органические регламенты, первые конституционные акты, определявшие их государственный строй, административный и юридический статус, аграрные отношения, положение различных классов. Провозглашался принцип разделения властей - законодательной и исполнительной, судебной и административной. Были образованы министерства, введена система судов, включая коммерческие, созданы прокуратура и адвокатура. В регламентах признавалась польза, приносимая торговлей, и расширялись права купечества, чему способствовала отмена внутренних таможен и налога на ввоз сельскохозяйственных продуктов в города. Важное принципиальное значение имела содержащаяся в регламентах констатация о благодетельных результатах, которые принесло бы объединение этих двух народов. Тем самым признавалась, правда, пока

чисто теоретически, целесообразность создания единого Румынского государства.

Княжества вступили в полосу подъема – хозяйственного, общественного, культурного. Посевная площадь за первые десять послевоенных лет выросла в Молдавии вдвое, в Валахии – в 1,4 раза. Продажа зерна за рубеж превратилась в важный источник пополнения казны и частных состояний. В "Статистическом описании княжества Валахского" (1833 г.) говорилось: "С тех пор, как Адрианопольским трактатом край сей обеспечен от алчности турок, торговля объявлена свободной, брайловский порт открыт и отсель более 400 кораблей отплыли, наполненных хлебом, и цена оного возвысилась вдвое и даже втрое против прежнего..."⁵.

Росло число ремесленников, появились отдельные мануфактуры и даже одна паровая мельница. Правда, суеверные заказчики на первых порах чурались "адской машины", но зима выдалась суровой, реки замерзли, водяные мельницы остановились, а паровая заработала.

Укрепление государственности (хотя и в урезанном виде), упрочение безопасности, экономический подъем, определенный рост буржуазии, главным образом торговой, появление национальной интеллигенции – все это способствовало культурному возрождению. В Яссах стала выходить газета "Куриерул ромынеск" ("Румынский курьер"), в Бухаресте – "Албина ромыняскэ" ("Румынская пчела"). В их названиях отразилось явно обозначившееся стремление к объединению двух княжеств. Активно шло внедрение в ширившуюся школьную сеть обучения на родном языке (раньше языком обучения был греческий). При этом, особенно в Валахии, происходило немало перегибов: ревнители латинского происхождения румынского языка принялись изгонять давно и органически вошедшие в его состав слова славянского происхождения. Исподволь началось наступление на кириллический алфавит, на котором изначально базировался румынский язык. Видный просветитель Алеку Руссо выражал тревогу, как бы рьяные пуриты-латинизаторы не ввели "итальянизированный, офранцузенный" литературный язык, не-

понятный простому народу.

Первые шаги делало высшее образование. В Яссах и Бухаресте были основаны академии – Михаэлянская и Святого Саввы. В них читались курсы философии, теологии, юриспруденции, геологии, минералогии, политэкономии, истории, агрономии, архитектуры. Возник национальный театр; ему пришлось выдержать жестокую борьбу за существование с французскими труппами, на представления которых привыкли ходить крошечная прослойка приобщившейся к культуре элиты. Стали издаваться научные журналы, почетное место среди которых занимали исторические ("Архива ромыняскэ" – "Румынский архив" и "Магазинул историк пентру Дачия" – "Исторический архив для Дакии"), будившие "образ прошлого", напоминавшие о былой независимости, о сечах с османскими и иными завоевателями.

В 1834 г. Бухарест торжественно проводил возвращавшегося на родину П.Д.Киселева – с речами, шампанским, его карету окружила многочисленная толпа, ему было присвоено звание почетного гражданина города, его именем назвали красивейшую из улиц Бухареста – шоссе Киселева.

Казалось бы, радоваться и безмятежно процветать княжествам. Увы, это было не так. Все сказанное выше – парадная лицевая сторона медали. Но существовала и мрачная оборотная. Возрождение происходило на видоизмененной феодальной основе, поэтому данный его этап оказался быстротечным. Органические регламенты закрепили земли в собственности бояр, а крестьянство опутали многочисленными повинностями. Право его ухода от "своего" боярина обуславливалось столькими платежами, что его практически не существовало. Надо было выплатить все повинности за год вперед, безвозмездно оставить помещику хату, сад и огород, внести поголовную подать за все годы до проведения следующей переписи, а это происходило раз в семь лет. Так что царя был прикован к помещику прочной экономической цепью. Поэтому Карл Маркс и назвал в "Капитале" Органические регламенты "кодексом барщинных работ"⁶. Крестьянские наделы были значительно

уменьшены, быстрая же запашка все новых и новых территорий привела к тому, что уже в 60-е годы деревня вступила в полосу земельного голода. Бояре, разрабатывавшие регламенты, не забыли свои интересы, освободив себя от налогов и присвоив право учреждать предприятия, не платя при этом за патент. В так называемом Обычном собрании было представлено одно боярство, и утопией обернулась надежда на то, что буржуазные реформы могут провести крупные феодалы.

Скоро наступило разочарование в Органических регламентах. Их аграрные разделы потянули за собой на феодальное дно все остальное. Торговый рынок способствовал накоплению капиталов. А дальше что? Деревня продолжала жить замкнутым натуральным хозяйством и поглощала минимум промышленных товаров. Фактическое прикрепление крестьян к земле препятствовало переселению в города и созданию здесь рынка рабочей силы. Иностранные товары почти беспрепятственно проникали в Дунайские княжества — они были привязаны к общетурецкой таможенной системе с ее крайне низкими ввозными пошлинами. Налаженной кредитной системы не существовало, банки отсутствовали, зато процветало ростовщичество. Против введения национальной валюты возражала Высокая Порта. Пути сообщения находились в жалком состоянии, о железных дорогах в княжествах слыхом не слыхали.

Социального консенсуса Органические регламенты не принесли, напротив, внутриполитическая напряженность в Молдавии и Валахии в 30-40-х годах шла по нарастающей. Назначенные Портой с санкции Петербурга господа Григоре Гика в Валахии и Михаил Стурдза в Молдавии осуществляли управление даже не в интересах крупного боярства в целом, а близких им лично группировок, раздавая приспешникам теплые местечки, пристраивая их к государственному пирогу, глядя сквозь пальцы на процветавшее казнокрадство. Особенно отличался Михаил Стурдза, некогда подвизавшийся на ниве просветительства. Он широко практиковал продажу боярских званий, современники сравнивали князя с двумя одиозными фигурами римской истории — Нероном и Калигулой.

За спиной у господарей стояла официальная Россия, установившая в княжествах свой фактический протекторат. Консулы бдительно контролировали деятельность собраний, настаивали на преследовании революционеров и оппозиционеров. По настоянию Петербурга всякое изменение в Органических регламентах подлежало его, а также Высокой Порты санкции⁷.

Парламентская оппозиция носила шумный, но мелкомасштабный характер – против господарей выступали соперники. Многочисленны были жалобы, направлявшиеся двум дворам – сюзеренному и покровительствующему, благо в поводах недостатка не ощущалось. Гику удалось сместить, его место занял Георге Бибеску, Михаил Стурдза на престоле удержался. У крупного боярства созрел замысел превращения княжеств в своего рода аристократические республики, предусматривалась даже иерархия нобилитета: князья – графы – бароны – кавалеры.

Гораздо серьезнее была оппозиция внепарламентская, но и она охватывала узкий круг лиц, вовлеченных в политическую жизнь, – среднее и мелкое боярство, купечество, национальную интеллигенцию, офицерство. Отсюда – форма заговоров, в которую выливался их протест. Что же касается требований, то они варьировались от ограничения власти господарей до введения демократической республики и радикального решения аграрной проблемы с наделением крестьян землей за небольшой выкуп. Постепенно вызревала широкая программа, включавшая национальное освобождение, отмену боярского сословия, введение парламентского режима, установление равенства граждан перед законом, свободу слова, печати и собраний, и – это фигурировало повсеместно – отмену протектората царизма над княжествами.

В 1831–1848 гг. в Молдавии и Валахии было разработано 96 проектов государственного преобразования, что свидетельствовало об интенсивном биении пульса общественной жизни⁸. Выдвигавшиеся в них девизы и призывы свидетельствовали об их направленности: "Акт объединения и независимости", "Справедливость и братство", "Братство и равенство", "Иг-

норировать должности и звания в борьбе против тирании". Полная разногласия царил в экономических разделах проектов. Ч.Боллиак писал о планах, разработанных "национальной партией" И.Кымпиняну и предусматривавших "освобождение" селян без земли: "... Бояре франкмасоны выработали проект конституции, который оставлял крестьян умирать с голоду"⁹. А членов революционного "Братства" (общества "Фрэцие") один из оппонентов назвал "сынами смерти" - такой страх вызывали у него революционные методы, коих оно придерживалось.

Но роднили всех - от сторонников конституционной монархии до пламенных республиканцев - стремление к национальному освобождению, принимаемое за столбовую дорожку к прогрессу, отрицание абсолютизма в любой его форме и требование освобождения от царского протектората.

Заговоры раскрывались, их участники оказывались за решеткой - иначе и быть не могло в странах с суровой цензурой и жестким полицейским надзором, да еще находившихся под бдительным оком царских консулов. В этих условиях все большую роль в разработке планов государственных и социальных преобразований стала играть молдо-валашская молодежь, устремившаяся в поисках знаний в Париж, Брюссель, в меньшей степени - в Берлин и Вену. Ее не устраивали ни абсолютистские замашки государей, ни поверхностное фронтдерство крупнобоярской оппозиции, добывавшейся доли власти при сохранении феодальных порядков, - она стремилась эти порядки смести. В студенческих кружках зрели замыслы демократических и республиканских преобразований, исподволь шла подготовка к революции, и среди важнейших требований фигурировало освобождение от российского протектората. В одном из манифестов румынских "парижан" говорилось: "Забытые, не признанные западными народами, нашими братьями по крови из латинской семьи, непонятые народами Востока, преследуемые соседями, мы в одиночестве прошли с поднятой головой сквозь годы и бесчисленные бури... Верьте, братья, мы будем вместе - венгры, славяне, греки

выступят с нами в священном крестовом походе демократии...»¹⁰.

В дальнейшем случалось всякое: юншеские мечты потускнели, горячие головы остыли, а их обладатели презрелись в заурядных либералов, а то и консерваторов или лояльных подданных князей и королей. Но органическое отторжение от самодержавных принципов и порядков осталось.

История сыграла злую шутку с царизмом, зарывшимся на установление на Балканах своей гегемонии, пусть в опосредованном виде, с опорой на местные консервативные круги. Опора оказалась гнилой, исторически себя изжившей или, по меньшей мере, изживающей. Сословие крупных помещиков, цеплявшееся за сохранение феодальных устоев и свои привилегии, было обречено на уход с политической арены, и никакая протекция из-за рубежа была не в силах этому воспрепятствовать. Различались лишь варианты и хронологические рамки процесса.

Казус с Дунайскими княжествами имел свои особенности. 1848 год стал рубежом, на котором была похоронена ориентация на Россию. Княжества оказались возлеченными в общий поток европейской революции, в большей степени охвативший Валахию, в меньшей — Молдавию. Движение было подавлено совместными усилиями двух дворов — суверенного и покровительствующего.

Не нужно, однако, быть пророком, чтобы сказать, что и без драмы 1848 г., события, пусть в более растянутые сроки и без порожденного революцией чувства горечи и отчуждения, все равно пошли бы по тому же руслу.

Адрианонопольский мир, добытый российской армией и дипломатией, свел к минимуму вмешательство Порты в молдо-валашские дела; на этом фоне постоянное менторство самодержавия, почти полицейский надзор, поддержка обреченного строя и порожденных им порядков воспринимались особенно болезненно.

В отношениях между Россией и Дунайскими княжествами отсутствовал фактор этнической солидарности, столь суще-

ственный в случае с сарсами и болгарами, не было сознания общности происхождения, кровного родства, языковой близости. В то же время мощно сказывался фактор притяжения к романскому миру. Латинская сестра, Франция воспринималась как очаг западной цивилизации; цитадель Просвещения, немеркнувший источник новых идей. К ней устремлялись сердца и умы молдо-валашской молодежи. Прохождение университетского курса способствовало приобщению к научным знаниям, знакомству с основами конституционного строя, передового по тому времени гражданского и торгового законодательства. Относительное благосостояние народных низов на Западе контрастировало с стесанностью и убогостью жизни своего народа. "Какой путник, пересекающий долины Нижнего Дуная, не остановится в восхищении, — восклицал революционный демократ Николае Бэлческу. — Перед ним расстилаются плодородные поля, над ним — небо ослепительной голубизны и удивительной прозрачности, а вдали громоздятся горы. Счастливая страна! Счастлив народ, которого Господь Бог сподобил поселить в этом цветущем саду!". Но вот перед ним другое видение: "...Из подземной норы появляется тощее, оборванное, грязное существо...". Так выглядит обитатель земного рая^{II}.

Запад поражал совершенством техники и развитием сельского хозяйства, а в родной стране царяне по-прежнему ковыряли землю прадедовской сохой, урожаи в 2-3 раза отставали от западноевропейских — и это при сказочном плодородии придунайских почв! Румынское зерно, основной тогда продукт вывоза, свозилось в европейские центры, так как Россия в нем не нуждалась и товарообмен с восточной соседкой еле теплился. Благосостояние страны стало ассоциироваться с ориентацией на Запад.

Что же касается России, то про нее можно было сказать: "Мавр сделал свое дело — мавр может удалиться". В значительной мере усилиями российских войск и дипломатии был проторен путь в будущее Дунайским княжествам. Самодержавие, верное своим социальной принадлежности, стремилось к тому, чтобы это будущее свелось к слегка реформированному

и подурмяненному на современный лад прошлому. Новое поколение румын ответило на это категорическим отказом. Органические регламенты, кодекс умеренных реформ, стали восприниматься как катехизис застоя; их текст был торжественно предан огню во время революции 1848 г.; вместе с ними сгорела и "русская партия" в княжествах; сторонниками ориентации на Россию продолжали оставаться лишь одиночки, главным образом из числа представителей знатных и древних боярских родов. Важнейшим же из требований "сорок восьмого" явилось избавление от российского протектората. Царизм ответил в духе традиций Священного союза: вторжением в Валахию и Молдавию и участием в подавлении революции бок о бок с недавним соперником и неприятелем — Портой. А затем по Балта-Лиманской конвенции 1849 г. избрание господарей было заменено их назначением двумя дворами — российским и турецким, законодательные собрания заменялись советами (диванами), составленными исключительно из бояр; до 1851 г. в княжествах стояли турецкие и русские войска для борьбы с "мятежными" движениями; было восстановлено действие Органических регламентов, отвергнутых революцией.

Означало ли это, что позитивные потенции российско-румынских отношений были исчерпаны и обе стороны вступили в полосу неизбежного и безальтернативного отторжения? Ни в коем случае! Переориентация на Запад сопровождалась идеализацией его внешнеполитической линии, забвением того, что в основу балканского и ближневосточного курса Великобритании, Австрии и, в определенной мере, Франции был положен принцип статус-кво, сохранение в целостности владений и власти Османской империи. Ирония судьбы заключалась в том, что и в дальнейшем в переломные для Дунайских княжеств эпохи они нуждались и реально получали поддержку России. Так случились в период их борьбы за объединение и образование Румынского государства (1856—1861 гг.).

В совершенный тупик завела румынскую дипломатию ориентация на Запад в попытке добиться полной независимости во время Восточного кризиса 1875—1878 гг. Во всех западных

столицах, включая Париж, румынские представители встретили вежливый и холодный отказ. Пришлось опять искать опору в России и в сотрудничестве с ней завоевывать независимость на полях сражений. Молодая румынская армия со славой и пользой для общего дела участвовала в осаде и взятии цитадели османской обороны – крепости Плевна. Берлинский конгресс 1878 г. санкционировал то, что было завоевано румынскими и русскими штыками.

После достижения цели произошло резкое охлаждение между бывшими союзниками и переориентация Румынии, на сей раз – на австро-германскую военную группировку. Премьер-министр И.К.Бретяну, инициатор и творец союза с Берлином и Веной, начисто забыл свои призывы молодых лет – питать к Австрии одно лишь чувство ненависти и вражды. "Отвергайте все, что от нее исходит как от источника вероломства, смертельной отравы, грозящего гибелью всему, что к нему приближается", – писал он в свое время¹².

Золотое правило, согласно которому соседей не выбирают, а жить с ними надо мирно и по возможности дружно, – было начисто забыто. Отчуждение происходило в идеологическом обрамлении национализма*, правда истории тенденциозно переплеталась с вымыслом, нацеленным на очернение российско-румынских отношений. Отправной точкой служил факт существования и развития романского этноса в славянском окружении. Из несомненной жизнестойкости предков делался вывод об их избранности, о присущих им качествах привязанности к родной земле, языку и обычаям, позволившим им сохранить свое лицо и не раствориться в окружающем славянском море, что, в свою очередь, приписывалось свойственному им более высокому цивилизационному уровню, превосходству унаследованных от римлян культурных традиций. Для этого препарировалась история – умалядось значение славянского компонента в формировании средневековых народностей молдаван и вала-

* См. статью "1848–1878 гг.: свет и тени в русско-румынских отношениях" в данном сборнике.

хов, преуменьшался удельный вес слов славянского происхождения в языке, набрасывалась тень на прошлые русско-румынские связи, культивировалось высокомерие по отношению к окружающим славянским народам. И все это происходило в годы правления тех самых либералов, которые в молодости, участвуя во всевозможных европейских комитетах, один революционнее другого, в упоении восклицали: "О, священная Свобода! Ты, которая дает человеку чувство соиздателя и ощущение семени Божьего... Ты, которая рождает счастье, мораль и возвышает; ты, ангел-хранитель всех людей и народов, желающих приблизиться к величественной модели и следовать путем, начертанным Провидением, проникни отныне в душу Румынии, стань лучезарной звездой, ведущей к славе и счастью!"¹³.

Следует подчеркнуть, что все вышесказанное относилось к тонкому слою приобщившихся к политической жизни и, в определенной мере, к воспитанной в националистическом духе интеллигенции. В толщу народных масс русофобия не проникла. Российские дипломаты неизменно отмечали приветливость и доброжелательность селян. М.А.Хитрово писал в 1886 г., в разгар российско-румынской "холодной войны" и политического романа бухарестских верхов с Тройственным союзом: "Какие бы всплески ни пенились на поверхности, в глубине этого народа нет еще пока ничего, кроме двух преобладающих чувств: беспредельного сочувствия к единоверной России и непримиримой вражды к Австрии" (на полях - помета Александра III: "Дай Бог!")¹⁴.

Приведем еще одно высказывание, относящееся уже к XX в. (1914 г.) и принадлежащее Христиану Раковскому, лидеру румынских социалистов. Он свидетельствовал: "У нас существует и русофильство в крестьянстве, такое же, как у крестьянства Трансильвании и Болгарии. Крестьянские массы сохранили ... чувство признательности к России" как к "своей освободительнице"¹⁵. Раковский констатировал это с видимой досадой - румынские социалисты тогда вкупе со всем II Интернационалом заикнулись на утверждении, судя по Рос-

сия была, есть и вечно пребудет центром мировой реакции и свет социализма воссияет на Западе.

К.Доброджану-Геря, крупный идеолог реформистского толка, разработал "теорию социализма в отсталых странах", согласно которой эти государства воспримут социалистические порядки после того, как они восторжествуют в передовых¹⁶. Поэтому социалистическая печать усердно пережевывала тезис о "русской угрозе", нависшей над прогрессом, и раздувала кадилло русофобства¹⁷. На политической арене не существовало сил, способных спокойно и трезво взвесить не только минусы, но и возможные плюсы сотрудничества с восточным соседом.

Между тем, ориентация на Тройственный союз завела Румынию в тупик, преградив путь к объединению с Трансильванией, населенной в большинстве румынами, но входившей в состав Австро-Венгрии. В годы первой мировой войны Бухарест покинул лоно старейшей военной группировки и присоединился к Антанте. Кампания 1916 г. обернулась несчастьем, румынская армия потерпела разгром, и России пришлось взять на себя основную тяжесть обороны той части румынских земель, что не подверглись вражеской оккупации.

Но наступила Октябрьская революция, русская армия перестала существовать как боевая сила; румынские власти воспользовались этим для занятия Бессарабии; наступил длительный советско-румынский конфликт вокруг этой области. К проблеме ориентации это отношения уже не имеет - Румыния заняла место в "санитарном кордоне", сооруженном вокруг Советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: С и в о л а п И. И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978. С.183.

2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. 1773. Д.1702. Л.81.

3. К о г ъ л н и с е а н и М. Opere. Bucuresti, 1946. Т.1.Р.470.

4. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1881. Л.47.

5. Цит. по: Г р о с у л В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966. С.338.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.
Т.23. С.249.
7. Джапаридзе Э. А. Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах (из предьстории революции 1848 года). М., 1991. С.108.
8. Там же. С.106.
9. Там же. С.113.
10. Сорнеа Р., Замфир А. Gîndirea românească în epoca rasoptistă. Bucureşti, 1969. P.91, 93.
11. Вăлсесу Н. Opere. Bucureşti, 1940. Vol. I. P. 2, 5-6.
12. Сорнеа Р., Замфир М. Op.cit. P.490.
13. Ibid. P.122.
14. АВПРИ. Ф. Политархив. 1887. Д.621. Л.10.
15. Lupta zilnică Bucureşti, 1914. 21 X.
16. Dobrogeanu - Gherea C. Asupra socialismului în țările înapoiate // Dobrogeanu - Gherea C. Scrieri social-politice. Bucureşti, 1968. P. 255-284.
17. Viitorul social. An. I (1907). N 1. P.6.

1848–1878 гг.: СВЕТ И ТЕНИ В РУССКО–РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Тридцатилетие с 1848 по 1878 г. в румынской истории до предела насыщено событиями. Одно и то же поколение свершило три важнейших для судьбы страны деяния – осуществило объединение Молдавии и Валахии и создало единое Румынское государство; провело аграрную и целую серию других реформ, предопределивших экономическое, социальное и политическое развитие на целую эпоху вперед; приняв участие в русско–турецкой войне 1877–1878 гг., добилось международного признания независимости своей родины. То же поколение дало мощный импульс культуре во всех ее областях – науке, искусстве, литературе.

В наследство от 1848 г. был воспринят тезис: "Мы будем рассматривать все – искусство, литературу, историю, политику, мораль, – с единственной точки зрения – точки зрения Румынии"¹. Культура, ее проявления, вплоть до 70-х годов, до возникновения младоконсервативного течения жульнизма, была идеологизирована. Поэты, прозаики, художники предавались творчеству с высокой думой о судьбах родины. Трудно назвать хотя бы одного деятеля искусства, скрывшегося от кипучей жизни в башне из слоновой кости. Видный историк Михаил Когэлничану, экономист Ион Гика, прославленный поэт Василе Александри, талантливый журналист Константин Росетти одновременно являлись ведущими политическими деятелями. И все это накладывало печать на направленность общественных и культурных связей с зарубежьем.

Национальная культура извечно стоит перед дилеммой открытости к мощным веяниям извне или замкнутости в самой себе. Абсолютизация и того и другого равно пагубны

для культуры, особенно молодой, еще не окрепшей, находящейся в процессе становления. Первое грозит ей растворением в более мощных ионациональных потоках и полным исчезновением или вырождением; второе чревато затворничеством в клетке национальной ограниченности и духовной отсталости. Самобытная индейская культура в США и Канаде загнана за решетку резерваций; проявления провансальской и бретонской жизни во Франции еле теплятся; шотландский и валлийский языки сохранились лишь в медвежьих углах (если такое выражение применимо к Британским островам), галльский язык мало кому известен в самой Ирландии. Английская речь торжествует по всему миру.

Споры о путях развития румынской культуры в стране не утихали, идеальным казалось прочерчивание среднего пути, дабы не потерять и не потеряться, и блага мировых духовных богатств вкусить, и в них не раствориться². Но если говорить об эпохе 50-70-х годов, то открытость преобладала в отношении Запада, а замкнутость — к России. И на то были причины помимо интеллектуальной мощи передовых тогда стран, их культуры и привлекательности для развивавшейся либеральной и консервативной общественно-политической мысли румынской буржуазии. Россия же в глазах пешоптистов и сменившей их плеяды руководителей Румынии олицетворяла европейскую реакцию. 1848 год черной полосой вошел в летопись взаимоотношений двух стран.

"Традиции" 1848 г. продолжались и дальше: в следующем году по Балта-Лиманской конвенции с Турцией Россия пошла на значительное ущемление автономных прав Молдавии и Валахии, завоеванных и утвержденных при ее же содействии. "Русская партия" в княжествах сошла на нет. Деятели революции переосмысливали пути достижения цели — объединения княжеств и создания единого Румынского государства. Во время Крымской войны лидеры национального движения, единственные в Юго-Восточной Европе, предлагали свои услуги антирусской коалиции. Произошла полная переориентация на Запад. Нельзя отрицать веских побудительных причин этого явления. Официа-

альная, "николаевская" Россия олицетворяла в глазах демократов недоброй памяти Священный Союз; с точки зрения экономических контактов, уже тогда игравших значительную роль, Россия с ее однотипной с Дунайскими княжествами аграрной экономикой представляла для последних мало перспектив; иное дело — соблазны обширного западного рынка, закрома которого были открыты для приема дунайской пшеницы.

Послереволуционный период — важный этап идейной эволюции румынского национального движения. 1848 год знаменовал высшую точку его революционности; дальше пошел спуск по пути реформ. Национальное движение вне социального вообще не существует. Видимой причиной падения революции 1848 г. явилось вторжение турецких и русских войск. Скрытой, подорвавшей изнутри силы сопротивления, явилось нежелание и неспособность валашских руководителей разрешить кровоточащий земельный вопрос. Работа аграрной комиссии зашла в тупик — крупные землевладельцы не желали расставаться хотя бы с частью своих угодий, а лидеры пашоптистов почти поголовно принадлежали к помещичьему сословию. Итогом явилось охлаждение крестьян к революции и подрыв ее социальной базы.

Извлекли уроки и ее вожди: прежде всего необходимо осуществить унию двух княжеств и развивать национальную жизнь в больших пространственных пределах; осуществлять это великое деяние следует опираясь на западных единомышленников, альтруизм которых они склонны были преувеличивать. От революционного пути объединения они отказались — участие в развернувшейся борьбе широких масс представлялось им чреватым опасными последствиями. Революционный демократ Николае Балческу в одиночестве продолжал стоять на позиции "народы против правительства": "...Лишь европейская катастрофа может решить нашу судьбу... И пусть кабинеты смотрят на нас как на анархистов"³. Он обращался к бывшим единомышленникам: "Напрасно вы будете вставать на колени у императорских ворот и у дверей их министров и взывать к ним. Они вам ничего не дадут, они этого не хотят и не сделают"⁴. Его никто уже не слушал. Друзья молодости устремились в дипломатичес-

кие канцелярии и приемные государственных мужей Запада. И Балческу дает им уничтожающую характеристику: "Париж полон румынскими реакционерами, но все они выдакт себя за революционеров"⁵.

Родной язык и национальная история активно использовались в политической борьбе. Усиленно подчеркивалось латинское происхождение румын, славянское воздействие на формирование их этноса умалялось. Был осуществлен перевод письменности с кириллицы, служившей развитию румынской культуры полтысячи лет, воспринятой еще в XIV в. без всяких государственных актов, на латинский алфавит. При этом не обошлось без издержек: рьяные латинизаторы изгоняли из языка многочисленные слова славянского корня, давно и прочно вошедшие в его состав. Видные деятели серьезно опасались пагубного воздействия "романизации"; "Изсави нас, господа, от этой мании, которая вызывает смех иностранцев по нашему адресу", — говорил еще в 1843 г. Михаил Когэлничану при открытии Михаэлянской академии. И добавлял: "Лишь нации-банкроты без конца толкуют о своих предках"⁶.

Но обращение к предкам приобрело вполне современное звучание: историческое право стало оружием политической борьбы. Факт сохранения Молдо-Валахийей своей государственности, хотя и в урезанном виде, ее вхождение в Османскую империю на правах вассалитета использовались для обоснования расширения их прав, включая право на объединение.

Исторически сложилось так, что к XVIII в. автономия сошла почти на нет, и назначенные султаном господа послушно выполняли его волю. Одним из важных последствий русско-турецких войн являлось восстановление и даже расширение этой автономии. Эта страница русско-румынских отношений не пользовалась благосклонностью унионистов. Ссылаясь на документы сомнительной достоверности, они толковали о праве княжеств объявлять войну, заключать мир, чеканить свою монету и, разумеется, объединиться по своему желанию⁷. Роль России сводилась на нет.

Еще в 1851 г. братья Думитру и Ион Брэтяну, основоположники семьи "некоронированных властителей" Румынии, а тогда шумные революционеры, провозглашали: "Верьте, братья, отныне мы будем едины, будем вместе; венгры, славяне, греки выступят с нами в священном крестовом походе демократии. Ибо мы будем бороться не только за себя, но и за всеобщие интересы..."⁸. Идеологическая переориентация шла стремительно, и уже через два года Ион Брэтяну в статье "Национальность" объявил румын представителями "высшей расы" (латинской) и утверждал, вопреки истине, что они не смешивались со славянами; он обосновывал плодотворность особенно тесного сотрудничества не с соседями, а с народами одной расы: "Близкие отношения, обмен идеями и понятиями между нациями одной и той же расы отвечают нуждам развития каждой из них, ибо воздействуют непосредственнее, чем связи между народами, принадлежащими к разным расам"⁹.

Ничего крамольного в этом тезисе вроде бы и нет, но от него один шаг до идеи о национальной исключительности и противопоставления румын-латинян окружавшим их славянам и провозглашения их представителями цивилизованного Запада в варварском славянском море. В политическом преломлении это начало проявляться еще в 50-е годы: лидеры унионистов отводили Румынии роль барьера между Россией и рвавшимися к освобождению князьями славянами, а Запад, в ту пору в лице Великобритании и Австрии, стоял на позиции неизблемости европейских владений Турции, иными словами - поддерживал здесь султанскую власть.

Иной точки зрения придерживалась "после Крыма" Россия. Парижский мир 1856 г. отменил ее особые права на покровительство Дунайским княжествам, и они оказались перед реальной опасностью усиления здесь влияния Турции и Австрии. В этих условиях укрепление автономии Молдавии и Валахии (включая запрет на пребывание на их территории турецких войск и вмешательство Высокой Порты в их внутренние дела) представлялось действенным средством, чтобы предотвратить вторжение сюда соперников. Единая Румыния обещала стать более надеж-

ным гарантом в этом плане, чем два маленьких княжества. Русская дипломатия в лице двух ее крупных представителей — вице-канцлера Александра Михайловича Горчакова и посла в Париже Павла Дмитриевича Киселева грудью встала на защиту автономных прав княжеств. А будучи избавлены от угрозы вторжения турецких войск (отнюдь не теоретической!) и вмешательства суверенной Порты во внутренние дела, унионисты быстро и эффективно осуществили объединение Молдавии и Валахии в единое Румынское государство (1859–1862 гг.).

И тут российским представителям пришлось столкнуться с обратной стороной процесса: Румыния устремилась в объятия "латинской сестры", Франции, оказавшей большое содействие унии. Князь Александру-Ион Куза всю государственную жизнь строил по французскому образцу: кодексы Наполеона положены в основу гражданского и уголовного права, учрежден институт префектов, французская военная миссия занялась обучением румынской армии, на парижском рынке размещались займы, французские театры гастролировали в Бухаресте и Яссах, "высший свет" одевался по парижской моде и изъяснялся на французском языке. Встрешенному воображению петербургских сановников Румыния представлялась чем-то вроде французского департамента на Балканах. Не для того они спобовствовали унии, чтоб узреть у себя под боком "маленькую Францию"!

Правление Кузы оборвалось в 1866 г. Убежденный сторонник преобразований, он пришел в столкновение с основной массой помещиков. Чтобы провести достаточно умеренную аграрную реформу 1864 г., ему пришлось пойти на государственный переворот — распустить парламент, изменить избирательный ценз. Он оказался в споре и с радикалами, которые не прощали ему попятений к режиму личной власти, бонапартистских замыслов и гонений на неудобную прессу. Противоположности сошлись, и общими усилиями правых и левых в феврале 1866 г. Куза был свергнут с престола. Современники нарекли заговорщиков "чудовищной коалицией" — таким неестественным представлялся им союз тех, кто еще не в столь

отдаленные времена находился по разные стороны баррикад. В страну прибыл приглашенный на трон Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген, отпрыск младшей ветви прусской королевской семьи.

Смена французского влияния на прусское в Петербурге восторга не вызывала, поэтому весть о новом "избраннике нации" была здесь воспринята сдержанно, если не сказать кисло. Несколько утешило отечественных ретроградов заявление бывшего капитана прусской армии: "Призвав на престол Гогенцоллерна, румыны должны понять, что время политических авантур и подрывных замыслов миновало"¹⁰.

Но через все бурные события 50-60-х годов проходила одна константа: свет идет с Запада, тьма застилает Восток, - идеология обслуживала политику. Предпринимались серьезные усилия для того, чтобы национальным политическим целям подчинить культурные связи. Противопоставление румын славянам не могло пройти "безнаказанно" для этих контактов, и "железная пята" политических антипатий сказывалась в сознательном и целенаправленном создании определенной нравственной атмосферы.

Писатель, историк, археолог и одинокий проповедник русской культуры Александру Одобеску сопроводил цитату из Гоголя исполненным горькой иронией замечанием: "Но что я сделал, горе мне! Я совсем забыл, что сейчас, согласно радикальным принципам высокого и абсолютного румынского патриотизма, принято рассматривать москалей как врагов и недоброжелателей нашего народа, что нам вменяется в обязанность или абсолютно воздерживаться от упоминания их писателей, или искажение их..."¹¹.

Устремляя взоры на Запад, румынское общество не уделило должного внимания крупным реформаторским свершениям александровской эпохи. Подчеркиваем - должного, ибо кое-что из российского опыта бралось на вооружение. Недаром Михаил Когэлничану, проводник аграрной реформы 1864 г., говорил, обращаясь к депутатам Национального собрания: "Я требую для наших крестьян, свободных, как говорят, то-

го, что император Александр II и русское дворянство сделали для рабов, для крепостных. Вы не можете сказать, что вас толкают на проведение коммунистических или социалистических мер; от вас добиваются решения, подобного тому, что было принято в самом консервативном государстве Европы..."¹² Но такого рода аллюзии являлись редкостью. "Другую Россию", не только демократическую, но и либеральную, почти не замечали. Символами нашего отечества прочно служили кнут и Сибирь (ее каторга, а не природные богатства). В 1871 г. Василе Александри сочинил проникновенное стихотворение "Дорога в Сибирь":

Героев вольности не счесть,
Не всех в живых найду я,
Свела их яростная месть
В могилу ледяную!

Конечно, связи культурные, в первую очередь по линии знакомства с литературой, между двумя странами-соседями продолжали существовать. Но, знакомясь с трудами скрупулезных исследователей, взявших на учет, кажется, все, проникаешься горьким чувством: как мало было сделано, как много упущено из того, что могло послужить взаимообогащению двух культур!

Не уядал интерес к Пушкину, причем к творчеству его ранней, романтической поры — точки соприкосновения с романтическим течением в румынской литературе, представленным такими именами, как Василе Александри и Михаил Эминеску, очевиден; привлекали и сюжеты творчества юного Пушкина, почерпнутые из жизни Бессарабии с ее молдавскими и цыганскими сюжетами. Любопытный эпизод: в 1853 г. Александри, странствуя по Испании в обществе знаменитого Проспера Мориме, поведал французцу, что источником песни Земфиры из поэмы "Цыганы" ("Режь меня, жги меня...") послужила не цыганская, а румынская песня¹³.

В печальные раздумья погрузила Александри Крымская война:

Затопленные в бухте, видны мне корабли,
Сожженный Севастополь в клубящейся пыли
В дыму своих руин раскинут над холмами,
Окутан в белый саван тумана облаками.

А сколько было крови, и ужаса, и страха,
И все это по вине тщеславного монарха!

(Перев. В.Рождественского)

(Явный намек на Николая I. Объективности ради, к нему следовало прибавить императора французов Наполеона III и британскую королеву Викторию).

Связанный родственными узами с Россией и хорошо знавший ее язык, Александру Одобеску в 1874 г. выступил с творением оригинального жанра, книгой "Псевдокинегетикон" ("Псевдоруконводство по охоте"), в которой познакомил читателя с выдающимися произведениями, посвященными этому увлекательному занятию. Он высоко отозвался о "Записках охотника" С.Т.Аксакова и И.С.Тургенева и приобщил к ним гоголевского "Тараса Бульбу", знаменитую картину украинской степи, в нем помещенную. "Тарас Бульба", — заключал Одобеску, — это прекрасное описание жизни запорожского казачества, которое сыграло большую роль в истории румынского государства во время славных княжений Матая Басараба в Валахии и Василия Лугу в Молдавии"¹⁵.

Что политика властно вмешивалась в культурные связи, показал 1877 г., когда Румыния вступила на стороне России в войну с Турцией и обрела в ней свою независимость, а ее литература и живопись — прекрасные произведения. Здесь снова следует упомянуть В.Александрю ("Балканы и Карпаты", "Пелеш-Куркянул", "Сержант"). Вот отрывок из последнего стихотворения:

Он в постолах шел рваных, в косматой шапке драной,
Но лоб его лучился, как лаврами венчанный,
И на наряде нищенском сверкали в ряд чредой
Георгий русский рядом с румынской звездой¹⁵.

(Перев. В.Луговского)

Но в повседневной жизни пореформенной Румынии героического было мало, а горького и страшного — хоть отбавляй: задыхавшееся от малоземелья крестьянство, бесправный рабочий люд в городах, роскошествовавшее офрануженное помещичье сословие, разбухший, погрязший во взятках и казнокрадстве чиновничий аппарат. Неудивительно, что гоголевский "Ревизор" нашел в Румынии аналогию, и не одну. В.Александрри сочинил комедию "Милло-директор", сюжетно близкую к гоголевской сатире, а П.Грэдештяну "румынизировал" ее героев, посадив их на местную почву¹⁶. В грэдештяновском варианте пьеса называлась "Тенеральный ревизор" и прошла с шумным успехом в 1874 г. в Бухаресте, а еще через два года — в Яссах. В ней Хлестаков — Йоргу Скобурия — выступает не только хвастуном и пустомелей, но и демагогом и шантажистом, а двойник почтмейстера Шпекина — Ромулус Флавиус Терцилиан воплощает в гротескной форме не такой уж редкий тогда образ рьяного "латинизатора"¹⁷.

Постановка этих пьес побудила взяться за перо Михаила Эминеску, и обратился он не к импровизации Грэдештяну, а непосредственно к оригиналу Гоголя. В статье "Французская и русская комедия" он назвал "Ревизора" шедевром социального обличительства. В нем отсутствуют типаж французской комедии — запутанная интрига, адюльтер, пикантные отношения мужчин и женщин. "Мы смеемся, ... и нас охватывает печаль. Такие чувства вызывает у нас пьеса Гоголя. Такие чувства вызывают правда и действительность. Действительность и правда серьезны". И вывод: Гоголь "проникся жизнью русского народа, его образы списаны с природы, это живые люди"¹⁸. И не только русские.

Что же касается комедии Грэдештяну, то высокие румынские сферы узнали себя в ее героях и отреагировали соответствующим образом. Близкая к правительству газета "Ромынул" сочла комедию безнравственной и искажающей румынскую действительность. На ее защиту выступили А.Одобеску и поэт и публицист Чезарь Боллиак.

Но мнению литературоведов, печать гоголевского влия-

ния лежит и на первой комедии Иона Луки Караджале "Бурная ночь" (1878 г.).

Но все это не влияет на общий вывод о слабости русско-румынских литературных и, шире, культурных связей. Подсчеты числа переводов, сделанные применительно к некоторым годам, вызывают уныние. В 1868 г. вышли переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. Следующий раз Тургенев появился на страницах румынской печати в 1872 г., и то лишь в Трансильвании, а в "старом королевстве" — только в 1879 г. В 1880 г. появилось всего восемь, в следующем — пять переводов с русского. Мы приводим эти цифры не статистик ради, а для общего впечатления: литературные связи едва теплились. Лишь в девяностые годы русская литература мощным потоком ворвалась в Румынию (1895 г. — 67 переводов), и ее читательская среда приобщилась к гению Федора Достоевского, Льва Толстого, Антона Чехова (узкий круг лиц ранее знакомился с их творениями по французским переводам).

Ничуть не лучше обстояло дело со знакомством российского читателя с молодой румынской литературой. Причем специфика его заключалась в том, что переводы осуществлялись и оседали главным образом в Бессарабии и до общероссийского читателя мало что доходило. Едва ли не первая попытка ознакомить россиян с развитием румынской литературы в целом (статья "Румынская литература") относится к 1880 г. ("Исторический вестник", № 3). Переводы из М.Эминеску, А.Влахуце, И.Л.Караджале появились позже и в небольшом числе¹⁹. Увы, видное место в переводах занимало творчество королевы Елизаветы (псевдоним — Кармен Сильва), взиравшей на жизнь Румынии из окна замка Пелеш и сочинявшей сентиментальные рассказы в духе Лидии Чарской. Даже накануне первой мировой войны известный библиограф и книголюб Н.А.Рубакин писал: "Что касается до литературы румынской, то русский читатель может судить о ней лишь по статьям в "Энциклопедическом словаре" и "Большой энциклопедии", так как в наш список могли войти лишь сказки королевы румынской, которая, впрочем, и сама нерумынского происхождения"²⁰.

Уместно привести здесь и относящиеся к тому времени размышления теоретика румынской социал-демократии и литературного критика К.Доброджану-Тери (из его письма к В.Г.Короленко от 4 августа 1912 г.), в связи со смертью И.Л.Караджале, — о печальной участи гения, скончавшегося непознанным и не оцененным в большом мире: "...И вот этот человек огромного ума и таланта умирает, и кроме маленькой Румынии никому это неизвестно, никто о нем и словом не обмолвился... Бедные и несчастные наши маленькие и остальные страны, а еще беднее и несчастнее большие люди, рожденные в этих странах"²¹.

Но в 60-70-е годы существовала одна область общественных связей, где контакты между двумя странами осуществлялись активно и целеустремленно, правда, крошечной группой энтузиастов. Это — связи революционные. Волею судьбы Румыния стала транзитным пунктом на пути русских революционных демократов, а потом — народников на Запад и обратно. Здесь они находили прибежище от преследований охранки. У страха глаза велики, и отечественным ретроградом Румыния представлялась опасным очагом революционных интриг, особенно после того, как здесь укрылись многие участники польского восстания 1863 г. "Может ли допустить Россия, — вопрошал М.Н.Катков, — чтобы эти области еще в большей мере, чем при князе Кузе, стали гнездом всесветной революции, которая оттуда вела бы свои подкопы против соседней России, чтобы там по-прежнему и еще более, чем прежде, скоплялись шайки русских отверженцев и польских революционеров, организовали из себя общества поджигателей и высылали против России всякого рода политических преступников"²².

В наши дни исследователи, и отечественные, и зарубежные, включая румынских, упорно искали следы "обществ поджигателей", но поиски увенчались более чем скромными результатами. Можно, конечно, объяснить скудость имеющихся данных соображениями конспирации; но когда нет ни записей о собраниях, ни публикаций в прессе, ни сведений во всеве-

дущих полицейских арривах, — значит, движение ограничивалось одиночками, переживало эмбриональный период развития, созревания идей в умах. В.Я.Гросул проследил судьбу буквально каждого русского революционера, о котором сохранилось упоминание хотя бы в частной переписке. Примером тщательного подхода может служить собранный им материал о пребывании в этой стране С.Г.Нечаева. Но все собранные сведения свидетельствуют о проживании, а не о деятельности²².

Однако если отвлечься от катковской грандомании, несомненно одно: некоторые российские революционеры оседали в Румынии и вступали в контакт с единомышленниками. И, главное, "оседали" их идеи. Самое малое, что можно сказать о народническом мирозрении, — так это то, что оно заставляло задуматься. Русско-румынские параллели напрашивались сами собой. В 1864 г. переселившийся в Румынию Михаил Рошковский опубликовал брошюру с характерным заголовком "Размышления по поводу аграрного закона (в Румынии. — В.В.), посвященные представителям русской колонии в Лондоне"²³, в которой отстаивал переход всех пахотных земель, лугов и пастбищ в собственность коммун и распределение доходов в соответствии с потребностями и естественным правом каждого.

Выходцами из России были Н.П.Зубку-Кодряну, Н.К.Судзиловский (доктор Руссел), В.Ивановский (доктор П.Александров), К.Кац (К.Доброджану-Геря), З.Арборе-Ралли, К.Стере, внесшие немалый вклад в развитие румынского общественного движения и мысли. Лишь Н.К.Судзиловский, высланный властями из страны и движимый своей неуёмной энергией, окончил жизнь на Гавайях. Остальные обрели в Румынии родину. Различно сложился их жизненный путь, но все они вышли из одной идеологической колыбели — русского народничества.

Многочисленные точки соприкосновения в социально-политическом и экономическом развитии двух соседних стран побуждали румынских революционеров обращать свои взоры к Рос-

сии в поисках опыта.

Можно спорить, наделила или обделила румынских крестьян землей реформа 1864 г., но что обделенными оказались многие — несомненно. Малоземелье побуждало крестьян обращаться к помещикам в поисках угодий для обработки. Препятствие юридическое принуждение сменилось экономическим — царану некуда было податься в поисках земли, кроме как к "своему" боярину, и он соглашался на все более тяжелые условия аренды и обработки. В 70-е годы европейское сельское хозяйство вступило в полосу тяжелого кризиса: пароходное сообщение достигло такой степени совершенства, что рентабельным стал привоз хлеба из Соединенных Штатов и Канады, дешевая заокеанская пшеница хлынула на рынки старого континента. В поисках выхода зерноторговцы сбивали цены на зерно и, по цепочке, чтобы выдержать конкуренцию, помещики заламывали невиданную прежде арендную плату. Естественная рента в Румынии по традиции именовалась "дижмой" — десятиной (в стародавние времена боярин брал с царана за пользование участком десятую часть урожая); в условиях наступившей свободы обычной стала арендная плата в треть и даже половину урожая. Крестьянские волнения стали константой румынской жизни, перерастая по временам в восстания. Естественным поэтому было обращение немногочисленных социалистов и революционных демократов (Е. Лупу, В. Маринеску, К. Стэучану)²⁴ к селу как источнику социальных перемен и их стремление примерить народнический костюм на Румынию. Именно к ним присоединились выходцы из России Н. П. Зубку-Кодряну и К. Доброджану-Геря.

Народники обладали тем, что зажигает молодую кровь и заставляет учащенно биться сердце — бесстрашием, самоотверженностью, беззаветной решимостью покончить со злом одним ударом, а царизм как олицетворение такового имел глобальную репутацию. "Пруссак на престоле", Карл Готенцоллерн-Зигмаринген, вызывал явную антипатию у прогрессивной румынской общественности. Князь явно тяготился ролью конституционно-го монарха и проявлял авторитарные замашки. В 1870 г., во

время франко-прусской войны, он обратился к монархам великих держав с письмом, в котором говорилось о неготовности румынского общества жить в условиях конституционного правления и необходимости ввести в стране режим сильной власти. Отклика его призыв за рубежом не встретил, а в самой стране самодержавные замыслы князя возродили республиканские симпатии. Казалось, что и террористическая тактика народовольцев имеет почву для распространения в Румынии. Но именно — только казалось, ибо установившийся здесь режим буржуазно-помещичьей олигархии абсолютистским все же назвать нельзя. Существовала конституция 1866 г., заимствованная, можно сказать, у лучших европейских образцов. Правда, записанные в ней права и гражданские свободы попирались на каждом шагу, но имелась легальная почва для борьбы за их осуществление. Наличествовал парламент с жестоким имущественным цензом, но все же парламентской трибуной, по идее, можно было воспользоваться. Выходили многочисленные газеты, и по закону цензура отсутствовала; в 1877 г. социалисты выпустили свой журнал ("Социалистул") и "держались" три номера, потом власти потребовали его переименовать и добились закрытия, — но опять-таки существовала почва для движения за подлинную свободу прессы.

Умело манипулируя, князь Карл держал нити управления в своих руках и тасовал кабинеты по своему усмотрению, но принцип парламентской ответственности министров никогда не отменялся. Идея свержения власти путем устранения ее носителей могла иметь место лишь тогда, когда этих носителей было немного, а еще лучше — один; в Румынии она благоприятных условий для своего развития не находила, и отдельные призывы к развязыванию террора против князя отклика не получили.

Не могла здесь прорасти корни и концепция общинного социализма, проповедовавшаяся народниками, — отсутствовала база для ее развития: община в румынском селе отмерла, и крестьяне боролись за получение земли в частную собственность.

Можно поэтому говорить прежде всего о моральном воздействии российских народников на соприкасающуюся с ними румынскую молодежь; они представляли образцом служения народу, преданности делу, личного бескорыстия и бесстрашия. Мысль о том, что убийство человека, волею судьбы оказавшегося на высшем посту в государстве, во имя какой угодно возвышенной цели ужасно само по себе, не воспринималась всерьез — в Румынии тогда политический террор отсутствовал и над его мрачной стороной не задумывались. Контакт с народниками способствовал обращению той крошечной ячейки румынского общества, что соприкасалась с ними, к идеям социализма в его различных вариантах, с одной стороны, и аграризма — с другой. Последующие свидетельства говорят о том, что румынские кружковцы считали своих прибывших из России коллег как бы посредниками в их общении к социалистическим идеям: социализм "пришел из России вместе с бессарабцем Зубку-Кодряну", — отмечалось в составленном в 1883 г. обзоре румынского революционного движения²⁵. В докладе, представленном Брюссельскому конгрессу II Интернационала (1891 г.), говорилось: "До 1874 г. социализма в стране не существовало, само слово "социализм" было неизвестно. Европейский социализм был привнесен сюда не прямо с Запада, а при посредничестве России. Это важно, ибо указанной причиной объясняется тот факт, что румынский социализм с самого начала нес на себе отпечаток русского социализма той эпохи. Он представлял смесь марксизма, революционного бакунизма, анархистских теорий и метафизически-морального сектантства... Эта смесь оказалась способной завладеть воображением и чувствами университетской молодежи, возмущенной и разочарованной в буржуазном либерализме. Эти юноши, сплотившиеся вокруг русских изгнанников, положили начало румынскому социализму"²⁶.

Располагаясь на "семи ветрах" идеологических воздействий, демократически и революционно настроенная молодежь, в первую очередь студенческая, обучавшаяся в Париже, Брюс-

села, Берлине, усваивала и "примеряла к себе" идеи прудонизма, лассальянства, бланкизма, и, наконец, марксизма. В 70-е годы в умах еще царила порядочная сумятица, в 80-е в кружках произошел крен в сторону концепции общественного развития, разработанной Марксом. И - параллельно и одновременно - шел отказ от революционно-народнических идей, переориентация "с деревни на город", на пролетариат. Этот процесс заметен уже у Зубку-Кодряну, чьи взгляды хорошо известны по его статьям в женеvском журнале "Община" (где он печатался под псевдонимом Н. Драгош): "Еще не началась у нас та сознательная борьба против эксплуатации работника и за новый склад общества, которая на Западе в форме социально-революционной пропаганды и организации проливает уже некоторый, хотя и не очень обильный свет на тот темный, бесконечно грустный фон картины страданий тамошнего работника-пролетария"²⁷. В годы войны за независимость (1877-1878 гг.) Кодряну, служивший в армии врачом, обращал внимание не на славу оружия, не на гром побед, а на страдания народа, обобранного налогами и реквизициями. Он писал: "...Мы, румынские социалисты, не преминули постоянно напоминать народу в нашей проповеди социальной революции эту свежую, вечно памятную истину народного несчастья, не преминем пользоваться этим как одним из многих орудий в борьбе с нашими сладкоустыми либералами..."²⁸. Чахотка свела Кодряну в могилу, когда ему еще не было тридцати и он еще не успел вступить в ту стадию румынского социализма, которую можно считать просветительской, стадию распространения идей; но отход от народнических концепций у него уже заметен.

Не нужно, однако, думать, что народнический корабль затонул у румынских берегов бесследно. Обращение к нуждам села, возвышение крестьянского сословия, точка зрения на него как на основу общества и государства, - все эти мысли, имевшие корни в румынской истории и сливавшиеся с веяниями европейского аграризма, получили развитие в течении попоранизма (точный перевод русского слова "народничество")

основоположником которого стал выходец из России Константин Стере, а политическим воплощением — и ныне существующая национал-царанистская партия.

Итак, связи России и Румынии в 1848-1878 гг. по линии общественной и культурной существовали, хотя и не развивались по восходящей, замораживаемые холодными политическими и идеологическими ветрами. Первые ростки дали научные контакты: Румынское академическое общество наладило книгообмен с библиотеками Петербурга, в Россию прибыл на стажировку Гр.Точилеску, будущий видный археолог. Участие в войне с Турцией (1877-1878 гг.), казалось, должно было широко распахнуть двери для общественного, научного и культурного обмена и взаимообогащения. Этого не произошло. Спор вокруг Южной Бессарабии, возвращенной в состав России по Берлинскому трактату, привел к резкому обострению межгосударственных отношений, и потребности в духовном общении пришлось, как и прежде, растапливать льды официальной отчужденности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сорнеа Р., Zambfir M. Gindirea românească în ероса рарортистă. Bucurêsti, 1969. p. 117.
2. Фридман М. В. Идеино-эстетические течения в румынской литературе XIX-XX вв. М., 1989. С.5.
3. Вълсесу Н. Opere. Bucurêsti, 1964. Vol. 4. P. 336.
4. Ibid. p. 312.
5. Ibid. p. 374.
6. Когăлнисеану М. Opere. Bucurêsti, f.a. T. 1. P. 646 - 647.
7. Воегессо В. La Roumanie après le traité de Paris. Paris, 1856.
8. Сорнеа Р., Zambfir M. Op. cit. P. 93.
9. Врăтиану I. Naționalitatea // Сорнеа Р., Zambfir M. Op. cit. P. 492.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 210.
11. Н овиков М. Русская литература в Румынии во второй половине XIX в. // Румынско-русские литературные связи. М., 1964. С. 15.
12. Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975. С. 160.
13. Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи. М., 1966. С. 248-249.

14. Румынско-русские... С.191.
15. Александров В. Избранное. Кишинев, 1957. С.250.
16. Двойчанко-Маркова Е. М. Указ.соч. С.248-249.
17. Румынско-русские... С.192.
18. Садовник Ш. П. Гоголевские традиции в комедии И.Л.Караджале "Потерянное письмо" // Румынско-русские... С.191-193, 195.
19. Заичковски Ю. П. Румынская литература в России до 1917 г. // Румынско-русские... С.266.
20. Рубакин Н. А. Среди книг. М., 1911. С.146.
21. Кожевников Ю. А. Короленко и Румыния // Румынско-русские... С.238.
22. См.: Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973. С.276.
23. Bagari de seama asupra legii rurale dedicate reprezentanților comunei ruse din Londra. București, 1864; также см.: Documente privind începuturile mișcării muncitorești și socialiste din România. Buc., 1971; Гросул В. Я. Михаил Рожковский и его работа об аграрной реформе в Румынии // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
24. Достоверные сведения сохранились лишь о Е.Луцу, см.: Гросул В. Я. Российские революционеры... С.467.
25. Dacia viitoare, 1983. № 1; также см.: Viitorul social. 1907. № 4. P.349.
26. Documente din mișcarea muncitorească 1872 -1916. București, 1947. P.169.
27. Община. 1878. № 3-4. С.46.
28. Там же. С.48.

РУССКИЕ И ТУРКИ: РАЗВИТИЕ ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

"Состояние народа турецкого, - писал в 1703 г. чрезвычайный русский посол в Стамбуле П.А.Толстой, - суть гордое, величавое и славословное, а паче возносятся от того, что во время кровавых войн союзу ни с кем для помощи себе не имеют и не требуют". Посла поражала одна особенность этого народа - склонность, как он писал, к "междоусобному государственному смытению и то, что турки глаголет о себе, яко суть народ свободный, чего ради и высочайшие их особы имеют к подлому народу ласкательство и склонность не так от любления, как боятся от них бунту"¹.

Видимо, такое достаточно одностороннее и отвлеченное восприятие южного соседа доминировало в России по крайней мере до середины XIX в., и отголоски его можно проследить и в более позднее время.

Следуя принципам нелинейной причинности в развитии столь сложного объекта исследования, как русско-турецкие отношения в контексте темы "Россия и Балканы", полагаю необходимым предпослать общий обзор развития взаимного узнавания друг друга двумя соседними народами с периода более раннего, чем тот, которому посвящен публикуемый материал. Это важно прежде всего потому, что взаимные представления народов складываются веками. Вычленив, например, только XVIII в. - означало бы лишить смысла саму идею формирования взаимных представлений как научного феномена на пересечении истории и этно-социальной психологии. Балканский же фактор неизменно присутствовал в этих связях, он требует дополнительного изучения, которое и ведет автор.

Обобщенное знакомство и установление культурных и научных связей постоянного характера, которые только и могли дать

сравнительно верную зарисовку образа соседнего народа, было на протяжении веков спонтанным вплоть до установления регулярных дружественных связей между Москвой и Анкарой в начале 1920-х годов. Различия не столько этно-религиозного, хотя и это весьма важно, сколько военно-политического характера между Османской и Российской империями, противостояние геополитического характера в бассейнах сразу трех морей – Азовского, Черного и Средиземного, включая, естественно, Черноморские проливы, а также в Балканском регионе, долго определяли характер русско-турецких отношений.

Искажающим фактором в их развитии было влияние дипломатии западноевропейских держав, игравших на противоречиях "Московии и Туркомании", России и Османской Турции; сказывались также годы воздействия фанариотского драгоманатства и греческого клира на выработку "русского курса" Высокой Порты. О таких людях, негативно влиявших на взаимные представления и в России, и в Турции, упоминал П.А.Толстой. Они, "спивая ложь, много писали к Москве неправды, являясь, якобы доброхотствуют (так в тексте. – В.Ш.) христианскому государю, а самой вещи делали добра туркам...". Писаниям их верили и в Москве, и в Стамбуле, а все было ложно и фальшиво².

Объективные потребности двух соседних государств в общении создавали предпосылки к взаимному познанию особенностей государственного устройства, особенностей жизни и культурно-психологических особенностей. Процесс этот был длительным, противоречивым, но неуклонно последовательным и имел форму преимущественно культурных связей.

Первые известия на Руси о тюркском населении Малой Азии восходят к XII в. и содержатся в "Повести временных лет" и в "Житии и хождении Даниила, русской земли игумена". Ордынское правление в русских землях привнесло на столетия обобщенное представление обо всех тюрках и монголах как о "демонах зла", включая не имевших с Ордой ничего общего сельджукидов и турок-османов Малой Азии. Турки-

османы в качестве соседей и объекта внимания московских великих князей появились в конце XIV – начале XV в. в контексте борьбы Византии с турецкими бейликами (княжествами). Немногочисленные паломники духовного звания, проходившие через османские территории при посещении Святых земель в Палестине, оставили крайне скудную информацию о турках, причем отношение к ним формировалось под влиянием местных христиан-греков и было примитивно отрицательным³.

Достоверных сведений о том, что знали о русских землях в Сельджукском государстве, в Конийском султанате и при первых Османах, турецкие хроники не содержат.

Перелом наступил после падения Византии и захвата Константинополя турками в 1453 г.⁴ Присоединение Крыма к Османской империи вскоре за этим, в 1475 г., вывело русских и турок на прямые контакты, причем достаточно массового уровня. Имели место постоянное вооруженное противостояние в контактных зонах Балканского региона и нерегулярные торговые связи прямого и транзитного характера, чаще всего через земли Дунайских княжеств. Носителями информации о турках, об их нравах и обычаях стали уже не отдельные пилигримы с их "туннельным видением" ситуации, а реалистичные и предприимчивые торговцы, посещавшие весь балкано-малоазиатский регион, и воины русских пограничных засек, постоянно сталкивавшиеся с турками и "навещавшие" их земли не менее регулярно и с теми же целями, что и турецко-крымское войско русские.

Сохраняют значение как источник представлений о турках-османах записки русских священнослужителей, регулярно посещавших после 1453 г. патриарха в Константинополе.

В нравах и обычаях ставшей после вхождения на вассальной основе Крыма в империю Османов уже не столь отдаленной "Туретчины" русских купцов и воинов поражала прежде всего склонность турок к "возмущениям государственным и бунтам, творимым не иначе, как по совету и поущению своих духовных", т.е. мулл, имамов, дервишей – исламского клира. Сильно удивляло русских людей полное

воздержание турок от пьянства, которое "честные особи из турок почитают за грех и за стыд". Отмечались скромность и упорядоченность быта простых турок, верность взятым на себя долговым обязательствам; настораживало неискоренимое чувство превосходства над любым иноземцем.

Лица "позольского и церковного дела" отмечали в Турции прежде всего великое "утеснение греков и "вкоренение превеликого перед собой страха в сербах, волохах, греках и прочих народах". Примечательно, что "страхолюбие турок" по отношению к подданным-балканцам в записках мирян осознается как следствие "безмерного стяжательства придворных верхов, янычарских начальников и самих султанов", порождение и неизбежность бесчисленных войн, смут и мятежей в турецкой земле. В записках конца XVII и начала XVIII в., принадлежавших перу духовных особ, все историко-этнографические сведения об османских турках сводились к "бессерменству", понимавшемуся как угнетательство православного христианства на Балканах и проявление кары Всевышнего.

Исключением можно назвать "Проскиктарий" строителя Богоявленского монастыря Арсения Суханова. Один из образованнейших людей XVII в., ведавший одно время Московским печатным двором, А.Суханов настолько увлекся богатой культурной жизнью турецкой столицы и нескольких крупных городов в Анатолии и на Балканах, что, будучи там в 1651-1654 гг., собрал около пятисот ценнейших османских хроник и оставил исполненное уважения и симпатии к жителям - туркам и нетуркам - описание селений, городов, нравов и обычаев простолюдинов. Людей, как он писал, прямых, честных и "гостеприимству приверженных до крайности"⁵. Повторюсь, что оценка эта носила этнически безадресный характер.

Благожелательность Арсения Суханова в описании Турции, его откровенно отрицательное отношение к раболепствовавшему перед Портой греческому высшему духовенству, обманывавшему, по его словам, православных подданных как в пользу турецких властей, так и в своих корыстных целях, поистине удивительны для записок тех лет. А.Суханов, кроме

"дел духовного чина и обряда", имел ряд поручений, связанных с польско-турецко-казацкими и русско-турецко-украинскими делами. Заметим, что иерархи восточной православной церкви не раз обращались к русскому царю, призывая его заключить союз с казацкими гетманами и, возможно, с Молдавией и Валахией для войны против Османской империи. Использовались в этом плане путешествия на Балканы и в Малую Азию русских светских людей⁶.

Выполнить деликатные поручения и притом оставить объективное и доброжелательное описание потенциального военного и постоянного религиозного противника – и сейчас достойное упоминания деяние Арсения Суханова. Тем более, что его записки переиздавались и изучались в годы русско-турецких войн конца XVIII в.

На формирование представлений о турке-противнике эпохи "екатерининских войн" определенное влияние оказал русский аноним, некий боярский сын, по военной службе "рейтар", взятый в плен крымскими татарами и проданный в рабство туркам. В османской армии опыт воинов-иноземцев ценился высоко, и "сын боярский" не составил исключения. Гребцом на галерах, а затем в армейских отрядах этот аноним за 62 месяца пребывания в Османской империи побывал, в сущности, везде – от Белграда до Багдада. Он вернулся домой в 1674 г. Его "Описание турецкой империи", естественно, носит соответствующую эмоциональную окраску – автор воспринимал турок как врагов и в конце концов бежал на родину, что делает ему честь – ренегатов османы всячески ублажали, но поймав беглеца, казнили бы люто⁷.

Географические и этнографические сведения "рейтаря" использовались его современниками и военными в XVIII в., содействовали формированию образа опасного противника, особенно в "делах осадных и оборонительных". Этот безымянный военный человек одним из первых в России развенчал образ непобедимого и страшного янычара. Он отмечал, что многие из янычар "плохо обучены и больше думают о семье и о пропитании", чем о ратном деле. Зато он предупреждал совре-

менников, что очень опасны в сражениях хорошо подготовленные части из "балканцев" – босняков, определенно причисляя к последним и албанских мусульман. Военные столкновения с османскими войсками уже в первой половине XVIII в. полностью подтвердили эту оценку.

В целом в первой половине XVIII в., т.е. накануне серии ожесточенных войн, которые во многом изменили обстановку в России, отношение к соседнему народу сложилось как бы в двух измерениях. Религиозное сознание русского общества и мощное давление монголо-туркского социума, затем крымско (татарско)–турецкая экспансия в отношении юга и отчасти центра Московского государства в XV–XVII вв. определили преимущественное восприятие турка как чужака, злонамеренного и безбожного. Сказывалось, безусловно, влияние исторического опыта славян Балканского полуострова, попавших под османское иго, остро воспринимавшееся русскими по аналогии с татаро-монгольским игом, от которого они избавились всего лишь при жизни прадедов.

Вместе с тем, как уже отмечалось, существовала позитивная заинтересованность в достоверном осмыслении образа соседа. Известна оценка моего ныне покойного учителя академика А.Н.Кононова русско-туркского двуязычия Киевской Руси как следствия широко распространенных смешанных браков⁸.

Общепринято понятие "Великая Степь". Это своеобразная контактная зона туркских и восточнославянских этносов. Ее языки, нравы и обычаи не были чужды славянам. В свою очередь славянский мир не был чем-то совершенно закрытым для туркских военно-политических объединений.

Однако социально-психологическая закрытость османского исламского общества и деление населения мира на мусульман или покорившихся миру ислама – "дар уль-ислам" и на неверных (а значит – они объект завоевания, покорения) – "дар уль-харб" создавали особые препятствия для овладения турками-османами языком северного соседа, знаниями о нем.

В торговом обмене османы лично не участвовали практи-

чески до XIX в.; они избегали прямого участия, но сохраняли за собой контроль и финансирование сделок.

Ходоки из России на Восток (в Иерусалим, Афон), а также русские купцы и дипломаты несравнимо чаще посещали османские земли, чем турки "Московию". Знание турецкого языка русскими людьми не шло ни в какое сравнение со знанием русского языка турками. Известно, однако, распространение языка сербских подданных в качестве языка делопроизводства в Высокой Порте в конце XV — начале XVII в.

Всем известный Афанасий Никитин вставлял в "Хождение" десятки турецких и сотни турецких слов. Андрей Изюлов, автор "Скифской истории" — популярной книги о турках в русском обществе XVIII в., знал разговорную турецкую речь и читал турецкие тексты, написанные арабским шрифтом. Специфические турецкие термины, требующие для историка разъяснения сегодня, тогда включались в русские повествования без объяснений и оговорок. Среди донских и запорожских казаков, особенно в семьях от смешанных браков, турецкий язык был бытовым разговорным. Русские лучше знали и намного лучше понимали своих соседей, чем те русских.

Османь почерпнули первые сведения о "Московии" из трудов арабских и персидских авторов (первые из них побывали на Руси в IX—X вв.), из произведений византийских авторов, достаточно популярных в образованных кругах Высокой Порты вплоть до середины XVIII в. Наконец, через Константинопольскую патриархию, с которой Порта поддерживала оживленные контакты через ведомство реис-эфендия, ведавшего, кроме внешних сношений, делами подданных-немусульман.

Было одно обстоятельство, дававшее туркам превратное представление о соседе. О нем следует сказать особо. Дело в том, что после вхождения Крыма в Османскую империю рынки Стамбула несколько столетий подряд пополнялись десятками и сотнями тысяч русских невольников, захваченных крымскими ханами. Османский галерный флот еще в начале XVIII в. был укомплектован почти исключительно русскими гребцами-рабами. На рынках Стамбула русские рабы, по свидетельству

европейских путешественников XVII – начала XVIII в., составляли большинство. Много полонянок и рабов-мужчин попадало в Малую Азию на домашнее услужение и на сельскохозяйственные, в первую очередь, безумно тяжелые ирригационные работы. Всех их ждала скорая гибель, либо ассимиляция с потерей веры и языка. Видимо, нет среди сопредельных русскому народу нации, в которую влилось бы больше восточнославянской крови, чем в турок-османов...

До сих пор в турецкой народной традиции девушка-турчанка мечтает о голубоглазом белокуром женихе. Идеал красоты для стамбульского турка конца XIX – начала XX вв. – светлые глаза и русые волнистые волосы, – отдаленное проявление этих процессов в историческом сознании турок.

Судьба русских пленников, и в наименьшей степени пленниц, была печальна. Очевидно, что знакомство с собственным рабом (рабыней) с севера не стимулировало развитие таких разнообразных и достаточно полных представлений о русских, какие имелись в России о своих южных соседях.

Только на рубеже XVII–XVIII вв. в Османской империи появилось подробное и сравнительно достоверное описание областей, населенных русскими и украинцами. Оно было составлено самым известным турецким путешественником Эвлией Челеби, который из пятидесяти лет странствий около пяти лет провел в "землях славян". Он прошел путь от Крыма и Азова до Львова и Киева, был в Черкассах и Чигирине, хорошо знал ситуацию в Поволжье и Подонье.

В отношении страны "Мужикистан", расположенной, по его словам, в Подмосковию, он давал, возможно, из соображений самоцензуры правоверного мусульманина, нелепые сведения, искажавшие быт и верования христианского населения. Примечательно, что Эвлия Челеби первым из восточных путешественников отмечал, что русские ("московиты") и украинцы ("русы"), хоть и очень близкие, но разные народы по языку и обычаям. Здесь он был вполне точен и наблюдателен.

Участник крымско-турецких набегов в XVII в., скованный шариатскими представлениями о злодеях-казаках, о "бритого-

ловом народе", как он их называл, Эвлия Челеби отдавал дань воинскому мужеству "русов и москвитов", называл их "стойким, упорным и сердитым народом"⁹. Его путевые записки о восточнославянских землях были широко популярны в образованном турецком обществе и в XVIII, и в XIX вв. Последнее их издание относится к 1991 г.

Переход в Османской империи от поверхностных (полученных чаще всего через вторые руки — от европейцев на службе у Высокой Порты) сведений и впечатлений о России к более систематическому осмыслению процессов, имевших место в стране северного соседа, связан с общей модернизаторской тенденцией в политической и культурной жизни, отмеченной в правление султана Ахмеда III (1703—1730 гг.).

Русь, Россия до этого времени не воспринималась как Запад. Высокая Порта была информирована о реформах Петра I, о росте влияния России на европейские события через европейские посольства в Стамбуле, через свои редкие чрезвычайные миссии ко дворам западных держав. Однако в Высокой Порте периода первых двух десятилетий XVIII в. сложилось ошибочное мнение, что Россия лишь подражает Западу в военном деле и в государственном управлении. Поэтому полностью игнорировалось то поворотное и самобытное движение, которое происходило в петровской России. Заимствования в военной сфере осознавались в Турции делом достойным и богоугодным, освященном улемами, но лишь в отношении Западной Европы, от которой турки понесли ряд тяжелых поражений, а не из России Петра I, продвижение которого к Черному морю удачно, по мнению Порты, было остановлено на Пруте в 1711 г.¹⁰

Если в Турции абстрактный образ русского, упорного воина и крепкого раба, не дополнялся никакими существенными чертами, а власти не поощряли развитие культурных взаимообогащающих контактов, то в России дело обстояло совершенно иначе.

Петр I принял ряд мер, дополнивших широкое использование на государственной службе лиц, практически знавших язык,

нравы и обычаи турок. Бывший господарь Молдавии Дмитрий Кантемир стал советником царя по восточным делам и специально по его распоряжению подготовил два труда (1716, 1720 гг.) по османской истории, основанных на источниках балканского и турецкого происхождения¹¹. Были изданы в переводе с французского Коран (1716 г.), карты и атласы Османской империи (1722-1724 гг.), началась подготовка переводчиков ("толмачей") с турецкого на профессиональной основе.

Следует отметить, что зарождение при Петре I практического востоковедения, в первую очередь османистики, было нацелено на перспективу, на длительное и всестороннее изучение истории, языка, культуры, особенно "живых черт" турецкого народа.

Все же формирование образа соседа-турка в русском обществе XVIII в. проходило не под влиянием ученых изданий, а через записки пилигримов и торговцев, т.е. тем же путем, как и в прошлые годы. Например, шесть изданий в 1778-1819 гг. выдержали и побили все рекорды тиража "Записки монаха Антиохийского В. Григоровича-Барского (Плаки-Альбова)", который странствовал на Балканах и на Ближнем Востоке в 1723-1727 гг.¹² Религиозная нетерпимость православного монаха к исламу проходила красной нитью через всю его работу, широко распространявшуюся в списках (помимо печатных изданий), и добавляла негативизма в отношении к басурманам. Вместе с тем национальной предубежденности у В. Барского нет вообще. Образные описания деятельного и жизнерадостного турецкого народа читались в русском обществе как увлекательная беллетристика и в XVIII, и в XIX вв.

Достоверная и обширная информация о турках поступала от чрезвычайных послов (резидентов) России в Османской империи А. Вешнякова, И. И. и А. И. Неплюевых, П. А. Толстого. Однако она мертвым грузом оседала в архивах и лишь в кратких фрагментах появлялась на страницах "Санкт-Петербургских ведомостей", которые мало были доступны широкому чита-

телю России в XVIII в.

Исследованиями Б.М.Данцига (1973 г.) и А.Д.Желтякова (1980 г.) установлено, что русско-турецкие войны 1768-1774 и 1787-1791 гг. породили обширную литературу военного характера о Турции. В ней все большее место занимали сведения о немусульманских подданных Высокой Порты. Образ турка как военного противника дополнялся чертами турка как торгового конкурента в Средиземноморье и Черноморье, чертами жестокого правителя и угнетателя братских балканских народов. Традиционные формы поношения мусульман, ритуально повторявшиеся в списках и сочинениях XVI - начала XVIII вв., отступали и заменялись достаточно пренебрежительными, но нередко вполне реалистичными в применении к правящим кругам эпитетами типа "неискусен в правлении, больше имеет склонение покоиться, нежели пребывать в трудах" и т.д.

Появилась масса работ краеведческого характера в переводах с европейских языков, причем далеко не всегда тех авторов, которые глубоко знали жизнь турок-османов по личным наблюдениям. Тогда-то и разошлись по России фальшивые образы ленивого турка, восседающего с кальяном в окружении волнующих воображение многогамного российского обывателя одалисок в прозрачных покрывалах...

В последней трети XVIII - начале XIX вв. чрезвычайными послами и посланниками в Турции служили высокообразованные дипломаты и военные - Н.В.Репнин, Я.И.Булгаков, М.И.Кутузов, В.П.Кочубей, В.С.Томара, А.Я.Италинский. После 1794 г. развернулась деятельность военно-топографического депо, выполнявшего среди прочих функции военной разведки России. Из посольств и от военных топографов потекли отличные по качеству и по точности зарисовки костюмов, лиц, жанровые сцены, не говоря уж о многочисленных атласах, картах, статистических и этнографических описаниях. Читатель России не без удивления увидел до деталей схожие костюмы и оружие запорожцев и османов, привычную для малоросса арбу и другие предметы обихода (сундуки, рундуки,

утварь и пр.), необычайно похожие на те, что были обычными для юга России.

В Османской империи дипломаты-турки, естественно, также представляли свои отчеты и донесения, служившие важным источником знаний. Впервые приведем полный перечень чрезвычайных турецких посольств в Россию в XVIII в. Это посольства Мехмеда Али (1740-1742), Дервиша Мехмеда Эмин-паши (1740-1742), Дервиша Мехмеда-эфенди (1755), Шехиди Османа-эфенди (1757-1758), Белиргяха Мустафы Расыха-эфенди (1793-1794). В современной Турции их отчеты опубликованы и доступны как турецким, так и зарубежным ученым. Современники о них за пределами Высокой Порты не ведали. И очень жаль.

Все до одного турецкие послы были людьми живыми и общительными. Порой настолько, что, например, штат посольства Расыха-эфенди, возвращавшегося из России в исходе 1794 г., увеличился "на три младенца мужского пола, к которым он выказывал отеческие знаки внимания". Дело в том, что молодой посол, понравившийся статье и обхождением самой царице Екатерине Алексеевне, приглянулся также и некоторым "особам женского полу при Е.И.В." ...¹³

Впрочем не только балы и маскарады при дворах царей и вельмож в Петербурге поражали турецких послов в России. Они подробно описывали Новоладожский канал и его шлюзы (Махмед Эмин), петербургскую верфь и кронштадские доки (Дервиш Мехмед). Расых-эфенди был потрясен не только женскими прелестями северянок, но и оставил лучшее на Ближнем Востоке описание дороги Москва - Петербург (1793) и описание работы тульских оружейных мастерских, где он приобрел ряд образцов ружей и, кажется (хотя здесь отчет невнятен), кое-какую технологическую документацию.

Подробные описания Мустафой Расыхом жилых домов, облика, образа жизни и культурных интересов российских горожан пронизаны симпатией и неподдельным интересом. Без (или почти без) традиционного поношения неверных. Примечательно, что став позднее во главе оттоманского флота, он сохранил симпатии к России (может быть, благодаря сыновьям).

Все отчеты из России давали сведения о ней как о державе, существенно обогнавшей Османскую империю на пути военного и технического прогресса, и были далеки от снисходительности отчетов XVI-XVII вв. Это в полной мере относится и к оценкам русских, с которыми общались османские дипломатические представители в XVIII в.

Перемены отражали существенные сдвиги, намечившиеся в османском обществе в сторону европеизации и общего прогресса. Кроме того, османская правящая верхушка в XVIII в. как бы переплывала в себе значительную часть балканской феодальной аристократии, стала более терпима и к ним, и к воззрениям на соотношение светской и религиозной власти. Россия с ее мощным влиянием царя на церковь в XVIII в. воспринималась более благосклонно, чем, например, Франция после 1789 г. с ее, как говорил Селим III, "ужасающим безбожием".

Высокой Порте и султанам стали очевидны грандиозные сдвиги в послепетровском российском государстве. В то же время (конец XVIII в.) нараставшая на Западе промышленная революция пугала и казалась недостижимой. Реформы Петра I стали изучать, к опыту России начали тянуться. В 1731 г. первопечатник Ибрагим Мутафаррика в "Основах мудрости и устройства народов" приводил реформы Петра I как образец для подражания.

Следует заметить, что турки, оказавшиеся в России в плену, тоже писали свои воспоминания. Некоторые из них стали достоянием русской читающей публики уже в XIX в.

Большой интерес представляет сочинение Ресми-эфенди "Сок достопримечательного. О сущности, начале и важнейших событиях войны между Высокою Портою и Россией от 1182 до 1190 гг. гиджры" (1768-1774). Рукопись была переведена с турецкого языка и опубликована знаменитым бароном Брамбеусом - О.И.Сенковским. Сочинение написано очень живо, остроумно, автор настроен по отношению к победителям-русским очень дружелюбно. Победа России в войне 1768-1774 гг. побудила его внимательнее приглядеться к стране, ее истории и народу, дать свое истолкование событий. Мно-

гое ему, человеку другой культуры, совершенно непонятно в русских, как и в других европейских народах.

Вот, например, одно из его рассуждений: "С некоторого времени по дивному распоряжению Аллаха все их короли (речь идет о российских императорах. — В.Ш.) бывают женского рода и нынешний их повелитель (т.е. Екатерина II. — В.Ш.) принадлежит, как известно, к тому же полу ... Племя франков, или, как у них говорится, европейцев, чрезвычайно подобоострастно к своему женскому полу. Оттого-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче^{*} ..."¹⁴.

Автор старается понять, что же принесло России победу в 1774 г. Он отмечает, что русские издавна утвердили "за собой славу народа храброго и воинственного", анализирует разнообразные военные хитрости, применяемые ими, а также взаимодействие войск. Ресми-эфенди специально указывает на обычай москвитян "с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев; гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорит ничего обидного для их веры; многим даже дает свободу, для того чтобы они бесполезно его не обременяли. У него нет в заводе выдавать по червонцу награды за всякого взятого пленного, за всякую голову, отрезанную Аллах вест где и у кого...". Особое внимание автор обращает на дисциплину в русской армии: "Надобно еще прибавить, что они душой и телом привязаны к своим государям и удивительно послушны офицерам старше себя чинами: там, где их поставят, ... они стоят, как камни"¹⁵.

Очень ценную и разнообразную информацию о культурной жизни России и о том, как ее воспринимали образованные турки XVIII в., давали своим читателям записки Мехмеда Неджати-эфенди, находившегося в русском плену в 1771-1775 гг. По розысканиям В.Д.Смирнова, Мехмед Неджати был финансовым доверенным и личным секретарем Ибрагим-паши, командующего турецким войском (сераскера) в Крыму во время войны 1768-1774 гг. Из четырех лет плена три года он вместе со своим

* Так в тексте.

бывшим сераскером находился в Петербурге; во второй части своей записки (часть первая посвящена положению турецкой армии в Крыму) он подробно описал многие стороны культурной жизни Петербурга тех лет. Его изложение дает вместе с тем представление о том, как традиционно образованный ту-рок конца XVIII в. воспринимал культурные развлечения столичного света, свидетелем которых ему довелось быть.

Вот как он описывает, например, представление в дворцовом театре Екатерины II в главе "О комедии": "Комедия значит собрание песен и стихов... Зал представления сорок аршин длины и пятнадцать аршин ширины. По обеим сторонам его устроены в три яруса ложи и друг против друга два кюсска: один для кралицы, другой для ее сына. А в середине этой комнаты представляют комедии и другие игры, называемые опера... Показываются солнце и луна, и звезды; идет снег и дождь, являются сады, разные города, крепости и разные подобные этим штуки; играют музыканты. По четырем сторонам зала свечи во всех вкусах; перед каждым музыкантом горит по одному светильнику, чтобы они могли смотреть на ноты и исполнять написанную в них музыку. Такого рода вечера бывают по три, по пяти раз каждый месяц. На них тоже рассылают приглашения на особых штемпелеванных билетах, по одному для трех или пяти персон... Этот порядок установлен для всех, кто бы они ни были... Здесь обычай таков, что если кралице нравится чья-нибудь игра, то от полноты своей щедрости вместо бакшиша она бьет рукой об руку, мужчины и дамы делают то же, как будто они давали этим золото. Актеры, тоже довольные, радуются и изъявляют удовольствие, говоря: "Мы понравились кралице, она нам хлопала руками". Это оттого, что они не знают, что такое подарки и щедрость, и бывают даже огорчены, когда им не рукоплещут. Какая неистощимая казна эти "браво"! Таков же обычай у них, когда нужно было бы давать деньги... Назначенный к нам драгоман, когда его спросили, объяснил нам значение рукоплесканий, делать нечего — и мы били в ладоши" ¹⁶.

В таком же духе Мехмед Неджати писал и о балах-маскарадах. "Это — бабья воркотня, но она у них считается большим искусством... Маскарад есть тоже род увеселения, для которого собираются во дворце кралици, в трех больших залах, идущих один за другим; в хрустальных люстрах горят свечи, и различного рода увеселения продолжаютя до утра. Мужчины и женщины, взявшись за руки, гуляют из одной комнаты в другую, надев на лица маски: мужчины замаскированы женщинами, а женщины мужчинами; на всех разноцветные платья, и таким образом любуются друг на друга. Однажды и сераскер-паша был приглашен туда".

А вот как он описывал званые обеды в богатых семьях. "Кушанья готовятся из рыбы, говядины и дичи, медвежатины и раков. Сварив говядину с капустой, сколько нужно, приносят в металлической кастрюле и ставят на стол..., а в нее кладут большую ложку; каждый берет стул и садится по обе стороны стола. Наложив большой ложкой капустного рассолу, кислых щей, с куском вареной говядины к себе на тарелку, едят; потом еще берут по большой ложке и опять едят. Точно также едят и другие кушанья, находящиеся на столе, и пьют. Тарелки и ложки переменяют. Таким образом, обед кончается часа через четыре, потому что они за столом разговаривают о делах своих. Так поступают все, будь он хозяин дома или нет, все равно. Всякий, поевши немного, встает, прохаживается, ведет беседу, потом опять приходит и ест, все равно, в своем ли это доме или друг у друга ..."¹⁷

Мехмед Неджати подробно описывал архитектурные достопримечательности Петербурга, в частности Кунсткамеру, отмечая, что посетителей, кто бы они ни были, "охрана пропускает только по специальным билетам". Неву он сравнивал с Босфором и Золотым Рогом, подмечал разные черты хозяйственной жизни и быта города: заготовку льда на Неве для мясных и рыбных лавок, устройство домов, вывески на лавках с изображением продаваемых в них товаров, деревянные тротуары для пешеходов, свайные фундаменты до-

мов, осветительные лампы на столбах и особые столбы на перекрестках с надписями, обозначающими "название мест, рынков и площадей; всякий видит, в какую сторону ему нужно идти; если же он неграмотный, то спрашивает у караульного". Среди достопримечательностей Царского Села он особо отмечал знаменитую на весь мир янтарную комнату в Екатерининском дворце и искусственный грот, оформленный в восточном стиле.

Четырехлетнее пребывание в России и, по-видимому, достаточная свобода общения, в том числе и при возвращении из плена в Стамбул через всю Россию (Ижора, Вышний Волочок, Торжок, Тверь, Москва, Орел, Киев, Измаил) дали Мехмеду Неджати возможность весьма подробно ознакомиться с внутренним состоянием государства. Он приводит весьма точные сведения о повинностях и налогах, о крепостнических порядках, организации почтовой службы и почтовых станциях, состоянии дорог, о пожарах и эпидемиях и т.д. Особое внимание наблюдательный турок уделял российской армии и флоту, отмечая более высокую выучку и дисциплину русских солдат и матросов, более четкую организацию гарнизонной и интендантской службы, чем это было в турецкой армии, которую Неджати оценивал весьма критически.

Таким образом Мехмед Неджати дал разностороннюю, в целом нелицеприятную оценку многим сторонам внутренней жизни России, и его записи можно рассматривать как ценный вклад в ознакомление турок с русскими.

К сожалению, такая информация о жизни русского общества в сочинениях турецких авторов была скорее исключением, чем правилом. В целом, даже образованные турки в XVIII в. имели весьма смутные представления о России, о жизни русского общества. В Османской империи не было написано или издано ни одной специальной книги о России, не было традиции изучения русского языка, не имелось ни одного перевода на турецкий с русского. Такое положение сохранялось длительное время еще и в XIX столетии.

Россия по сравнению с Турцией в познании своего южного соседа ушла гораздо дальше. В противоположность турецкому образованному слою, по существу не видевшему в России ничего, кроме военного соперника, в русской науке и культуре XVIII в. появилось отчетливое понимание необходимости изучения Востока, прежде всего Османской Турции.

В заключение кратко рассмотрим, как на основе представлений XVIII в. развивались "образы соседа" в России и Турции XIX в.

Большой вклад в формирование вполне конкретного и реального образа южного соседа вложили многие сотни и тысячи паломников ко Святым местам, сотни ученых, журналистов, писателей, дипломатов и военных России, в период после Адрианопольского мира 1829 г. посещавшие Турцию практически без ограничений. (Одновременно изучение османских турок в этнографическом и социально-политическом аспектах широко велось при Азиатском департаменте МИДа России, в Петербургском университете, в Одессе (Ришельевский лицей), в Казани, Москве, Харькове, во многих военных учебных заведениях России. Большой вклад в ознакомление широкой общественности с нравами и бытом турок внесли Историческое, Географическое и Археологическое общества. В том числе изданием и переизданием описаний Турции XVII и XVIII вв.

Постепенно все крупные русские журналы и газеты открыли свои представительства в Османской империи. С 1897 г. ежеквартально публиковались Сборники консульских донесений с самыми последними сведениями из жизни Турции. Национальный характер турок стал излюбленной и благодатной темой этих донесений. Причем часто давались экскурсы в описания и оценки XVIII — начала XIX в.

Русских художников XIX в. неизменно влекло на Босфор. Несколько картин И.К. Айвазовского из его стамбульского цикла и сейчас составляют гордость национальных музеев Стамбула и Анкары. К. Брюллов, В. Верещагин, К. Петров-Водкин и многие другие художники оставили изумительные по точности зарисовки быта и нравов Турции, причем практически всех

слоев общества. С 1869 г. стала выходить легендарная "Нива", где только за первые тридцать лет было помещено более двух тысяч рисунков, видов и типажей населения Турции, а также гравюр с картин художников и путевых зарисовок путешественников¹⁸. Учитывая исключительную популярность в народе "Нивы" в дооктябрьской России, можно согласиться с П.Н.Милюковым, который, призывая к походу на Босфор в годы первой мировой войны, заметил, что всякий русский знает Стамбул с его проливами по нивским картинкам лучше своего губернского города.

В конце XIX – начале XX в. с образом турка русское общество больше, чем в конце XVIII – начале XIX в. стало связывать слепой религиозный фанатизм толпы по отношению к армянам, грекам, болгарам, другим христианам.

Довольно четко разделились в русском общественном сознании правящие круги Османской империи и простые "турки с улицы". Например, композиции К.Брюллова, посвященные простому люду Турции, характеризуются жизненностью эпизодов, меткостью типажа, тонким пониманием национального характера, окрашены особым жизнерадостным юмором, что резко отличается от того сарказма, с каким Брюллов описывал турецких вельмож и привилегированных чиновников¹⁹. В середине XIX в. О.И.Сенковский писал, что "отчаянная безнравственность той части турецкого общества, в которой сосредоточивается правительство или которая состоит с ним в непосредственной связи, совершенно не подлежит сомнению. Эта часть общества в самих же турках возбуждает ужас и отвращение... В частной жизни турки обнаруживают много хороших качеств, которые приятно принять в счет даже в неприятеле. Они вообще смиренны, внимательны к удовольствию других, вежливы с чужими и ... в примечательной степени честны и прямодушны"²⁰.

Практически то же самое повторила журналистка Ариадна Тыркова, много лет прожившая в Турции: "Многое в них (турках. – В.Ш.) вызывало во мне симпатию и уважение, – честность престолярства еще резче подчеркивала развращенность

правлящих классов, чиновников, больших и малых, равно невежественных, презирающих труд физический и умственный"²¹.

Весьма показательно, что читающая русская публика живо интересовалась турецким фольклором. Об издании в то время в Турции, например, русских сказок или пословиц сведений у меня нет.

Первые переводы А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого на турецкий язык появились в 90-х годах XIX в. Их распространение было крайне ограниченным, за исключением севастопольского и казачьего циклов Л.Н.Толстого.

Террор в политической жизни конца XIX - начала XX вв., характерный для Османской империи времен Абдул Хамида II, сказывался на формировании образа русского - "злого, мрачного, грубого, невежественного". Влияние политических установок снижало уже достигнутый в Турции уровень интереса к России, к русским людям, к другим населявшим ее народам. Даже вольная антихамидовская печать и младотурецкая пресса высказывались, как правило, отрицательно о северном соседе.

Источником иной, менее предвзятой, информации о русских стали для османов на рубеже XX в. их соотечественники, возвращавшиеся из русского плена^{*}. Это отмечали русские путешественники, посетившие Турцию после войны 1877-1878 гг.²² Объяснение этому внешне противоречивому факту следует искать в быстрой передаче турецких пленных на родину²³. И в не малой степени отсутствию предвзятости к поверженному противнику, что было характерно для российского общества²⁴.

Империя Романовых и империя Османов приближались к своему последнему, для обеих династий роковому, столкновению в 1914 г. Впереди были мировая война и революция...

Осенью 1914 г. османский поверенный в делах в России Ниязи Фахретдин-бей писал: "Война с Россией, зачем? Для кого? Мы только-только начали понимать друг друга". Он был

---

* На это обстоятельство обратила мое внимание В.С.Соломко, которой я приношу глубокую благодарность, равно как и за предоставленные материалы.

прав, этот единственный из послов, имевший личный пропуск в Императорскую Публичную Библиотеку, любимец модных салонов и победитель шутивого конкурса, объявленного петербургскими дамами в 1913 г., на лучшие мужские усы²⁵.

...Весной 1918 г. в Стокгольме бывший военно-морской атташе России в Стамбуле А.Н.Щеглов вспоминал: "Лучшие мои годы я отдал Стамбулу. Его я люблю, знаю его добрых людей. Что мне теперь..."²⁶.

Теперь нам доводится собирать все доброе и светлое, что было между нашими народами. Знать и уважать обычаи и нравы соседа, изучать становление и развитие их взглядов друг на друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русский посол в Стамбуле. Документы. М., 1985. С.37.
2. Там же, С.38.
3. См.: "Хождение инок Зосим" (1419-1420) // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Т.УШ. Вып.3; Д а н ц и г Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С.15-18.
4. Падение Византии и Царьграда вызвало к жизни целый ряд произведений - повестей и сказаний, в том числе мистического содержания, - которые выходят за рамки данной статьи. См.: К о н о н о в А. Н. История изучения турецкого языка в России. Ленинград, 1982. С.31.
5. Проскитарий Арсения Суханова / Под ред. Н.Ивановского // Православный Палестинский сборник. СПб., 1888. Т.УП. Вып.3.
6. См.: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634-1637 // Православный Палестинский сборник. СПб., 1891. Т.ХI. Вып.3.
7. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок, во второй половине XVII века // Православный Палестинский сборник. СПб., 1891. Т.ХII. Вып.3.
8. К о н о н о в А. Н. Указ.соч. С.24.
9. Э в л и я Ч е л е б и. Книга путешествия / Под ред. проф. А.Д.Желтякова. Вып.1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961; Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья. М., 1979. Примечательно, что в основных чертах заметки Эвлии Челеби относительно украинских земель совпадают с впечатлениями жителя Дубровника М.Гундулича, посетившего те же земли через 30 лет после турецкого путешественника. См.: К р а в л и с S. Dnevnik v putu u Ukrajinu i Tursku dubrovackog poklisara harasa Mata Gundulic'a. // Anali Zavoda. Dubrovnik, 1983. Sv.21. S.1-23.

Ю. Кунт М., Акѣин С. Türkiye tarihi. Osmanli devleti. 1600-1908. Cilt III. Istanbul, 1990. S. 55;

Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С. 85-99.

II. Dimitrie Cantemir. Historian of South East European and Oriental Civilizations. Extracts from the History of the Ottoman Empire / Ed. by A. Duflu and P. Cernovodeanu. Bucharest, 1973. 395 p;

А. Н. Указ. соч. С. 39-40. Кононов

12. Первое полное издание "Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Альбова уроженца киевского, монаха антиохийского путешествия". СПб., 1778. Последнее переиздание 1885-1889 гг.

13. О деятельности турецкой миссии в России во главе с Расыхом-эфенди и русской в Стамбуле во главе с М. И. Кутузовым см.: Шеремет В. И. Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 66-70.

14. Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 72.

15. Там же. С. 77, 75.

16. Русская старина. СПб., 1894. Кн. 31. С. 202.

17. Там же. С. 206.

18. Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала "Нива" за 30 лет. 1870-1899. СПб., 1902.

19. Ацаркина Э. Карл Брюклов. М., 1963. С. 150-151

20. Сенковский О. И. Обзорение Оттоманской империи, Валахии и Молдавии... // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 50.

21. Тыркова А. Старая Турция и младотурки. Пг., 1916. С. VIII.

22. Православный Палестинский сборник. СПб., 1885. Т. IV. Вып. 4. С. 180.

23. Елисеев А. В. По белу свету. СПб., 1896. Т. 3. С. 335.

24. Карцев Ю. А. Семь лет на Востоке. 1879-1886. СПб., 1906. С. 38-39.

25. Шеремет В. И. Прощальная депеша турецкого посла // Северный Вестник. 1991. № 3; Шеремет В. И. Забытый резидент // Там же. № 4-5.

26. Шеремет В. И. Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 57.

ПЕТР II НЕГОШ И РОССИЯ

Первая половина XIX в. была для Черногории временем коренных социально-экономических и политических преобразований, важных перемен в ее международном положении, в отношениях с соседними государствами и в первую очередь с Россией.

Как известно, в силу ряда специфических условий – географического положения и оторванности от внешнего мира, отсталости общественно-политических отношений и слабой связи между собой племенных объединений – правителями этой постепенно освобождавшейся от турецкой власти маленькой страны являлись митрополиты, или владыки. Православная церковь в XVIII – первой половине XIX в. оказалась единственным фактором, способным объединить черногорские племена, создать государственную организацию. Резиденция владык – Цетиньский монастырь, расположенный в неприступных горах Катунской нахии, превратился в политический центр всей Черногории. вплоть до 1852 г. управление светское и духовное не было разделено. Русский дипломат и один из первых русских исследователей этого края, Егор Петрович Ковалевский отмечал: "Владыка – глава Черногории. Митрополит, военный начальник и судия, – он связан тройственным союзом со своим народом. Надежда на мир лучший и счастье в настоящем, молитва перед судией верховным и от сил земных, все упование народа в его владыке"¹. Необходимо также отметить, что именно православная церковь выступала от лица племен в международных отношениях. Ведь иностранные державы не могли иметь официальных дипломатических контактов с племенными вождями, так как несмотря на слабую зависимость от Порты Черногория формально ей подчинялась, и поэтому только церковь как негосударственный институт могла поддерживать дипломатические связи, что, несомненно, еще больше усиливало ее влияние в этом регионе.

Черногорские митрополиты, в лице представителей динас-

тии Петровичей-Негошей, обладали реальной политической властью, практически никем и ничем неограниченной. Е.П.Ковалевский писал по этому поводу: "Власть их ограничена только общим мнением и обычаями предков, которые чтутся как закон и исполняются точнее и непременно закона письменного"².

Борьбу за создание в Черногории централизованной власти, за ее освобождение от турецкой зависимости упорно вел митрополит Петр I Петрович Негош (1784-1830). В битве у села Крусы (22 сентября 1796 г.) объединенные черногорские и брдские племена нанесли поражение войскам албанского пашы Махмуда Бушатля. С этого времени Черногория становится фактически независимой от Османской империи.

Основной внешнеполитической задачей Петра I Негоша было добиться выхода Черногории к морю, расширения ее границ за счет прилегавших к ней территорий, добиться официального признания независимости своей страны. В начале XIX в. он направил главные свои усилия на присоединение Боки Которской, но по воле великих держав она в 1814 г. была передана в состав Австрии.

Несмотря на крушение своих внешнеполитических планов, митрополит Петр и после окончания наполеоновских войн продолжал добиваться признания статуса независимости Черногории европейскими правительствами. У него было два пути: либо искать поддержку у единой России, либо принять покровительство Австрийской империи, владевшей Адриатическим побережьем. Понятно, что омпатии Негоша были связаны с Россией, с которой он в это время стремился восстановить союзные отношения, существовавшие до 1814 г. Но Россия в это время фактически устранилась от решения черногорских проблем. Александр I, озабоченный упрочением "Священного союза", не хотел вступать в конфликт с Австрийской империей и Портой из-за политических проблем своего недавнего союзника. Черногорскому митрополиту было открыто заявлено, что в сложившейся ситуации Россия не будет содействовать осуществлению черногорских внешнеполитических замыслов. Была прекращена и выплата денежной помощи. В результате такой

политики русские позиции в Черногории значительно ослабли³.

И только в 1826 г., когда вновь обострились отношения между Россией и Османской империей, император Николай I возобновил связи с Черногорией и ей вновь стала выплачиваться денежная субсидия. С этого времени русско-черногорские отношения приобрели регулярный характер и этой стране стало отводиться особое место в балканской политике Петербурга.

Но чем же был вызван столь значительный интерес России к этой маленькой части Балканского полуострова? Нельзя не согласиться с мнением одного из самых значительных русских исследователей этого края П.А.Ровинского, отмечавшего: "Даже самый поверхностный взгляд на историю и характер этих сношений обнаруживает, что главную роль в них играет именно политический интерес"⁴.

Черногория являлась для России наиболее удобной базой распространения своего политического влияния среди балканских народов, а во время войн с Османской империей приобретала важное стратегическое значение. Кроме того, надо учитывать, что возобновление контактов с Черногорией во второй половине 20-х годов XIX в. обуславливалось необходимостью противодействовать Австрийской империи, которая, пользуясь бездействием России, активно стремилась распространить свое влияние на этот регион. Вот, например, что сказано по этому поводу в отчетах III Охранного отделения: "Австрийская империя, действуя постоянно по правилам, принятым ею в отношении Черногории как к пункту, имеющему важное влияние на других единоплеменных народов и могущему со временем служить или значительным пособием в политике Австрии, или сильным противником оной, всеми мерами старается посеивать раздоры и несогласия между мирными обитателями гор и возбуждать в них неповиновение к законной власти. Сими средствами Австрийская империя надеется исполнить план, с давних времен ею составленный: или совершенно поработить Черногорию своему владычеству, или стереть с лица земли саму память о ней"⁵.

Можно считать, что новый этап в развитии политических связей России с Черногорией наступил после прихода там к власти митрополита Петра II Петровича Негоша (1830–1851) – выдающегося правителя и одного из основоположников сербской литературы. Именно он во многом осуществил мечты своих предшественников об установлении в Черногории государственного порядка. Он укрепил центральную власть, успешно искоренял патриархальные пережитки, заботился о просвещении страны. В 1831 г. им был учрежден Сенат, включавший в себя представителей всех нахий, а также создана национальная гвардия, призванная приводить в исполнение его постановления. В 1833 г. было введено налогообложение населения. В случае сопротивления государственные структуры силой заставляли черногорцев платить подать. В том же году в Цетинье открылась первая начальная школа, а в 1834 г. первая типография, где были впервые опубликованы произведения владыки.

Петр II Негош был талантливым дипломатом, много сделавшим для международного признания Черногории как независимого государства. Во время его правления коренным образом меняются взаимоотношения Черногории с соседними государствами – в том числе с Россией и с Османской империей. Он дважды, в 1833 и 1837 гг., посетил Петербург, завел здесь множество полезных знакомств, а также был посвящен в сан архиерея. Представляя Черногорию в официальных кругах русской столицы и выступая от лица черногорского народа, он сумел поднять авторитет своей страны среди правящих кругов России, что положительно сказалось на взаимоотношениях этих стран. Им также было приложено немало усилий для того, чтобы в 1839–1843 гг. была определена черногоро-австрийская граница и в 1842–1843 гг. достигнута договоренность относительно черногоро-герцеговинской пограничной линии. Этими соглашениями он заставил смотреть на Черногорию как на самостоятельную страну, что явилось важным шагом в преодолении ее политической изоляции. Е.П.Ковалевский отмечал в одном из своих донесений: "Кроме того, частые его трактаты с пашами Албании, Боснии и Герцеговины сохраняли эти стра-

ны в миролюбивом отношении к Черногории. Этими трактатами он заставил смотреть на Черногорию как на самостоятельную страну"⁶.

Политическая деятельность Петра II Негоша свидетельствовала о его незаурядных личных качествах. Он один смог коренным образом изменить старые общественные порядки, заложить в Черногории нормы европейского права. Ковалевский писал о результатах его правления: "Черногория наслаждается внутри гораздо большим спокойствием. Кровомщение, которое так сильно терзало страну, теперь почти уничтожилось; произвол и самоуправство заменены судом сената, которого исследования и решения, производимые словесно, всегда скоры и большей частью беспристрастны"⁷.

Все преобразования, проведенные в Черногории с конца XVIII и в первой половине XIX в., окончательно превратили митрополитов в самодержавных правителей, которые к тому же мало заботились о церковных делах. Рассматривая политическое устройство черногорского общества, нельзя говорить об этой стране как о теократическом государственном образовании. Сама церковь, ее организация была очень слаба, а духовный сан имел для черногорских владык лишь формальное значение. Так, например, Ковалевский особо отмечал невнимание Петра II Негоша именно к церковным делам: "Если покойный владыка за что и заслуживает справедливого упрека, то за невнимание к делам церкви. Духовенство находится в том же невежественном состоянии, в каком находилось прежде, большая часть священников едва умеет читать, церкви в запущении; в некоторых церквях всего одна или две иконы, сама цетиньская митрополия находится в жалком состоянии"⁸.

Социально-экономические и политические преобразования, проведенные черногорскими правителями на протяжении первой половины XIX столетия, не могли произойти без поддержки со стороны крупной европейской державы. Без этого страна, рано или поздно, была бы обречена на гибель. И в такой ситуации вполне понятна тяга черногорских правителей именно к России — сильной единоверной державе, вечному неприятелю Османской империи, способной разрушить политическую изоляцию Черног-

рии. В противном же случае, как справедливо отмечало в своих отчетах III Охранное отделение, "Черногория необходимо должна или подпасть владычеству всегдашних гонителей своих оттоманов, или принять пособие одной из христианских держав, пожертвовав и в сём случае свободою и самобытием своим, — последним благом, служащим лучом надежды и для других, единоплеменных Черногории народов: ибо с падением свободы черногорцев, последнего из царства сербского племени, сохранившего по сие время сую независимость, неминуемо увеличатся гонения, теми народами претерпеваемые, и вместе с тем исчезнет последняя надежда, в перенесении этих гонений их укрепляющая"⁹.

Между тем после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. произошли важные изменения политики России в Восточном вопросе. Царизм стал направлять все усилия на поддержание добрососедских отношений с Османской империей, продление существования "слабого соседа": таким путем рассчитывали подчинить Порту своему влиянию, усилить российские политические позиции на Балканах и Ближнем Востоке. Этому курсу была подчинена и политика в отношении Черногории. В 30–40-х годах повседневные контакты России и Черногории поддерживались через русского вице-консула в Дубровнике Еремея Гагича. Именно он во многом определял отношение русского правительства к Черногории во время правления там Петра II Негоша и координировал действия самого владыки, который с первых дней своего правления находился под пристальным вниманием консула. Основная задача России в тот период сводилась к стремлению доказать Негошу необходимость пограничного мира, пусть даже ценой территориальных потерь. Ему настойчиво советовали не вмешиваться в дела соседних славянских народов. Как и прежде, русско-черногорские отношения строились исходя из политических интересов только самой России, главным образом, исходя из ее взаимоотношений с Османской империей и Австрией.

Сам Гагич был весьма посредственным политиком и имел слабое представление о черногорских делах. Яков Николаевич Озерецковский — талантливый русский дипломат, который в

1837 г. посещал эту страну, писал о своей встрече с Гагичем: "Проходя мимо Рагузы я был у нашего вице-консула Гагича, говорил с ним; но, как мне показалось, Черногория известна ему столько же, как и мне, не более. Это мне показалось странным"¹⁰. На взаимоотношения консула и Петра II влияли личные амбиции Гагича, что во многом повредило митрополиту в его контактах с правящими кругами Петербурга. Так, например, было в 1837 г., когда владыка решил второй раз посетить Россию. В это время произошло осложнение в русско-черногорских взаимоотношениях, что было связано с возникшим конфликтом из-за Гракково - спорной территории между черногорцами и турками. Недоброжелатели Негоша обвиняли его в плохом правлении, в неспособности контролировать ситуацию в стране и сохранять мирные отношения с Османской империей. Русский министр иностранных дел К.В. Нессельроде писал Петру II: "Получили мы здесь донесения, будто бы распоряжения Ваши породили смуту между народами и кровопролитие, что много фамилий черногорских бежали в разные стороны, что народ сильно на Вас негодует, что вмешательство Ваше против воли народа в дела Гракково было причиной сожжения его селений и умерщвления многих жителей, кои до этого, платя туркам небольшую дань, находились в спокойствии, и что, наконец, народ черногорский озлобился против Вас, что Вы выехали под предлогом высочайшего повеления в С.Петербург"¹¹. Для проверки положения дел в Черногории туда был послан Гагич, а Негош задержан в Пскове. Из донесений консула видно, что он был более расположен к недоброжелателям владыки. Директор Азиатского департамента К.К. Родонификин писал по этому поводу русскому послу в Вене Д.П. Татищеву: "Из донесения его явствует, что сии последние не во всех частях основательны, что народ действительно претерпевает большую нужду, но имеет доверие к своему владыке, и что если в иных случаях поведение преосвященного Негоша не вполне соответствует достоинству сана, коим он облачен, то это приписать более можно молодости и неопытности его, нежели закоренелым порокам"¹².

Но в русском МИДе сумели правильно оценить ситуацию и 18 мая 1837 г. Петр II прибыл в Петербург, где провел 24 дня. Личные объяснения владьки с Николаем I были причиной успешного завершения поездки. Черногории была увеличена денежная помощь, а для более детального выяснения положения в этой стране туда был послан Яков Николаевич Озерецковский. Он должен был передать денежное пособие и проследить, чтобы эти деньги были употреблены на обеспечение нуждающихся и на благоустройство страны. Находясь в Черногории, он провел обширную работу по изучению этого края, дав также владьке советы касательно его политики. Благодаря его деятельности Петр II смог окончательно сосредоточить в своих руках власть. Собрав об этой стране обширный материал, Озерецковский составил подробный доклад, который был представлен Николаю I. Сообщая об этом Петру II, Озерецковский писал: "Теперь дела должны пойти гораздо лучше, ибо Чёрная Гора известна государю вполне, и посол принял многие убеждения и суждения о Вашей стране"¹³.

Чтобы проверить сведения Озерецковского, и прежде всего о наличии полезных ископаемых, в 1838 г. в Черногорию был послан Е.П.Ковалевский. Его миссия занимает особое место в истории русско-черногорских отношений. Талантливый ученый, писатель, дипломат, Ковалевский много сделал как для самой Черногории, так и для того, чтобы эта страна стала известна широким слоям русского общества. Он обошел всю Черногорию, тщательно ведя геологическую разведку, а кроме того исполнял дипломатические поручения. Результатом его деятельности явилось подробное описание природы, экономики, а также составление географической карты. Русское правительство получило точные сведения не только об экономическом и политическом положении страны, но и познакомилось с географическим описанием Черногории, получило первую ее точную карту.

Е.П.Ковалевский изложил просьбу владьки о его желании иметь в Цетинье постоянного русского представителя: "Владька желает, чтобы в Черногории находился постоянно под каким бы то ни было предлогом российский чиновник, чтобы любовь окрестных славянских племен, воспламененная в настоя-

щее время до энтузиазма, видела залог взаимного внимания российского правительства..."¹⁴.

Надо сказать, что эта просьба владыки была обоснованной. Постоянный представитель России — державы, считавшейся покровительницей Черногории, мог быть ему очень полезен в проведении реформ. Поддержка им мероприятий митрополита могла бы привлечь на сторону последнего новых сторонников. Кроме того, постоянное присутствие русского представителя облегчило бы владыке отношения с соседними государствами — Австрией и Османской империей, помогло бы окончательно установить с ними дипломатические контакты. Видимо, понимая все это, Ковалевский старался, чтобы вопрос был решен положительно. Таким путем можно было бы нейтрализовать действия Гагича, отношения владыки с которым совсем испортились. Ковалевский писал Негошу: "Ваш недоброжелатель Гагич будет переведен из Рагузы; новому консулу поставится в обязанность жить часть года в Цетинье"¹⁵. Но русское правительство не удовлетворило эту просьбу, так как по-видимому боялось, что с назначением русского консула в Цетинье сразу же встанет вопрос об определении политического статуса Черногории в системе Османской империи, чего Россия стремилась избежать.

Позднее Е.П.Ковалевский обобщил весь собранный материал в одной книге "Четыре месяца в Черногории", представив русскому читателю ее владыку — Петра II Негоша как мудрого политика и благородного человека.

Вслед за Ковалевским Черногорию стали посещать русские ученые, путешественники, стремившиеся непременно побывать на этом маленьком "острове свободы" среди владений Порты. Их произведения сейчас помогают нам взглянуть на Черногорию глазами европейца середины XIX в., открывшего на географической карте Европы совершенно незнакомую страну и желавшего как можно быстрее познакомить с ней своих соотечественников.

В 1842 г. член московского славянофильского кружка Александр Николаевич Попов на пути из Берлина, где он совершенствовал свои знания в области философии, посетил Черногорию.

По возвращении в Россию он опубликовал книгу "Путешествие в Черногорию"¹⁶. Она охватывает период черногорской истории от средневековья до 1830 г., т.е. до смерти митрополита Петра I Негоша. Представленный в работе материал и сейчас может быть полезен исследователю, поскольку включает в себя тексты юридических документов той эпохи, например, "Законник общий черногорский и брджский", завещание Петра I Негоша, а также свои оценки новых юридических норм в Черногории.

Пробуждение интереса к Черногории нашло отражение в русской периодической печати. В 30-40-е годы XIX в. количество журнальных и газетных публикаций, посвященных этой стране резко увеличилось. В периодике появлялись как маленькие заметки, посвященные конкретным событиям, так и обширные статьи по истории и культуре Черногории, рецензии. Важно отметить, что материалы эти не зависели от направления того или иного журнала. И консервативная пресса ("Сын Отечества", "Русский вестник"), и либеральная ("Современник", "Отечественные записки") уделяли достаточно много места черногорским сюжетам, публикуя на своих страницах как сербских авторов (например, Медаковича), так и русских (В.Б.Броневского, Е.П.Ковалевского, В.Макушева и др.). Для сегодняшнего исследователя эти материалы – важный источник по истории и культуре Черногории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К о в а л е в с к и й Е. П. Черногория и славянские земли. СПб., 1872. С.9.
2. Там же.
3. См. подробнее: Д о с т я н И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С.180-195.
4. Р о в и н с к и й П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I. СПб., 1888. С.661.
5. ГАРФ. Ф.109 (СА). Оп.4. 1830 г. Ед.хр. 389. Л.4(об).
6. Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972. С.350.
7. Там же.
8. Там же. С.352.
9. ГАРФ. Ф.109 (СА). Оп.4. 1830 г. Ед.хр.389. Л.4-5(об).
10. Там же. Ф.109 (СА). Оп.2. 1837 г. Ед.хр.132. Л.69(об).
11. АВПРИ. ГА. Политотдел. Ф.161/3. Оп.233. 1837 г. Д.1.
12. ГАРФ. Ф.109 (СА). Оп.2. 1837 г. Ед.хр.132. Л.64(об).

13. В у к с а н Д. Писма Озерецковскога, Ковалевско-
га и Чевкина владици Раду. Споменик СКА. Кн . 81 (63)
Београд, 1935. С.9.
14. АВПРИ. ГА. Политотдел. Ф.161/3. Оп.233. 1838 г.
Д.2. Л.37.
15. В у к с а н Д. Указ.соч. С.17.
16. Ш о п о в А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб.,
1847.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
В.П.Грачев. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России.....	4
И.С.Достян. Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII - первая треть XIX в.).....	4I
И.В.Чуркина. Илия Гарашанин и его отношение к России (1842-1860 гг.).....	8I
Е.К.Вяземская. Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50-70-х годах XIX в.	100
Ю.П.Аншаков. Из истории русско-черногорских отношений в конце XVIII - начале XIX в.	119
И.Ф.Макарова. Россия в представлениях и отношении к ней болгар (начало XIX в. - 1875 г.)....	142
А.А.Улунян. Русская периодическая печать времен Крымской войны 1853-1856 гг. о Болгарии и болгарях.....	163
Г.Л.Арш. Александр Ипсиланти и его взаимоотношения с правительством России (новые архивные данные).....	208
В.Н.Бикстрадср. Дунайские княжества: от ориентации на Россию к ориентации на запад.....	24I
В.Н.Виноградов. 1848-1878 гг.: свет и тени в русско-румынских отношениях.....	259
В.И.Шеремет. Русские и турки: развитие взаимных представлений.....	278
Н.В.Вишняков. Петр П Негош и Россия.....	300

Россия и Балканы

Из истории общественно-политических и
культурных связей
(XVIII в.- 1878 г.)

Сборник статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук И.С.Достян

Сборник подготовлен
в Редакционно-издательском отделе
Института славяноведения и балканистики РАН

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 26.12.95 Печ.л.19,5 Тираж 300 экз. Тип.зак. № 3.
Цена договорная.

Отпечатано ООО КМП "Фирма Эра". 105264, Москва, 7-я Парковая ул., 21а.
Тел. 163-8127, 163-8537

